

Дж. Гринберг

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА

Вводный курс

Joseph H. Greenberg

**ANTHROPOLOGICAL
LINGUISTICS**

An Introduction

Дж.Гринберг

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

Вводный курс

Перевод с английского
В. П. Мурат

Москва • 2004

УРСС

Цжиберг Джозеф

Антропологическая лингвистика: Вводный курс: Пер. с англ. — М.: Едиториал УРСС, 2004. - 224 с.

[81^ 5-354-00673-2

В книге известного американского лингвиста — специалиста в области типологии и теории универсалий Джозефа Гринберга — рассматриваются ключевые проблемы науки о языке, начиная от природы и структуры языка и заканчивая классификациями языков и диахроническими изменениями. Гринберг подводит итоги развитию структурального направления в лингвистике к моменту появления трансформационной теории, но многие высказанные им суждения и идеи выдержали проверку временем и сохраняют свою актуальность также для лингвистики начала XXI века. Благодаря педагогическому мастерству автора антропологическая лингвистика, трактующая сложные теоретические проблемы, может служить прекрасным введением в изучение науки о языке.

Рекомендуется филологам всех специальностей, историкам, этнографам, психологам, студентам и аспирантам гуманитарных факультетов, а также всем интересующимся проблемами языка.

Ответственный редактор *В. Д. Мазо*

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия **Октября**, 9.
Лицензия ИД №05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 29.01.2004 г.
Формат 60x90/16. Тираж 2000 экз. Печ. л. 14. Зак. № 3-1235/433.

Отпечатано в типографии ООО «РОХОС». 117312, г. Москва, пр-т 60-лесья Октября, 9.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УРСС

5-354-00673-2

Е-тап:
Каталог изданий

Тел./факс: 7 (095) 135-42-16

Тел./факс: 7 (095) 135-42-16

Едиториал УРСС, 2004

Оглавление

Предисловие	6
I. Природа языка и его определение	8
II. Лингвистика как наука	24
III. Описательная лингвистика	41
IV. Грамматическая теория	60
V. Фонология	88
VI. Языковые изменения	111
VII. Типы классификаций языков	130
VIII. Синхронические универсалии	148
IX. Диахронические обобщения	168
X. Объяснения более высокого уровня	192
Список условных обозначений	214
Именной указатель	215
Предметный указатель	216

Все Права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или **передана** в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование И запись на магнитный носитель, если на то нет письменного **разрешения** Издательства.

Предисловие

Когда Марвин Харрис и Мортон Фрайд впервые обратились ко мне с предложением написать книгу о языке для публикуемой издательством «Рэндом Хаус» серии «Труды по антропологии», они выразили надежду, что по крайней мере в некоторых из планируемых работ найдется место «как для синтеза творческих поисков, так и для отражения традиционных подходов». Они, однако, не были уверены, применимо ли подобное пожелание к лингвистике в такой же мере, как к другим наукам, поскольку «у них сложилось мнение, что лингвистика уже имеет прочное таксономическое методологическое основание». Но как раз в то время, когда Марвин Харрис и Мортон Фрайд писали эти слова, многое из того, что обычно считалось частью основания лингвистики, было уже поколеблено в результате первого могучего натиска трансформационной теории на науку о языке в Америке и во всем мире. Необходимо было, поэтому, пойти другим путем: попытаться по-новому сформулировать то, что, по-видимому, устояло и являет собой первооснову и достижение лингвистики. В этой нелегкой работе я руководствовался верой в то, что важнейшей задачей лингвистики, как и любой другой эмпирической науки, является создание обобщений, подобных законам.

Учитывая, что книги данной серии адресованы в основном широкой неспециальной аудитории и что объем книг ограничен, я постарался изложить некоторые темы, составляющие самую суть лингвистической науки, как своего рода введение, избегая узкоспециального подхода. И если мне это удалось, настоящая книга может помочь аспирантам и студентам, особенно тем из них, кто специализируется не в лингвистике, а области других наук, получить на ранних этапах обучения предварительное представление о природе и задачах науки о языке.

Хочу выразить свою особую благодарность главным редакторам всей серии «Труды по антропологии» Марвину Харрису и Мортону Фрайду за их помощь в подготовке этой книги; Дороти Кашуб, прочитавшей книгу в рукописи, а также моей преданной машинистке миссис Кэти Уирс.

ПРИРОДА ЯЗЫКА И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Среди бесчисленных видов живых существ, обитающих на земле, человек занимает уникальное место благодаря сложности своих институтов и той огромной власти, которой он обладает над всем неодушевленным и одушевленным в **окружающей** его природе. По мнению антропологов и представителей других социальных наук, это объясняется **наличием** / человека особого, только ему присущего способа адаптации к **окружающей** среде — культурного. Человек стал выше ростом, чем жираф, и врылся в землю глубже, чем крот, не потому что у него выросла более длинная шея или появилось более дефективное для рытья рыльце — на это человеку потребовались бы, наверное, многие тысячи лет, — но путем накопления липши и навыков. Более того, каждому появляющемуся на свет человеческому существу не приходится в одиночку противостоять окружающему миру, опираясь только на свои индивидуальные способности и опыт. Человек растет в той или иной из многочисленных групп людей, и с помощью этой группы он приобретает знания, технические навыки, формы межличностного приспособления, а также моральные ценности, верования и многое другое, с чем он противостоит миру. Все эти накопленные знания, навыки и т.п. составляют небиологическое наследие, которое мы называем культурой данной группы.

Среди всех аспектов культурного наследия самыми фундаментальными антропологи практически единодушно признают два: орудия труда и речь, поскольку они являются необходимыми предварительными условиями для всех остальных.

В отношении орудий труда необходимо сделать некоторые пояснения. Мы здесь имеем в виду не просто использование

орудий труда, но их изготовление. Наиболее близкий биологический родственник человека — человекообразная обезьяна — В этом, как и в других отношениях, ближе всего превосходит развитие человека. Так вот, человекообразные обезьяны, так же как некоторые другие приматы, особенно бабуины, используют в качестве орудий предметы, которые они находят в природе, например, палки или камни. Однако только человек изготавливает орудия, то есть видоизменяет предметы, находимые им, и создает новые искусственные предметы, приспособленные для той или иной конкретной цели. Пограничным случаем, насколько можно судить, является шимпанзе по кличке Султан, принадлежащий Кёлеру*. Султан в ходе знаменитого эксперимента соединил вместе две палки и с их помощью сбил банан, до которого иначе никак не мог дотянуться. Хотя Султан действительно создал предмет, которого не было в его окружении, однако палки предварительно были обработаны так, чтобы их можно было вставить друг в друга, и сделали это люди — плотники. Без участия людей в эксперименте даже Султан не выбрал бы сам две палки и не соединил бы их вместе, чтобы получилось необходимое ему орудие. И в то же время, не было замечено, чтобы какие-либо виды животных действовали таким или сходным образом самостоятельно. Две основные человеческие черты — изготовление орудий труда и речь — имеют между собой больше сходства, чем может показаться на первый взгляд. Общим для них является то, что они оказывают не прямое воздействие на окружение — естественное окружение в случае орудий труда и социальное окружение в случае речи. С помощью орудий труда человек расширяет сферу своих действий, манипулируя каким-либо физическим предметом, который не является частью его тела. В некоторых простейших случаях орудие функционирует как искусственная конечность. Палка, например, выступает как искусственная рука, позволяющая двигать предмет, который не удавалось достать

* Кёлер Вольфганг (1887-1967) — немецкий психолог, один из основоположников **направления** гештальт-психологии, с 1935 года работавший в США и ставший **широко** известным благодаря исследованиям интеллекта человекообразных обезьян, который, по его мнению, принципиально сходен с интеллектом человека. — *Прим. перев.*

с помощью самой руки. Аналогичным образом посредством речи человек может побудить другого человека сделать нечто для себя — например, сорвать с дерева яблоко, до которого он сам не мог дотянуться. И именно в качестве орудия социального взаимодействия и сотрудничества речь выступает наиболее явно как преимущество человека в его эволюции.

Изготовление орудий и речь взаимосвязаны еще в одном отношении. Мы можем себе представить использование очень простых орудий, как, например, палок, в условиях, когда речь отсутствует. Таков случай, когда орудия используются приматами. В отличие от этого, когда орудие использует, даже на самом простом уровне, человек, он изменяет форму палки или камня, чтобы сделать их более пригодными для той или иной определенной цели. В таких случаях для предмета, которого пока нет в действительности, явно требуется некий символический субститут. Изобретательность, необходимая для производства даже таких сравнительно элементарных приспособлений, как палочки для добывания огня, очевидно превосходит способности самых высоко развитых в умственном отношении животных. Здесь нужна способность решать технические проблемы, используя воображение, при помощи конструкторов, позволяющих создать предметы, не встречающиеся в природе. Такие усилия конструктивного воображения вряд ли возможны без посредства языка.

Если среди археологических находок мы обнаруживаем определенные типы таких целенаправленно смоделированных орудий, повторяющиеся на протяжении длительного времени в форме, характерной для определенной традиции изготовления орудий, мы имеем дело с явлением культуры, которое, как мы полагаем, не могло возникнуть без языка. Из того, что это явление передавалось от поколения к поколению, мы заключаем, что здесь проявилась основная функция языка: сообщение уже приобретенного знания. Такое косвенное свидетельство позволяет с очень большой долей вероятности предположить, что древние виды предшественников человека разумного, которые, как показывают данные археологии, изготавливали орудия определенной формы и передавали соответствующие специальные навыки от поколения к поколению, также обладали языком. Если та-

кой вывод из имеющихся данных верен, тогда язык существует несколько миллионов лет.

Хотя два или три миллиона лет кажутся огромным промежуточным временем, это на самом деле лишь короткий миг в бесконечной перспективе геологического времени, в пределах которого жизнь на земле насчитывает несколько миллиардов лет. Язык, следовательно, это недавнее явление, совпадающее по времени возникновения с появлением самого человеческого рода и тесно связанное с ним в процессе его эволюции.

Принципиально новый тип адаптации, который становится возможным благодаря языку, характеризует язык как фактор эволюции, имеющий первостепенное значение, появление которого знаменует собой начало совершенно нового периода развития, сопоставимого с зарождением самой жизни и с первыми проявлениями разума. Изучение проблемы происхождения языка пока породило лишь многочисленные умозрительные теории, но так и не дало ответа, который был бы общепринятым и удовлетворительным. Неувядающая привлекательность данной проблемы отчасти объясняется верой в то, что коль скоро все данные указывают на весьма продолжительный период времени, когда языка не было, сам факт существования языка сейчас означает, что язык должен был возникнуть в какой-то момент времени, и, следовательно, вопрос о том, как он возник, должен иметь ответ. Однако поскольку прямая проверка в подобном случае невозможна, мы никогда не сможем быть уверены, что получили правильное решение. Конечно, представляется несколько странным и обескураживающим, что существо без языка каким-то образом превратилось в существо, обладающее языком, тогда как мы, сами имеющие язык, не знаем, как это произошло.

У меня нет намерения добавлять еще одну теорию к тем, что уже существуют в этой области. И все же, по-видимому, можно с уверенностью предположить, что язык не возник из ничего. Ему должно было предшествовать нечто, из чего он генетически возник. Это нечто, хотя и не обладало существенными характеристиками языка, имело некоторую общую с ним формальную и функциональную основу. Наиболее очевидным кандидатом на эту роль является коммуникация с помощью звуковых жестов, подобная той, какую мы встречаем у человекообразных обезьян;

по своему типу, по крайней мере, она представляет собой одно из наиболее древних явлений, из которых вырос язык. Вполне возможно, что существовали и другие промежуточные формы, которые не были обнаружены у обезьян и также не являлись языком. Короче говоря, язык — это одна из разновидностей рода — рода коммуникативных систем.

В связи со сходством языка и других систем коммуникации возникают три важных и взаимосвязанных вопроса. Первый вопрос, который уже был затронут и который по существу отражает традиционный подход к проблеме, это вопрос о происхождении языка: Каким образом в ходе исторического развития из неязыка возник язык? Второй вопрос — это вопрос определения: Что отличает человеческий язык как систему коммуникации от других форм коммуникации? И, наконец, третий вопрос — вопрос психологический: Какие способности необходимы для языкового поведения? Предполагают ли они просто усложнение в основном тех же психологических возможностей, какие встречаются у животных? Или же у всех других животных отсутствуют биологические способности, которые необходимы для приобретения языка, и это делает для них владение языком в принципе невозможным? Некоторые психологи, по-видимому, считают, что более высоко развитые виды животных в принципе способны овладеть языком, и поэтому пытались развивать язык, например, у шимпанзе, правда, до сих пор без особого успеха.

Из указанных выше трех подходов — исторического, дефиниционного и психологического — мы ограничимся в основном вторым. В каком-то смысле он предшествует остальным двум, потому что если мы не определим, что существенно для человеческого языка и что отличает его от других средств общения, у нас не будет критерия для успешного решения двух других вопросов. Нередко предлагаются теории происхождения языка или психологические теории языка, в которых имплицитное понятие того, что составляет язык, является неполным, поскольку оказывается неучтенной та или иная существенная характеристика языка.

Для меня отправной точкой было убеждение, что язык — это лишь один из ряда реальных и потенциальных типов коммуникативных систем. Язык поэтому и сходен с другими формами коммуникации, и отличен от них. Сходство языка с некоторыми

другими явлениями находит отражение в тенденции использовать слово «язык» в различных расширительных смыслах. Так, в литературе, посвященной коммуникации животных, формы их общения нередко называют «языками». Математика также рассматривалась как язык, например, в образном высказывании Галилея, в котором он уподобляет тайны вселенной книге, которую мы не сможем понять, пока не узнаем язык, на котором она написана, а этот язык — математика¹). Музыку иногда называют «универсальным языком». Я не стану полемизировать с таким употреблением слова «язык». Меня интересуют определения человеческого языка в узком смысле слова, и я употребляю слово «язык» именно в таком значении. Можно было бы, конечно, использовать для обозначения моего объекта исследования термин «человеческий язык».

Мы располагаем очень подробным описанием коммуникации гиббонов, осуществленным Карпентером, который выделяет «девять типов более заметных и более легко различаемых моделей звуковых сигналов, производимых гиббонами»²). Как указывает Карпентер, «определить их функции в высшей степени трудно», но добавляет, что «эти звучания, так же как другие звуковые модели, несомненно не только выражают возбуждение у отдельной особи, но также имеют коммуникативную, сигнальную или инструментальную функцию».

Карпентер описывает каждый из этих девяти типов звуковых моделей исходя из ситуации, выступающей в качестве стимула, субъектов (то есть особей, испускающих сигналы), реакции других животных, их откликов и вероятной функции звукового сигнала. В качестве иллюстрации могут служить сле-

¹ 1_a n'1окойа ё аспНО 1п циекЮ \$рансН\$\$ппо Ньро сIе сопНпаетГе а 51а аперЮ \$1] оссЫ (ю сНсо РитугеБо), та поп к! риб трепо'еге ке рпта поп к'1трага э иперо'сг !а Цгшиа, е сопо\$сег \ сагаНеп пе' ^^!а1^ ё зспНо. Е\$И ё зспПо т 1т&иа ^ШетаЙса... 'Философия написана в этой великой книге так, что перед нашим "зором постоянно открывается вселенная, но понять ее нельзя, не выучив сначала е язык, не зная знаки, с помощью которых она написана. Она написана на языке ^тематики...' 1,е Opere (И СаШео СаНЕеи Уо1, VI. P1орспсе: Верьёра, 1933. P. 232.

² Перепечатано в книге: СаНелОп 8. Сооп. Кеас1ег т Сенера! Ап111горо]о2у. №1у ^огк: Но11, 1948. P. 3-43. Крики гиббонов описаны и представлены в таблице, "Ржзеденпой на с. 32.

дующие примеры. Второй из выделенных Карпентером девяти типов представляет собой крик, испускаемый рано утром или когда группа находится в движении. Этот сигнал издают взрослые особи мужского пола, и он имеет форму отдельных обособленных выкриков, «серии выкриков, но может повторяться снова и снова»; в ответ на этот крик обезьяны соседних групп производят сходные звуки или все вместе, или поочередно. Вероятную функцию этих сигналов Карпентер определяет как сообщение о локализации группы на ее территории, направленное на то, чтобы избежать межгрупповых конфликтов. Девятым, по Карпентеру, считается тип выкриков, издаваемых вожаком группы во время перемещения группы, и он «представляет собой стрекот (спанег) или ряд шелкающих звуков». Группа реагирует на сигнал, молча следуя за вожаком. Вероятная функция этого звукового сигнала описывается как «руководство продвижением группы».

Если рассматривать эти выкрики гиббонов как систему коммуникации, можно обнаружить, что она имеет ряд существенных отличий от коммуникации людей с помощью языка. Из них для настоящего обсуждения наиболее важны три: природа передаваемых «значений», отсутствие грамматической структуры и отсутствие членораздельного фонетического уровня, отделенного от уровня семантического. О природе значения говорит тот факт, что Карпентер не пытается дать «перевод» таких сообщений. Значению соответствует то, что он описывает как «возможная функция»; в первом из приведенных примеров это характеризуется как локализация группы и стремление избежать конфликта. Неопределенность такого сообщения обнаруживается сразу же, как только мы попытаемся его «перевести». Его можно трактовать как референциальное, означающее нечто вроде «Это наша территория», или как императивное «Держись подальше отсюда!». По существу мы можем понять эти выкрики просто как разновидность спонтанного звукоиспускания, связанную с утренним пробуждением или с передвижением группы и служащую знаком присутствия первой группы в определенном месте. Здесь мы всё еще ближе к экспрессивному поведению, которое может быть истолковано другим существом как знак, чем к строго упорядоченной целенаправленной коммуникации. И даже если бы мы признали ее таковой, мы все равно должны были бы отметить,

что в ней такие модальности, как индикативная, или референциальная не отграничиваются от императивной. Дело не в том, что человеческий язык референциален, а коммуникация гиббонов — нет, дело в том, что в человеческом языке различаются наклонения, одним из которых является референциальное, в то время как в коммуникации человекообразных обезьян нет никаких свидетельств их различия.

Второе основное отличие человеческого языка состоит в том, что каждый крик гиббона представляет собой отдельный и обособленный сигнал, который не сочетается с другими сигналами для образования сообщений, более сложных и поддающихся членению. В человеческой речи единицей функциональной коммуникации является предложение, которое членится на части — грубо говоря, слова; слова могут вступать в различные сочетания, и большинство из них, а именно те части предложения, которые имеют самостоятельное содержание, указывают на какую-то сторону конкретной ситуации, в отличие от тех, которые выполняют грамматическую функцию. Правила, регулирующие возможные сочетания таких компонентов, можно назвать грамматической структурой. Наличие сложной грамматической структуры, в которой элементы, имеющие независимое значение, могут образовывать различные сочетания и в которой некоторые элементы могут иметь функции, далекие от простого указания на класс наличествующих предметов, качеств или действий, открывает широкие возможности, которых нет ни в одной системе коммуникации животных. Человек высказывает предположения, задает вопросы, лжет, рассуждает о прошлом, строит планы на будущее: все это делает его «животным, связанным со временем» («ите-ЫшИпё ашта!»). Сигналы же гиббона ОТНОСЯТСЯ ТОЛЬКО к данному месту и данному времени.

Третье отличие человеческого языка от коммуникации животных может показаться несущественным — просто, так сказать, вопрос техники. Но речь идет о техническом средстве, имеющем огромную эффективность, без которого человеческий язык, как Нам известно, вряд ли был бы возможен. Различие заключается¹¹ членораздельной основе речи — в ней используется ограниченное количество отдельных звуковых единиц, обычно называемых Фонемами. Их число колеблется примерно от десяти до семидеся-

ти в различных конкретных языках, и каждая из них сама по себе не имеет значения, но определенные последовательности фонем образуют значимые единицы. В тех случаях, когда речь представлена алфавитным письмом, отдельные буквы или сочетания букв в целом соответствуют фонемам, и из этих элементарных единиц образуются тысячи значимых сочетаний, представляющих собой отдельные слова. Ясно, что используемый при коммуникации человекообразных обезьян способ отдельных звуковых сигналов для каждого значения ведет в тупик, поскольку число регулярных отчетливо различимых разных выкриков не может быть большим. В то же время только десять фонематических единиц, которые сами по себе значения не имеют, позволяют создать десять тысяч различных последовательностей из четырех фонем (то есть 10^4). Никаким другим известным способом невозможно, по-видимому, было бы образовать тысячи отличающихся друг от друга различных значимых единиц, которые существуют в человеческой речи.

Эта особенность человеческой речи получила название «двойного членения» (диаШу), поскольку она предполагает два уровня функционирования: звуковой уровень, единицы которого — фонемы — по своей внутренней сущности не несущие значения, и значимый уровень, на котором единицами выступают слова или другие единицы, используемые в грамматических конструкциях. Любая теория описания языка так или иначе сталкивается с этим различием между фонологическим и грамматическим уровнями.

Из трех указанных отличий человеческого языка от коммуникации животных — многомодальности, наличия грамматической организации и двойного членения — именно второе, наличие в каждом человеческом языке поддающейся анализу грамматической структуры, — в прошлом казалось лингвистам наиболее существенным свойством человеческого языка и достаточным основанием для отграничения человеческого языка от всех форм коммуникации животных.

Однако знакомство лингвистов с основными фактами, связанными с удивительной системой коммуникации пчел, которая была описана в новаторской работе фон Фриша, привело к появлению серьезных сомнений в достаточности наличия

грамматической структуры как критерия человеческой системы коммуникации³¹. После того как пчела-разведчик находит источник меда, она, возвращаясь в улей, исполняет танец из восьми фигур — Быстрота танца, то есть число фигур, совершаемых в единицу времени, связана с расстоянием до источника меда: чем оживленнее танец, тем ближе источник меда. Направление указывается углом, образуемым танцующей пчелой относительно поверхности улья, и этот угол соответствует углу между источником меда и солнцем. **Получив** информацию, переданную таким танцем, другие пчелы, не видевшие источника меда, способны полететь туда самостоятельно и найти медонос.

По-видимому, система коммуникации пчел предполагает сложный целостный сигнал, который, подобно предложению в человеческом языке, членится на сочетания значимых единиц. В данном случае имеются две таких единицы: одна — указывающая расстояние, и другая — указывающая направление, в каком надо искать источник меда. Получается, таким образом, что наличие грамматической структуры не является исключительной принадлежностью людей и не может служить определяющей характеристикой человеческого языка. Далее, наиболее естественным «переводом» сообщения пчелы представляется референциальное: «Имеется источник меда на таком-то расстоянии и в таком-то **направлении**». Вероятно, можно было бы интерпретировать сообщение и как «Летите и добудьте его!». Вместе с тем, если мы примем референциальный перевод, тогда может показаться, что пчелам присуще еще одно предположительно чисто человеческое качество — модальность. Следует, однако, помнить, что мы здесь говорили о формальном различии наклонений¹⁵ человеческого языка, а не просто о существовании какого-либо конкретного из них — повествовательного или референциального, например, — как о необходимом условии. В этом смысле Человеческий язык — это язык многомодальный, а коммуникативная система пчел — одномодальна.

³¹ См.: *Пчелы Как! воп.* Веек: ТИаг Уыоп, С11егшс1 Зенжк, апс1 Ыи^ии^е. КИаса, New Уогк: Сотел П1тгусп;йу Ррезк, 1950. (Рус. пер.: *Фриш К. Из жизни пчел.* М., 1966, сделан с немецкого издания книги **Фриша**. — *Прим. переи.*)

И еще в одном отношении факты, обнаруженные при изучении коммуникации пчел, оказали глубоко обескураживающее и, вместе с тем, стимулирующее воздействие на мышление лингвистов. Лингвисты часто отмечали, что человеческий язык обладает свойством, которое они назвали «продуктивностью» («*productivity*») и которое состоит в возможности понять сообщение, которое никогда не встречалось раньше. И действительно, мы постоянно создаем и интерпретируем предложения, никогда прежде в нашей практике, вероятно, не встречавшиеся. Очевидно, что в этом смысле сигналы гиббонов продуктивными не являются, но система коммуникации пчел обладает продуктивностью: пчела может найти источник меда с помощью такого типа сообщения, какого она никогда раньше не получала. И это свойство, общее для человеческой коммуникации и коммуникации пчел, делает неприемлемой любую слишком простую психологическую теорию значения, подобную той, что основывается на усвоенной в прошлом опыте ассоциации между сообщением и его значением.

Таким образом, из указанных выше трех характерных свойств человеческого языка, казалось бы, только двойное членение прочно сохраняет силу в качестве отличительной черты человеческой коммуникации от коммуникации пчел. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что различие не ограничивается двойным членением, но что важное различие обнаруживается и на грамматическом уровне. Так, у пчел сообщение всегда содержит два и только два значимых компонента. Что касается предложений в человеческом языке, то они не только могут содержать более чем две значимых единицы, — например, более чем два слова, — но длина этих предложений в принципе вообще не имеет ограничения. Так, мы не можем сказать о каком-либо конкретном английском предложении, каким бы длинным оно ни было, что оно является самым длинным возможным предложением. В грамматику английского языка, как по существу в грамматику любого естественного языка, встроены приемы, с помощью которых всегда возможно создать предложение более] длинное, чем любое -данное предложение, например, добавив *and* *the moon is made of green cheese* 'а луна сделана из зеленого сыра' или снабдив какое-либо существительное в предложении] дополнительным определением — прилагательным.

Таким образом, существует, как представляется, реальное различие в принципе между коммуникацией пчел с ее двумя значимыми единицами и человеческим языком с неограниченной сложностью его предложений. Если бы, например, в английском языке мы могли бы установить самое длинное предложение, тогда все другие предложения этого языка можно было бы перечислить в порядке убывающей длины и тем самым сосчитать. Поскольку сделать это невозможно, число предложений бесконечно. По определению, например, ряд натуральных чисел бесконечен: если нам представят какой-либо ряд чисел как ряд, включающий все числа, мы всегда можем добавить к нему новое число, следующее по величине за самым большим числом данного ряда. Все натуральные числа могут быть выражены средствами английского языка, а ведь это всего лишь незначительная часть всех английских выражений ⁴К

Можно было бы, конечно, возразить, что и в коммуникации пчел тоже существует бесконечность возможных сообщений, поскольку и расстояние и направление представляют собой некий континуум. Это, однако, другой вид бесконечности — непрерывность бесконечно малых различий. На практике подобное возражение не имеет силы, поскольку существуют различия в быстроте танца и его направлении, которые слишком малы, чтобы их можно было бы учесть. Следовательно, отсутствие ограничений количества значимых элементов в сообщении человеческого языка остается основным пунктом различия между ним и языком пчел.

Если мы сочтем убедительным приведенный выше аргумент о том, что в коммуникации пчел число сообщений все-таки ограничено, тогда становится очевидно, что продуктивность и бесконечность — не одно и то же. Коммуникация пчел характеризуется продуктивностью, но не бесконечностью. И действительно, если конечная система имеет определенный принцип организации более высокого уровня, тогда появляется возможность понять сообщение, какое никогда раньше не приходило. В случае коммуникации пчел продуктивность оказывается возможной именно благодаря постоянному изображению расстояния и направления в другом ряду измерений — как быстрота

⁴ Этим доказательством а Гоноп я обязан беседе с Солом Сапорта.

и угол наклона танца, причем при подобном переходе из одной системы измерения в другую отношения «большой — меньший» и «больше — меньше» остаются неизменными. Такие типы картирования называются специальным термином *иконические* (гсопз). И в том, что I* человеческой речи не существует такой постоянной связи между знаком и значением, состоит еще одно важное различие между человеческим языком и коммуникацией пчел. В человеческом языке связь между знаком и значением скорее произвольная в том смысле, что невозможно, исходя из звучания, предсказать значение. В таких случаях обычно говорят о символах. Следовательно, человеческий язык — это язык символов, тогда как коммуникация пчел строится на использовании иконических знаков.

До сих пор, однако, мы еще ничего не сказали о том, что, по-видимому, является самым фундаментальным отличием человеческого языка, отличием, которое, как будет показано дальше, включает все остальные отличия и, более того, помогает отграничить язык не только от систем коммуникации пчел или человекообразных обезьян, но еще и от других средств коммуникации. Это отличительное свойство языка мы назовем «семантической универсальностью». Когда мы рассматриваем семантическое содержание коммуникации пчел, нас поражает его узость. Оно связано только с источниками меда, что, несомненно, является для пчел вечно **завораживающим** предметом, но все-таки уж очень ограниченным. Между тем, с помощью человеческого языка мы можем говорить обо всем, о чем говорят пчелы, но сверх того о бесчисленных других предметах. Если все, что можно сказать с помощью одной системы коммуникации А, может быть переведено в другую систему В, тогда как не все, что можно сказать с помощью системы В, может быть переведено в А, мы говорим, что система В имеет семантически больший объем, чем А. В этом смысле любой человеческий язык имеет более широкий семантический объем, чем коммуникация пчел или гиббонов.

Можно также утверждать, что любой естественный язык является семантически более всеобъемлющим, чем любая другая система коммуникации. Эта характерная черта всех естественных языков и есть то, что выше было названо семантической

универсальностью[^] и что, по-видимому, обуславливает все другие характерные свойства, которые, насколько нам известно, присущи всем естественным языкам в отличие от рассмотренных нами систем коммуникации животных. Чтобы иметь дело с таким широким кругом предметов, необходим большой запас значимых элементов; а отсюда необходимость в двойном членении и бесконечной грамматической структуре. Кроме того, в отличие от произвольных символов человеческой коммуникации, иконические знаки, основанные на сходстве, при применении к сложному или абстрактному содержанию обнаруживают свою недостаточность, совершенно так же как пиктографическое письмо само по себе не способно передать структуру **звукового** языка.

И наконец, последнее сравнение, которое несомненно является поучительным, — это сравнение с другой человеческой символической системой — с математикой. Математика сходна с языком в том, что ее формулы можно разделить на отдельные значимые символы, сочетание которых создает эти и другие сообщения. Более того, в математике, как и в естественных языках, существует бесконечность сообщений. По сути дела, это уже подразумевалось выше в нашем рассуждении о том, что бесконечность естественных языков может быть доказана тем, что в них получает выражение бесконечный ряд натуральных чисел. Кроме того, эти выражения составляют лишь часть математических выражений, и значит, математика обладает не просто грамматической структурой, но бесконечной грамматической структурой. Таким образом, математике присущи некоторые важные **свойства** языка,

Другим семантическим свойством естественного человеческого языка;!, **к**-**возможно**, покажется более **предпочтительным** для тех, кто испытывает **Различные** сомнения в связи с понятием периода, является следующее. Мы можем сформулировать правила коммуникации пчел с помощью естественных **■**Зыков, тогда как пчелы не могут сформулировать грамматику естественных **Ъ**ыка с помощью своей собственной системы. Следовательно, естественные язы-¹¹
¹²УЖат в качестве метаязыков для других коммуникативных систем. Таким ⁰
"Разом, параллельно различию, установленному в тексте, мы могли бы сказать,-⁰
естественные языки — это универсальные метаязыки и единственные меча-¹¹К|
подобного рода. Иначе говоря, с помощью любого естественного языка **■*■**"»
сформулировать грамматические правила любой коммуникативной систе-¹⁴
включая коммуникативную систему самого этого язык;! и любого другого
Тест¹⁵венного языка.

которые отсутствуют в коммуникации пчел. Однако ключевой ХЯ характеристики — семантической универсальности — она лишена

Верно, что любая математическая формулировка может быть передана обычным языком. По существу, мы определяем более сложные математические понятия, исходя из основных понятий[^] взятых из повседневной жизни и обычного языка, — например числа и сложение. Но обратное неверно: невозможно перевести на язык математики *Pass me /Le yal eg* 'Передайте мне воду' или *Ц^Иеге аге ту \$Ia&se\$?* 'Где мои очки?', или бесконечное множество других предложений обычного языка. Два других свойства языка, по-видимому, сохраняют силу, отличая язык от математики, — это различие в языке разных модальностей и двойное членение: в математике, как представляется, существует только одна модальность — утверждение, и кроме того, математические символы имеют значение как таковые и их нельзя разложить на более мелкие элементарные незначимые единицы, которые соответствовали бы фонемам звукового языка или буквам письменного языка.

Из трех оставшихся характеристик, определяющих уникальность языка — наличие многомодальноеTM, двойное членение и семантическая универсальность — первая, хотя и является в целом исключительной принадлежностью системы человеческой коммуникации, если поразмыслить, присуща, очевидно, не только естественному языку. Как известно, были созданы системы символов формальной логики, которые, как и математику, можно рассматривать в качестве системы символов, но которые включают различные модальности помимо индикатива, — например возможность. Такие символические системы способны выразить утверждение типа: *A may be Igie* 'Возможно, что А истинно'.

До сих пор термин *язык* употреблялся без различия применительно и к устной форме языка, и к его письменной форме. Обычно имелся в виду звуковой язык, потому что он первичен в ряде отношений (они будут рассмотрены ниже), из которых наиболее очевидным является то, что он первым возник в процессе эволюции; более того, каждый человек сначала научается говорить, а уж потом писать, и по правде говоря, многие люди, говорящие на том или ином языке, никогда не учатся на нем

писать. В некоторых дискуссиях по данному вопросу под термином *язык* понимается только устный язык, и использование звуков в качестве средства коммуникации включается, следовательно, в определение языка. В данном случае представляется более целесообразным рассматривать язык, исходя из его структурных характеристик, а не из используемой физической материи. На этом основании мы признаем языками и разговорный, и письменный языки (а также любые другие реализации, основанные на устном или письменном языке как, например, азбука Морзе). Это вполне соответствует обычному словоупотреблению. Более того, в принципе, с некоторыми оговорками, для любого языка, существующего в обеих формах, имеется их одно-однозначное соответствие на уровне предложения. Всякое устное предложение имеет орфографическую репрезентацию, и всякое письменное предложение может быть прочитано^{6K}

Существуют две главных системы письма. В фонетической системе письма отдельные символы соответствуют, с разной степенью сложности, отдельным фонемам или, в некоторых системах, слогам. Другой тип систем письма можно назвать идеографическим: здесь каждый письменный символ представляет значимую единицу, обычное слово. Фонетические системы письма отражают структуру всех устных языков в отношении двойного членения, поскольку имеют и фонетический, и грамматический уровни. Идеографические системы, такие, например, как китайская, лишены двойного членения, поскольку в них отсутствует фонологический уровень как таковой. В конечном итоге у нас остался только признак семантической универсальности как достаточное условие для определения языка в том смысле, в котором он понимается здесь.

⁶⁾ и

^e **Незначительные** исключения здесь идут в обоих направлениях. Так, **некоторые** регулярные **стороны** интонации предложения, — например, саркастическая тонация — не находят выражения ни в одной из **существующих** систем орфографии. С другой стороны, известны некоторые **орфографические** средства, как, например, ^иРиммер, прописные знаки, написание с прописных букв ^иместоимений, ^ибрац

ИСНИЫХ к Богу, и т. п., не имеющие **соответствия** в устной речи.

Всякая академическая дисциплина так или иначе использует¹ языковые данные. Историк, например, работает главным образом с письменными документами, лингвистическая интерпретация которых является предпосылкой их использования в качестве источника исторических сведений. Ведущий полевое исследование; этнолог, наблюдая поведение носителей чужой культуры, использует результаты записанных им интервью, а также, если он достаточно владеет соответствующим языком, и то, что он]

ЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА

услышал в других ситуациях, помимо интервью. Ученый-правовед занимается проблемами интерпретации законодательных актов, иногда ему приходится для определения намерения законодателей привлекать протоколы их дискуссий. Физик нередко сталкивается с необходимостью критического анализа терминологии своей науки; кроме того, обычно ему приходится описывать свою аппаратуру, фиксировать наблюдения и формулировать теорию, используя язык, хотя некоторые из его материалов могут также содержать и элементы математики. Что касается исследователя литературы, то его объект изучения является, разумеется] полностью языковым.

Размышление над этими и подобными им примерами приводит к выводу о том, что язык входит в различные науки и дисциплины двояким образом — как содержание и как инструмент для формулирования описаний и теорий. В первом случае роль языка может варьировать: он может составлять целиком весь предмет некоторых наук (изучение литературы), часть предмета других (этнология) или вообще не относиться к предмету науки (физика). А вот как инструмент создания описаний и теорий языком так или иначе используется во всех областях знания; представители всех наук не только при необходимости используют

для построения теорий, но также и обсуждают его теоретическое использование в метатеоретических дискуссиях. Именно это составляет, по мнению некоторых ученых, предмет особой науки — философии науки, которая занимается анализом языка науки.

Несмотря на то, что языком интересуются разные науки, существует одна наука — лингвистика, — получившая свое название от слова «язык» (лат. *Цит* 'язык'), чей подход к языку, как можно ожидать, коренным образом отличается от того интереса, который проявляют к нему другие науки. Любая другая наука, в той мере, в какой она интересуется фактами языка, интересуется ими как средством для достижения той или иной цели. И только для лингвистики изучение языка является целью как таковой. Для всех других дисциплин, даже для литературы, предмет которой чисто языковой, интерес представляет особое содержание или значение конкретной совокупности языковых явлений. В терминах теории информации все другие науки интересуются определенными сообщениями с точки зрения их содержания — например, юридические тексты, стихи, речь информантов (этнология), записи бесед с больными (клиническая психология). И только лингвистику интересует непосредственно сам код, в соответствии с правилами которого строятся сообщения. Другие науки изучают языковые коды, для того чтобы интерпретировать сообщения, которые на них написаны. Лингвистика же использует сообщения в качестве свидетельства о структуре кода, на котором они составлены, сами же сообщения не представляют для нее особой ценности, разве что как примеры, иллюстрирующие правила кода. По правде говоря, существует давняя практика, в соответствии с которой значительная часть предложений, приводимых в иллюстративных целях в грамматиках, по традиции весьма примитивна, подобно знакомому *Ике пен о/ту аун!* 'пишущая ручка моей тети'.

Для лингвиста различие между языком как системой и языком в употреблении является еще более резким, чем это можно заключить из противопоставления терминов «код» и «сообщение»². Это фундаментальное различие чаще выражается с помощью традиционных терминов «язык» и «речь». Французы говорят об этом, используя соответственно термины *langue* и *parole*. С этой точки зрения, даже такое конкретное сообщение, как *Тут пен о/*

my aun! /\$ on (*He uble* 'Пишущая ручка моей тети лежит на столе', когда оно используется в грамматике, не является предложением, какое мог бы употребить некий конкретный говорящий в определенное время и в определенном месте. Поскольку это¹ правильно построенное предложение английского языка, «то же самое» предложение могли бы употребить различные говорящие при различных обстоятельствах. Оно, следовательно, имеет множество возможных реализаций (оссигтепсез). Однако будучи предложением, построенным по правилам английского языка, оно выступает как нечто единое, как часть языка, а не речи. Даже если бы оно никогда не было произнесено, оно все равно осталось бы английским предложением и частью английского языка.

Если принять то, что было сказано в предыдущей главе о неисчислимости предложений естественного языка, такое заключение представляется логичным. Например, ряд натуральных чисел, которые были к настоящему времени реально использованы говорящими на английском языке хотя бы однажды, вероятно огромен, и тем не менее этот ряд является конечным. Имеется таким образом, бесконечность английских чисел, которые никогда не были употреблены, но которые можно построить в соответствии с правилами английского языка, и они будут поняты говорящими на этом языке. Они принадлежат языку (*lan§ue*) и, таким образом, вовсе не требуется, чтобы они обязательно были использованы в речи (*par§le*).

Лингвист, работающий с конкретным языком, может, разумеется, сделать лишь ограниченное количество наблюдений. Этот конечный набор материала обычно называют *корпусом* (*corpus*), и он рассматривается как образец, выведенный из бесконечного множества предложений. Одно из важнейших требований лингвистической теории заключается в том, чтобы грамматика давала возможность с помощью правил, основанных на ограниченном корпусе, построить бесконечное количество предложений.

До сих пор молчаливо **подразумевалось**, что основной предмет изучения лингвистики как науки — это устный, а не письменный язык. Однако поскольку в предыдущей главе мы определили язык как обладающий двумя формами и поскольку представление о приоритете устного языка перед письменным прямо противоположно тому, как понимается отношение между двумя

мами языка в среде неспециалистов, данный вопрос явно **нуждается** в дальнейшем обсуждении. Эта проблема тесно связана с ДРУГОИ² в понимании которой существуют столь же резкие различия между профессиональными лингвистами и неспециалистами, — а именно с вопросом о том, как устанавливается для данного языка норма правильности. Ощущение приоритета в этом отношении письменного языка перед устным происходит, несомненно, по большей части из уверенности в том, что образец правильности языка следует искать в письменном языке. Таким образом, в соответствии с подходом, изложенным в первой главе, лингвистика как наука о языке понимается в данной книге как охватывающая и устную, и письменную формы. Хотя первостепенное значение устного языка для лингвистики является принципиальным положением, целесообразно включать в нее обе формы не только потому, что язык, как мы его здесь определили, подразумевает и устную, и письменную формы, но и потому, что многие проблемы невозможно решить, не принимая во внимание отношение между этими формами языка. Так, например, в случаях, когда исследуется историческое развитие какого-либо языка, более древний из двух периодов обычно представлен письменными памятниками.

Звуковой язык первичен и филогенетически, и онтогенетически. Если взять историю человечества, то можно видеть, что речь существует везде и во все времена, тогда как письмо впервые появилось гораздо позже звукового языка — примерно три тысячи лет до н.э. в Египте. Более того, даже в наши дни письменность существует не для всех языков, функционирующих в Устной форме. Известны буквально тысячи «бесписьменных языков», причем не только среди языков коренных народов за пределами западного и восточного культурных ареалов. Бесписьменными являются также отчетливо выделяющиеся местные варианты, обычно называемые диалектами, которые встречаются в тех местах, где говорят на стандартных языках, и которые часто отличаются от стандартного языка и от других диалектов в такой же степени, в какой отличаются друг от друга речевые формы, рассматриваемые в дописьменных ареалах, как различные, но родственные языки. Так, лингвист, столкнувшись в Новой Гвинее с 4 речевыми формами, различающимися между собой как,

например, диалекты Сицилии и Венеции, вероятно, призна их тем не менее отдельными языками. Таким образом, мно| устные речевые формы существовали в прошлом и продолжаю* существовать и сейчас без соответствующей письменной формы однако всякая «письменная» форма обязательно представляет или иную устную форму. Другими словами, в каждом конкретно случае письмо всегда предполагает речь, но обратное неверно.

Любой человек научается говорить прежде, чем овладевает грамотой. Если его язык не имеет письменной формы, говоря] ший, разумеется, никогда не станет грамотным. Но даже есл письменная форма существует, говорящий может так и остаться неграмотным на всю жизнь. По существу, до введения всеобщег образования в течение последних двух столетий, там, где письм существовало, оно всегда было принадлежностью меньшинств! населения. Психологическая первичность речи проявляется в то факте, что даже у высокограмотного меньшинства чтение и письм обычно сопровождаются слуховыми и моторными образами] тогда как при говорении никаких зрительных образов письмен] ной формы, как правило, не возникает.

Еще одним важным соображением для лингвиста являет] ся природа исторического изменения. Изменение языка можн] понять исходя из изменения речи. Письмо же, за исключением редких и маргинальных случаев, самостоятельным источником языковых изменений не является. Наиболее убедительно это вероятно, можно проиллюстрировать на примере звуковых изме нений. Так, в ряде языков, в разное время и в разных местах звук изменился в звук / . Это связано со сравнительно небольшими изменениями в артикуляционных навыках. Звук *p* — согласный] который произносится при смыкании губ без вибрации голосо] вых связок и без носового резонанса. Если смыкание губ оказыва ется неполным, выступающие верхние зубы стремятся сблизитьс с нижней губой, но поскольку между зубами есть пространства мгновенной остановки воздуха, которая была характерна для зву ка *p*, больше не происходит. Используя фонетические термины можно сказать, что звук *p* — глухой неносовой губно-губно взрывной, а звук / — глухой неносовой губно-зубной щеле вой. Само собой разумеется, что данное изменение произошл в различных языках независимо от того, были ли сходным

ьменные обозначения этих звуков, либо от того, имели ли письменность вообще. Обратное положение невозможно. позднем арамейском письме совпали буквы для звуков *z* 4 однако это не привело к слиянию звуков, которые до сих ПОР различаются в современных формах арамейского языка.

В результате изменений в речи орфографическая система утрачивает простое соотношение со звуковой формой. Неупоря доченная система письма становится иногда объектом офици альной реформы, и когда это происходит, именно письменную форму всегда приводят в соответствие с устной формой. Более того, система письма может быть постановлением властей заме нена на совершенно иную систему, как это было в Турции, когда она после Второй мировой войны перешла с арабского алфавита на латинский. Поскольку это осуществлялось через си стему образования, переход занял всего несколько лет. Вместе с тем, гораздо более глубоко психологически укорененная систе ма устного языка не может быть заменена никаким официальным декретом. Чтобы такая замена произошла, на протяжении мно гих поколений говорящие должны быть двуязычными, но даже при этом условии, если есть воля к сопротивлению или про сто » силу инерции навыков, изменение, возможно, так никогда и не осуществится.

Именно исходя из таких соображений лингвисты счита ют основным объектом своей науки устный язык. Даже когда системы письма научно изучаются параллельно с устными язы ками, они обычно рассматриваются не как независимые системы, Но в связи со звуковым языком и как его репрезентация.

Еще в одном важном вопросе взгляды профессиональных лингвистов отличаются от взглядов неспециалистов, и этот во пр°с также связан с признанием приоритета устного или пись менного языка. Речь идет о дескриптивном или прескриптивном °Дходе к изучению языка — непростая тема, обычно вызыва Щ°я сильные эмоции. В этом вопросе профессиональные лин Вн сты расходятся во мнении, по крайней мере по некоторым нктам, как со своими коллегами, преподающими язык и ли Ратуру; так и с неискушенными «простыми людьми с улицы». Ле Дует признать, что временами лингвисты чрезмерно упроща

ли данную проблему и, следовательно, были столь же **неправа** в споре, как и их «неискушенные в науке» оппоненты.

Для того чтобы хоть немного передать атмосферу, царящую! во время дискуссий по проблеме описательного в противопоста- влении предписывающему подходу к изучению языка, возьме двух воображаемых оппонентов и представим их как выразители крайних точек зрения — дескриптивной и прескриптивной по данной проблеме. Суть дела состоит в том, что эти оппонен ты — не просто «выдуманные типы», их можно прямо **соотнес?** в реальной жизни и с помощью подлинных цитат из литерату ры по этому вопросу с определенными типами людей. С одно стороны, у нас мистер X, скажем, учитель английского язы ка в колледже, который полагает, что существует «правильная» или «грамматическая», форма английского языка, представле ная в нормативных грамматиках и словарях. К сожалению, реч подавляющего большинства его учеников не соответствует это модели, следовательно, его задача — приложить все усилия, пуст скромные, для исправления положения, прививая учащимся пра вильные нормы произношения, грамматики и словарного сост. ва. Нормы правильного употребления, — например, /г & /'Это я' а не /п/δ te или He u'/\$%om\$ 'Он не уходит' вместо He am'{\$om\$ это не просто результат произвольного предпочтения. Предпо-; читательные формы в определенном смысле более «логичны»: таь форма / в //I3 I предпочтительнее формы te, потому что / — это форма «в **именительном** падеже», и значит именно ее нуж| но использовать для обозначения грамматического субъекта ила любого аналогичного ему явления. Выбор формы /zn'(/, а не am' также обычно обосновывается исходя из логики. Отрицательно? формой к 13 является /z noX или BIn'u а для age — agen'Г, упо требление единой отрицательной формы для всех лиц **разрушая** ценное, как предполагается, различие, существующее между **по|** ложительными формами глагола (o Be «быть»). В этом случае част привлекаются в сопутствующем суждении также эстетические со ображения — говорят, что **amЧ** звучит менее красиво, чем B

Французский коллега мистера X, обучающий учеников фран цузскому литературному языку, а он заметно отличается от **меся** ных диалектов, или патуа, на которых говорят в различны регионах за пределами Парижа, — также несомненно признае¹

и обычно бесписьменные формы речи более низкими и будет теоретически объяснять, что они возникли якобы в результате искажения чистого французского языка, воплощенного во фран цузском литературном языке, основанном на речи парижан. Если мистер X или его французский коллега когда-либо вообще ду мали о бесписьменных языках американских индейцев, народов дфрики или жителей островов Южного моря, они, несомненно, считали их низшими языками, как и бесписьменные диалекты французских крестьян. По существу, подобно тому, как непра вильные формы английского и французского языков считаются уступающими по красоте и логической ясности литературному стандарту, так и такие необработанные языки тоже с неизбежно стью объявляются недостаточными.

На другом полюсе находится профессор V, читающий для аспирантов курсы по общей теории языка. Он получил свой пер вый научный грант во время Второй мировой войны за создание практического справочника для военных, предназначенного для использования лингвистом совместно с носителем языка. Речь шла о литературном языке, для которого не существовало сколь ко-нибудь приемлемого описания разговорной формы, с какой могли столкнуться американские военнослужащие.

Профессор V с горячностью утверждает, что лингвистика — это наука: она описывает язык таким, каков он в реальном упо треблении, и у нее нет научного основания для предпочтения одних форм другим. Речь примитивного народа, просторечие, ли тературный язык, местные диалекты стандартного языка — все эти явления равно хороши, если, конечно, они удовлетворяют задачам коммуникации. При этом профессор V, вероятно, проци тирует великого Сепира: «В том, что касается языковой формы, "латоц шествует рука об руку с македонским свинопасом, а Кон- ФУЦий — с охотящимся за черепами дикарем из Ассама»¹. Он ЭДет настаивать на том, что лингвистика и логика — это разные ^аУки. А в ответ на аргумент о том, что двойное отрицание, типа

¹ Зари: Ычпёиаве: Ан Ппгослслюч lo (Be Зшйу оГ Зреесъ. №\у Уогк: ¹ Вгасе, 1921. P. 234. (Цит. по рус. пер.: Сепир Э. Язык. Введение в изучение " // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издат. РУПп Прогрессе» — «Упиверс», 1993. С. 194- — Прим. перев.)

англ. / *ёп I зее подос/у* 'Я никого не вижу', нельзя использовав для передачи значения отрицания, поскольку два отрицания да утверждение, он укажет, что в древнегреческом поступали име по так. Если уж Софокл мог сказать нечто вроде «Я нигде никог не вижу», то как же можно за то же самое упрекать подростка! Профессор У не преминет отметить, что в нормативной грамм* тике для суждения привлекаются внешние источники: например англ. / 'я' приравнивается к латинскому номинативу, а пото] выдвигается требование, чтобы оно употреблялось аналогичны; образом. Грамматист пытается заморозить язык на определенно точке его истории. А ведь форма, которую он сейчас обоже ствляет, сама является продуктом исторического развития, коте рому он при каждом изменении несомненно бы сопротивлялся если бы жил в те времена. Современный английский язык явл* ется, в известном смысле, испорченным англо-саксонским*. Чт, касается эстетических аргументов, то у них нет логического осне вания. То, к чему мы привыкли, или то, что по какой-то причин мы ценим, вызывает у нас положительную эстетическую реакци ю; при другой шкале ценностей наша эстетическая реакци была бы иной. Если бы Шекспир был родом из Бруклина] и написал «Гамлета» на бруклинском диалекте, мы сейчас счи тали бы фонетику и грамматику этого неоднократно осмеянно] диалекта образцом прекрасного и правильного английского язы ка. Несомненно, преподаватели языка, а вместе с ними многи] заблуждающиеся люди, чьи здоровые инстинкты в этих вопрос были испорчены школой, думают, что некоторые формы бол красивы, чем другие. Лингвист берет на заметку такие реакци] но считает их необоснованными, хотя они и представляют с бой силу, с которой приходится считаться. Он не более вери

* В российской германистике **предпочтительным** является термин «древней глиийский» и для **обозначения** древнего периода истории Великобритании, и обозначения языкатой эпохи. — *Прим. перев.*

** Бруклин — административный район Нью-Йорка, расположенный в 1 падной части острова Лонг-Айленд и населенный преимущественно **афроая риканцами, евреями** и новыми иммигрантами. **Бруклинский** диалект замет отличается, особенно в фонетическом отношении, от общелитературного язык Америки. — *Прим. перев.*

подобные реакции имеют реальное основание, чем этнолог Полинезии верит в реальное существование местных богов. В подобном споре выявляется ряд отдельных с логически точки зрения, но достаточно тесно между собой связанных опросов, вследствие чего человек, занимающий определенную по одному вопросу, будет скорее всего придерживаться определенных предсказуемых взглядов и по другим вопросам; и результате создается нечто вроде тех «идеологий», которые были в несколько утрированном виде очерчены выше. Следует признать, что будучи ученым, лингвист должен наблюдать то, что реально происходит, потому что его задача — описывать и объяснять эту реальность. Если какие-нибудь конкретные употребления он будет считать просто отклонениями от правильной нормы, он вряд ли опишет их с той полнотой и серьезностью, какую эти явления, возможно, заслуживают. Но если при нормативном подходе некоторые реальные факты полностью игнорируются просто из-за предвзятой ценностной ориентации, то при дескриптивном подходе допускаемые ошибки обусловлены тем, что не учитывается во всех деталях оценочное отношение говорящих к конкретным проявлениям языкового поведения. Если считать это оценочное отношение просто результатом ни на чем не основанных убеждений, тогда, конечно, все детали становятся несущественными. Но, как мы увидим, само отношение к языку является предметом изучения таких, строго говоря, междисциплинарных областей, как психолингвистика и социоллингвистика. Поэтому профессиональный лингвист вполне вероятно предпочел бы переадресовать их этим двум вновь образованным гибридным дисциплинам или собственно психологии и социологии. Это, однако, не представляется реалистическим решени-ем и по следующей причине. Подобно любой другой науке, лингвистика имеет и чистый, фундаментальный и прикладной аспекты. В тех случаях, когда лингвист начинает заниматься "Экими вопросами, как стандартизация бесписьменных доселе яз^{яз}ыков для их использования в школе, орфографической реформ^{мо}ой, лексическим обогащением языков, ранее не употреблявшихся в технических и научных целях, он обязательно должен РИнимать в расчет мнение пользователей языка, чтобы избе-принятия доктринерских и неосуществимых на практике

решений. Даже описательные грамматики, которые создаются лингвистами с преимущественно теоретическими, не прикладными целями, часто предназначены для педагогического использования. И очень важно, чтобы тот, кто будет пользоваться такой грамматикой, если она включает формы, рассматриваемые как отклонения от речи образованных людей, получил об этом соответствующую информацию. Следовательно, для того чтобы выполнить свое назначение, грамматике, используемой для педагогических целей, необходимо учитывать оценочные суждения о языке самих говорящих. Более того, оценочные суждения важны для лингвиста даже с точки зрения «теоретической», а не прикладной лингвистической науки. Оценочные отношения говорящих к фактам языка является, по всей видимости, фактом, влияющим на распространение речевых форм в обществе] а также на их стабильность во времени.

Однако для профессионального лингвиста норма является понятием, связанным скорее с описанием, чем с оценкой! По существу, он говорит: «Если вы употребите форму языка! описываемую в данной грамматике, вы получите такую-то и такую-то реакцию со стороны говорящих на этом языке, подчас в зависимости от социального положения самих говорящих». Его подход по-прежнему остается принципиально иным, чем подход автора нормативной грамматики. Например, он мог бы указать! что с работником молодежного отдела муниципалитета просто не стали бы иметь дело в районе трущоб, если бы он, общайся с подростками, не употреблял отрицательную форму *amЧ* для всея лии и всех чисел.

Из сказанного не следует или, по крайней мере, не должна следовать, что в пределах одной и той же речевой разновидности нет различий в использовании речи, которые допускали бы обо! снованные оценочные суждения, но детальное рассмотрение этой темы традиционно относится к области литературных исследований. Так, в любой форме речи можно столкнуться с неточностью выражения и с повторениями или, напротив, с эффективностью и экономией речевых средств. На более высоком уровне, когда уже трудно отделить стиль от содержания, можно встретите по-настоящему запоминающиеся формы выражения, высоко це-1

имые и передаваемые речевым коллективом как нечто целое, способное возбуждать эстетические эмоции.

И, наконец, еще один, последний, вопрос — оценка речевых разновидностей одного языка или разных языков. Здесь также может иногда существовать объективная основа для признания некоторых форм речи более совершенными. Диалект, который был использован для создания литературных произведений, язык, воплощавший мысли великих поэтов, или язык, который путем постепенного «естественного» или относительно быстрого целенаправленного развития был приспособлен для использования в науке или литературе, — такие формы речи действительно обладают большими ресурсами для стилистически эффективного выражения. Лингвист может здесь вполне обоснованно привести «демократический» довод о том, что все диалекты и языки первоначально равны, в том смысле, в каком Декларация Независимости провозглашает, что все люди рождаются равными*. Но некоторые люди получили образование в колледже, по существу в силу исторической случайности, и любые другие люди, обладай они теми же возможностями, вероятно столь же бы преуспели. Аналогичным образом обстоит дело с языками и их ресурсами — *приобретенными* ресурсами — для выражения. По правде говоря, в этом отношении гуманитарий-литературовед часто оказывается поразительно неосведомленным относительно грамматической сложности, лексического богатства и потенциальных возможностей для литературного выражения, присущих языкам бесписьменных народов. Ни один ^{на}Род не обделен высшим даром хорошо организованной речи^{чи} и нет ни одного языка, структура которого не являлась бы потенциальным источником эстетического наслаждения.

Очертив общие границы предмета лингвистики и некоторые ^{Из ее основных} ценностных ориентиров, обратимся теперь более подробно обсуждению задач лингвистической нау-

за *Яеюиррция Независимости* — документ, принятый в 1776 году в ходе Войны Р₀ за независимость в Северной Америке и провозгласивший отделение северных Р^нканских колоний от Великобритании и образование самостоятельного Цом ^{Ства} США. В Декларации утверждалось, что все люди наделены Творив свг, ^иПредделенными неотчуждаемыми правами, в том числе правом на жизнь - *Прим. перев.*

ки и разделению научного труда, которое, как можно ожидать в любой науке, возникло в связи с многообразием проблем! с которыми имеет дело наука.

Традиционно основное разделение в лингвистике проходило между описательной и исторической областями науки. Обычно считается, что лингвистика в современном ее понимании возникла в начале XIX века. Сама мысль о том, что некоторые сходства между языками нужно объяснять тем, что эти языки являются разошедшимися потомками одного ранее существовавшего языка, восходит к XVII веку, а возможно, и к еще более раннему времени. Но только в XIX веке были заложены основы сравнительно-исторического метода, когда лингвисты приступили к систематическому сравнению языков, а также к реконструкции языка предка, особенно в области языков индоевропейских. И хотя об этом суждение многих других важных лингвистических проблем относится к гораздо более ранним эпохам — по крайней мере, к эпохам Древней Греции и Древней Индии, и нам известны значительные достижения древних, — только под эгидой сравнительно-исторического метода лингвистика превратилась в упорядоченную дисциплину, представленную специализированными кафедрамиTM журналами, научными обществами.

Сравнительно-историческое направление оставалось в лингвистике доминирующим почти вплоть до 20-х годов XX века. В конце этого периода происходило революционное изменение огромного масштаба, которое впервые получило систематическое выражение в посмертно изданной книге «Согласно Штёшкпяи! Еепёга!е» швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра²! Для обозначения всего направления, которое, зачастую принимая различные формы, впоследствии стало господствующим не только в Европе, но и в Соединенных Штатах, наиболее часто используют единый общий термин «структурализм». Однако из главных положений структурализма, сформулированное де Соссюром, — признание самостоятельного статуса исследований, описывающих ту или иную форму речи в какой-то

¹ Saussure P. a. e. Сонгй с!е НпшЫПяие ёспёга!е. Раш: Рауо1, 1916. (Рус. пей Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2003. —Прим. перев.)

пределенный момент времени, абстрагируясь от происходящих изменений (*синхронические* исследования, в терминологии, введенной де Соссюром). Им противопоставляются исследования, получившие название *диахронических*, в которых синхронные языковые состояния в разные периоды времени и в разных местах сравниваются с целью установить изменения. Было признано, что синхронические и диахронические исследования не только необходимо разграничивать, но что каждый вид исследований является автономным и что при этом синхронические исследования являются по меньшей мере столь же важными и заслуживающими уважения, как и диахронические исследования. Логическая упорядоченность синхронических исследований основывается на предположении о том, что синхроническое состояние — это организованная система, понятная исходя из ее собственных членов и не требующая обращения к прошлому. Эта система и есть *язык* (*langue*) в отличие от *речи* в ее конкретной реализации (*parole*). Данные термины также были введены в лингвистику де Соссюром.

Сдвиг интереса от внешнего сравнения одного языка с другим к отношениям внутри отдельного языка получил еще большее подкрепление в связи с расширением в XX веке границ лингвистических исследований. Классическое сравнительно-историческое языкознание XIX века занималось в основном одной языковой семьей — индоевропейской, которая включала почти все языки Европы и многие языки Западной Азии. Наряду с этим лингвистов интересовали также такие семьи, как финно-угорская и семитская в том же культурном ареале, а кроме того стали появляться первые немногочисленные новаторские попытки применения методологии сравнительно-исторического языкознания к языковым семьям в других ареалах и к языкам, которые не имели многочисленных древних письменных памятников, как, например, языки банту или малайско-полинезийские*. На значительной мере под научным покровительством антропологов и лингвистов, хотя и стимулируемая по большей части потребностями миссионеров, бизнесменов и чиновников, лингвистика

² Современное название малайско-полинезийской семьи языков — австронезийская семья. — Прим. перев.

начала расширять географические горизонты своих исследований и приступила к описанию большого числа западных языков, многие из которых не имеют литературной кодификации.

По ряду причин внимание лингвистов оказалось сосредоточенным на проблемах синхронии. Начнем с того, что сравнительно-исторический метод использовал в основном описания языков, имеющих письменные тексты. Необходимость описания бесписьменных языков поставила перед лингвистами ряд теоретических проблем, связанных с описанием языка без опоры на имеющиеся тексты. Особенно важно было, что такие письменные памятники уже имплицитно содержали готовый географический анализ звуковой системы, а для бесписьменного языка такого членения не существовало. Неудивительно, поэтому, что в ранний период среди теоретических проблем, который пришлось решать структуралистам, преобладали проблемы анализа звуковых систем. Поскольку очень немногие из изучаемых языков были уже ранее описаны, первой задачей совершенно очевидно было создание, в самых широких масштабах, описания языков, чтобы потом можно было переходить к сравнительным исследованиям. А поскольку эти языки обычно не имеют древних письменных памятников, а собранного описательного материала недостаточно для сравнительного исследования того уровня, какого достигли исследования индоевропейских языков, в подобном случае отсутствовала и сама основа для пониманий и объяснения таких языков, исходя из их прошлой истории.

И последнее — в случае языков американских индейцев дескриптивисты столкнулись с языками, далекими от нашей собственной культурной традиции, со звуками, грамматическими системами и лексикой, которые резко отличались от того к чему привыкли лингвисты, изучая языки индоевропейской семьи и других семей Европы и Ближнего Востока. Исследования америндских языков неизбежно порождало фундаментальные теоретические проблемы относительно сущности адекватного описания языка и приемлемости традиционных грамматических категорий, которые были основаны на западных языках и в тр

*В отечественном языкознании их называют америндскими языками.

Прим. персе.

пионных трудах по индоевропеистике обычно принимались значительной мере как нечто само собой разумеющееся. Все данные обстоятельства способствовали перемещению центра теоретического интереса в лингвистике с вопросов истории языка на вопросы описания языка.

В связи с указанными различиями в материале, методах и теоретических интересах деление на описательную и историческую лингвистику продолжает сохраняться, и большое число, а возможно и подавляющее большинство лингвистов могут сейчас считаться специалистами либо в той, либо в другой области науки.

Синхроническая и диахроническая специализации, составляющие вместе ядро лингвистической науки, такой, как она в настоящее время реально практикуется, обе в известном смысле являются частными, а не общими. Вероятно, это легче заметить не в синхронической, а в диахронической лингвистике. В области диахронии усилия лингвистов сосредоточены в основном на двух направлениях исследования. Во-первых, они стремятся восстановить историю какой-то определенной группы языков и, в этой связи, обычно специализируются на изучении определенной языковой семьи или даже отдельной ветви этой семьи, — например, становятся индоевропеистами, или семитологами, или славистами. Другое направление их исследований носит теоретический характер, но оно ограничено, главным образом, обсуждением тем, которые имеют более или менее прямое отношение к методологическим аспектам исторического лингвистического исследования, — например, допустимость или недопустимость некоторых процедур, критерии для суждений об обоснованности конкурирующих или исключающих друг друга реконструкций, вопросы терминологии, используемой при описании изменений. Попытки сравнительного изучения изменений, с тем чтобы установить их общие характерные черты, которые можно обнаружить во многих различных и исторически независимых случаях, игральной роли в диахронической лингвистике не играли. Ин-Р^с был сосредоточен на разработке адекватной терминологии описания и объяснения изменений, а не для создания обобщающих относящихся к изменениям.

Ми(аИ\$ ти(апИ18, все сказанное сохраняет силу и в от ношении описательной лингвистики. Основная часть работ] проводимой дескриптивными лингвистами, имела два аспект? во многом **совпадающих** с теми, что были указаны выше **и** компаративистов: создание реальных описаний языков (грамм; тик, словарей и т.д.) и теоретическое обсуждение требовавш предъявляемых к адекватному описанию. Очевидно, что **раш** та по описанию языков, также как и разработка **теоретически** основ для ее ведения, являются необходимыми предпосылка! для сравнительных исследований, направленных на получен! обобщений, но сами они не занимают места обобщающей дез тельности как таковой. Для таких исследований был предложе термин *панхронические*, а в дискуссиях более позднего време] данная тема рассматривалась в связи с проблемой *универсам* Большая часть настоящей книги посвящена рассмотрению главных областей собственно лингвистики: исследований сш хронических, диахронических и связанных с универсалиями.

 III

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Сравнительные исследования по определению предполагают существование сравниваемых предметов. В лингвистике это отдельные «языки», описание которых всегда имеет форму грамматик и словарей. В каждом из таких описаний обычно указывается название языка и приблизительный отрезок времени, для которого описание сохраняет силу. Назовем предмет такого описания *языковым состоянием*. И таким образом, на самом подступе к научной лингвистике, возникает ряд вопросов, которые можно разделить на три типа.

Первый вопрос связан со значением слова «языковой» в термине «языковое состояние».¹ Описание языка, как правило, строится на основе речи сравнительно небольшого количества информантов, и тем не менее оно всегда претендует на то, что представляет нечто большее, чем просто отчет о речи этих конкретных говорящих. Предполагается, что созданная грамматика или словарь так или иначе представляют соответствующий язык — то есть своеобразное культурное установление, характерное для некоторой социальной группы. Второй ряд вопросов связан со значением слова «состояние» в составе термина «языковое состояние». Как может описание относиться к какому-либо конкретному времени, если язык, подобно всем другим °Чиальным установлениям, находится в процессе постоянного °зм енения? И, наконец, третья группа вопросов связана с отно- Нием между первичным материалом записанных высказыва-и информантов, с одной стороны, и грамматикой и словарем, °РЪ1е якобы описывают их, с другой. Как сформулировать Учные критерии адекватности такого описания?

Можно проиллюстрировать вопросы, возникающие в этом леДНем случае, сославшись на наше обсуждение бесконечно-

сти естественного языка и различия между языком как системой (langue) и его конкретным использованием (parole). Лингвистика, которая отделилась от других наук благодаря своему интересу именно к системе языка, а не к его употреблению, не обидима поэтому теория создания грамматик отдельных языков состояний, которая содержала бы правила, управляющие употреблением бесконечного числа предложений, хотя сами правила выводятся из конечного по необходимости ряда высказываний записанных лингвистом в ходе его работы с информантами, совокупность конкретных фактов, как уже говорилось, обычно называется корпусом.

Обратимся теперь к нашей первой проблеме — проблеме понимания термина «язык», когда он используется как некоторое обозначение в описании конкретного языка. Лингвист, стремящийся найти чисто лингвистический критерий для понятия «язык», обычно определяет его исходя из потенциальной взаимопонятности. Использование этого критерия отражает здравый инстинкт лингвиста — лингвист пытается ответить на вопрос о степени сходства, которая необходима для признания различных речевых форм вариантами одного языка, исходя из возможностей социального взаимодействия. Однако взаимопонятность значительно варьируется и в пограничных случаях зависит от интеллекта индивидуума, от прошлого знакомства с диалектными вариантами и даже от эмоционально обусловленных межгрупповых отношений. На практике лингвист принимает общее мнение существующее в социуме по данным вопросам, мнение, которое несомненно, всегда имеет лингвистическую основу, но вместе с тем сложным образом переплетается с нелингвистическими факторами. Так, речевые формы, которые, если подойти объективно, имеют в общем одинаковую степень сходства, рассматриваются использующими эти речевые формы как отдельные языки, если они принадлежат политически самостоятельным племенным коллективам, — например, в Новой Гвинее, — но как диалекты одного языка, если говорящие придерживаются одной и той же литературной нормы и принадлежат к одной национальной политической единице, — например, в Европе. Но все эти языковые реалии также играют свою роль. Например, ни при каких

обстоятельства баскский язык не будет признан диалектной

Из этого следует, что во всех языковых коллективах в большей или меньшей степени наблюдается варьирование языка. По сих пор наиболее мощным фактором, порождающим внутриязыковые различия, было географическое распространение. Если речь о том или ином сообществе распространена на сколько-нибудь протяженной территории, она имеет местные варианты, известные как *диалекты*. Однако потенциально источником различающихся форм речи внутри единого речевого коллектива может служить любой механизм, вызывающий социальную изоляцию. Среди факторов, обуславливающих языковую дифференциацию, — классовое расслоение, религиозная принадлежность, профессия и пол. Если тот или иной из названных факторов начинает оказывать регулярное влияние на язык, мы можем расширить понятие диалекта в строгом смысле слова, применяющееся по преимуществу к местным диалектам, и говорить о диалектах классовых, религиозных или профессиональных.

Исходя из допущения, что каждый говорящий имеет определенные особенности речи, отличающие его от всех других носителей того же языка, был введен термин *идиолект*, обозначающий индивидуальную речевую систему. Мы получаем, таким образом, некоторую последовательность понятий: идиолект, индивидуальная речь, диалект, речь лингвистически обособленной группы говорящих, совпадающей в общих чертах с какой-то группой, выделенной на нелингвистической основе, и — наиболее всеобъемлющий термин — речь всего языкового коллектива в целом.

Такое представление не отражает, однако, реальной сложности ситуации. Например, понятие идиолекта так и не получило

Можно, скажем, допустить, хотя бы в качестве возможности, что каждый индивидуум отличается каким-то образом от речи другого говорящего. Тогда согласно одной интерпретации означает, что индивидуум обладает одной или несколькими совершенно уникальными чертами, которые не встречаются у одного другого говорящего. С другой же стороны, возможно, таких черт не существует, а просто каждого индивидуального говорящего характеризует уникальное сочетание явлений, каждое

Разъяснения несмотря на то, что может быть истолковано двояко.

из которых, взятое отдельно, встречается в речи по крайней мере еще одного говорящего.

Поскольку диалект, как можно с достаточным основанием считать, предполагает наличие ряда уникальных черт; на первый взгляд кажется, что идиолект — это диалект, имеющий одного говорящего, тогда как то, что обычно называют диалектом, принадлежит множеству говорящих, которым присущи черты, общие для всех носителей данного диалекта и не встречающиеся ни в каком другом диалекте. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, однако, принципиальное логическое различие между идиолектом и диалектом: диалект характеризуется непереносимыми своеобразными общими признаками, а у идиолекта они отсутствуют.

Не пытайтесь произвести выбор между двумя указанными толкованиями термина идиолект, можно указать на еще более серьезное соображение относительно того, что хотя идиолект понимаемый как речь индивидуума, возникает из опыта полевого лингвиста при работе с отдельным информантом и существует следовательно, на уровне первичного материала, он в действительности внутренне неоднороден и поэтому требует изучения исходя из нескольких норм, одновременных или последовательных во времени. Так, некоторые аспекты речи индивидуума могут подвергнуться модификации в связи с временной принадлежностью к какой-либо группе (например, к закрытому учебному заведению или к армии) или в связи с более продолжительными изменениями в жизни (например, миграции на территории распространения другого местного диалекта или изменения социального статуса). Кроме того, речь каждого человека варьирует по-видимому, в зависимости от изменения ситуации. Такое варьирование иногда называют стилистическим, и для обозначения стилей обычно используются такие термины, как «разговорный», «непринужденный», «официальный» и т. п. Большая часть сведений о варьировании на этом уровне содержится в тех лингвистических описаниях, которые различают, разумеется, в упрощенной форме, два крайних типа: *lento*, характеризующийся более медленным темпом речи и большей тщательностью произношения, и более быстрый и менее тщательный стиль *allegro*.

Все сказанное позволяет предположить, что речь индивидуума обязана своей неповторимостью особому пересечению его принадлежности к различным временным и постоянным группам, своеобразие которых в каждом случае является результатом истории жизни индивидуума, и на нее накладываются кроме того ситуационные стилистические варианты. Вдобавок, подобная конфигурация, вероятно, отражает абсолютно индивидуальные черты, обусловленные уникальностью самой личности говорящего и его жизненной истории. Вследствие всего этого индивидуальная речь отнюдь не является целостным объектом описания, но представляет собой некий комплекс, элементы которого можно выделить путем сопоставления с речью других индивидуумов.

Самое большее, что можно с достаточной уверенностью утверждать, исходя из имеющегося в нашем распоряжении материала, — это то, что в речевых коллективах существуют в высшей степени сложные модели внутреннего варьирования в соответствующих с тем, что было обрисовано выше, но возможно в других формах. Несмотря на возросший в последнее время интерес к данным проблемам, о чем свидетельствует появление и распространение социолингвистики как квазисамостоятельной области исследования, у нас практически отсутствуют конкретные факты, за исключением некоторых отдельных случаев и некоторых избранных параметров; но даже здесь существующие исследования имеют дело со случайными выборками, а не с последовательным анализом всего изучаемого мира.

Единственное заметное исключение составляет систематическое изучение территориального варьирования в форме диалектных атласов, существующих для некоторых регионов. Эти исследования образуют имеющую прочные традиции область лингвистики, в которой до последнего времени преобладали чисто исторические интересы и в качестве информантов выбирались старейшие носители местной «самой истинной» и архаической речи вместо того, чтобы анализировать представительную Сборку в каждом речевом коллективе.

Совершенно очевидно, что дескриптивный лингвист, если не собирается посвятить все свои усилия изучению вариантов, Ч внутри речевого коллектива, в силу практической

необходимости вынужден ограничить свое исследование небольшим числом отдельных информантов. Их, конечно, можно считать представителями речевого коллектива, но при отсутствии базовых сведений о варьировании внутри коллектива выборка информантов оказывается не случайной, но произведенной наугад, и мы не знаем наверняка, кого же эти информанты на самом деле представляют.

По мере предполагаемого развития социолингвистики в будущем появится, вероятно, возможность подойти к проблеме хотя бы с элементарным пониманием того, что должна представлять собой выборка, сколько-нибудь приемлемая для социолога. Пока же данная проблема почти не осознается, и необходимы методы и основные посылки ведения анализа все еще находятся в начальной стадии разработки. Современную ситуацию справа: было бы, по-видимому, охарактеризовать, сказав, что информантов выбирают в лучшем случае исходя из первоочередных требований владения наиболее распространенным и социальным принятым диалектом, а продолжают с ними работать, исходя из качеств, не имеющих ничего общего с требованиями репрезентативности выборки представителей речевого коллектива, например, исходя из умственных способностей информанта, его терпения, неожиданного интереса к работе и личностных качеств импонирующих исследователю.

Тем не менее существуют некоторые смягчающие обстоятельства, которые, несмотря на почти царственное пренебрежение дескриптивных лингвистов к данным проблемам, позволили им создать описания, пригодные для использования в научных целях. Язык представляет собой, вероятно, наиболее стандартизованный аспект человеческой культуры. В масштабах общеструктуры языка объем варьирования, по крайней мере в пределах местного диалекта, относительно невелик. Вследствие этого даже небольшая неспециально подобранная выборка может дать достоверные сведения о тех основных свойствах структуры языка, которые представляют главный интерес для лингвиста. Более того, по поводу самого значительного раскола в речевом коллективе — расхождения местных диалектов — носители языка обычно могут сообщить достаточно достоверную информацию! и поэтому даже без помощи серьезных социолингвистических

лингвист может отождествить эти диалекты и изучить главные черты различия.

Обратимся теперь проблеме определения хронологических амОК описания. Несмотря на то, что в целом эта проблема является общенаучной, метод ее решения варьирует в зависимости от конкретной науки. Всякое лингвистическое описание строится на основе наблюдений, которые неизбежно охватывают значительный период времени, в течение которого сам объект описания претерпевает изменения. Тем не менее создаваемые описания носят синхронический характер; в них объект описания трактуется как некая сущность, абстрагированная от процессов изменения. По существу изучение самого изменения в лингвистике возникает из сравнения описаний таких вневременных состояний при условии, что хронологические границы достаточно широки, чтобы обнаружилось значительное изменение.

Некоторые характерные черты нормального хода изменения в языке подсказывают, как должны проводиться синхронические описания, чтобы в них были успешно зафиксированы научно значимые аспекты структуры языка. И в то же время факт происходящего изменения находит отражение в определенных особенностях описания.

Важным фактором, облегчающим описание языка, является относительно медленный темп языковых изменений. Основная часть словарного состава, грамматические правила и фонетические свойства не претерпевают заметных изменений за то время, которое тот или иной исследователь обычно посвящает изучению языка. Ни один язык не изменяется так быстро, чтобы дедушки и бабушки не могли понять своих внуков; по правде говоря, не наблюдается даже ситуаций, близкой к этому. Научная нужда в общении в речевом коллективе препятствует Острым изменениям, результатом которых могло бы быть нарушение эффективного социального сотрудничества с помощью ^{об}Мего языка.

Более того, изменения в языке никогда не бывают мгновенными. Например, если изменение происходит в звуковой системе. Результате его все звуки p должны замениться звуками $-/$ (Изменение, которое по его завершении можно изобразить формулой $P > /$), невозможно точно указать время t , до которого все

пример, какой из свободных вариантов является более старой формой, а какой — более новой; обычно это можно определить из целого ряда фактов. И, таким образом, дистрибуцию обеих форм в более широком коллективе можно изучать с динамических позиций.

Не все изменения влекут за собой замену одних форм другими. Некоторые изменения, особенно в словарном составе, приводят к увеличению числа форм, их результатом являются не замены, а рост существующего запаса форм. Другие изменения имеют следствием сокращение количества форм, поскольку старые формы при таких изменениях утрачиваются без какой-либо замены. Подобные процессы особенно очевидны в области специальной лексики. Но и здесь следует понимать, что изменение может быть представлено в неоднородном речевом коллективе на разных стадиях и что это с течением времени отражается в изменениях частотности форм¹.

Те два ряда проблем, которые мы обсуждали до сих пор, относятся к внешним связям корпуса, а именно — к проблемам уточнения его места во времени и в пространстве. Теперь следует обратиться к внутренней проблеме — отношению между корпусом как таковым и тем лингвистическим описанием, которое на его основе построено. Теоретическое обсуждение этого отношения имеет, как представляется, два аспекта. Первый аспект более тесно связан с отношением описания к корпусу. Есть ли в отношении между корпусом как фактическим материалом и описанием как готовым продуктом нечто постоянное, отражающее общезаконности, научно состоятельные и поддающиеся форму-

¹ Было бы чрезмерным упрощением представлять себе увеличение и уменьшение частотности форм в этих и других рассматриваемых здесь случаях как обязательно развивающиеся постепенно с течением времени. Говорящий, используя две чередующиеся формы, услышав, как некое лицо, обладающее социальным престижем, употребило одну из таких форм, может совершенно независимо выбрать эту форму для себя как единственную. Устаревшая форма может иногда возродиться к жизни. В частности в литературном языке всегда существует возможность оживления той или иной латентной формы, сохранившейся в слове. Такое возрождение формы можно иногда рассматривать как инновацию. Например, возрождение к жизни в социальных науках практически вышедшего из употребления в английском языке термина *sibling* 'брат или сестра, ребенок одних родителей'.

рованию? Другой аспект связан с природой самих описаний. Здесь также желательна возможность обобщения. Для научного изучения языка нужны описания, построенные таким образом, чтобы описываемые в них объекты оказались сопоставимыми.

Обсуждая ранее свойства естественных языков, мы уже затрагивали отношения между корпусом и описанием. Поскольку корпус, состоящий из реальных высказываний, зафиксированных лингвистом, по необходимости является конечным, и описание, которое создает лингвист, также должно быть конечным, из этого следует, что грамматика должна содержать механизмы, позволяющие производить бесконечное множество предложений, бесконечное подмножество которых не встретилось в корпусе. Мы видим, таким образом, что простейшее отношение, возможное между корпусом и описанием, а именно — когда описание представляет собой просто перечисление того, что содержится в корпусе, — является неадекватным.

Мы только что отметили, что грамматика должна быть способна объяснить предложения, которых нет в корпусе. Можно было бы подумать, что любое предложение в корпусе произведено грамматикой. Однако здесь снова отношение оказывается сложным. Если под корпусом понимать совокупность реальных высказываний во всех их материальных особенностях, тогда существенной становится мысль, высказанная нами в ходе изложения выше, а именно что отношение между предложением как неким объектом, принадлежащим языку (*tongue*), и предложением, реально встретившимся в речи (*parole*), есть отношение «типа и экземпляра» (*type and token*). Корпус состоит из таких реальных экземпляров. Однако если одно и то же предложение языка многократно встречается в корпусе, эти реализации никогда не являются абсолютно тождественными как последовательности физических явлений. Когда говорящего на каком-либо языке просят повторить предложение, между двумя воспроизведенными, как правило, обнаруживаются различия, тем не менее Зрящий, как и любой другой член речевого коллектива, обычно признает, что это два различных примера (экземпляра) одного и того же предложения (типа), а не двух разных предложений. Если возможно — здесь окажется полезным сравнение с музыкой. Два музыканта исполняют одно и то же произведение,

или даже если один и тот же¹ музыкант исполняет произведение] при разных обстоятельствах, несомненно обнаружатся различия! в темпе, фразировке и динамике. Несмотря на это мы скажем! что имеем дело с разными исполнениями одного и того же! произведения, а не с разными произведениями. Аналогичным! образом и в языке варьирование некоторых признаков, таким как темп речи, расстановка и длительность пауз и т.п. призна-ются специфическими особенностями конкретного исполнения. Аналогично можно продолжить. Ошибки, допущенные при испол-нении, не меняют того факта, что это конкретное исполнение! есть исполнение того же самого музыкального сочинения, точнее так же не меняют они и партитуру. Сходным образом, предло-жения с оговорками и аналогичными ошибками, употребленным в речи, обычно воспринимаются как образцы (экземпляры) пред-чуждений в их правильной форме, а не в той форме, в какой онш реально встретились в речи. Однако в одном существенном отно-шении задача лингвиста труднее задачи музыкального критика! лингвист не начинает с партитуры, его задача как раз и состо-ит в создании лингвистического эквивалента партитуры, исходя из исполнений, составляющих корпус.

В некоторых случаях требуется радикальная редакторская! работа над корпусом. Запинки, повторения, апосиопезы*, изме-нение конструкции в середине предложения, придание прида-точному предложению статуса главного и тем самым образованна предложений, кажущихся изолированными, — все эти явления не принимаются во внимание. Язык, таким образом, выступа-ет как разновидность идеального объекта, он подобен многим другим объектам научной теории, таким как тела, не имеющий трения, абсолютный вакуум и т. п.

Все сказанное может показаться настолько самоочевидным! что не нуждается в обсуждении. На деле все лингвистичес-кие школы, какими бы эмпирическими они ни старались быть! подвергали корпус редактированию в указанных отношениях!

* *Апосиопеза* (греч. «умолчание») — риторический термин, означающий пр-остановку речи говорящим или пишущим и середине предложения, когда п-досказанная часть достаточно очевидна и собеседник сам должен ее угадать. *Прим. иерее.*

По пр^{анде} ГОВО^{РЯ}я, вопрос этот до настоящего времени вряд ли да-поднимался, вероятно потому, что лингвист, подобно другим о^{рягдим}, научился, в процессе овладения собственным язы-о^{ow} абстрагироваться от явлений варьирования, несущественных для сообщения, и, таким образом, научился редактировать и бес-сознательно исправлять то, что слышит. И описывая свой соб-стиенный или другой язык научно, он подвергает новый материал некоторой интерпретации, основанной на его прочно укоренив-шейся, хотя и невербализованной практике в подобных вопросах. Несмотря на такое единодушие в практической работе, несмотря также на фактическую самоочевидность многих явлений, несомненно, что часть задачи теории лингвистического описа-ния состоит в том, чтобы найти разумную основу для возможных способов интерпретации корпуса с целью извлечения данных о системе языка. При этом общая теория лингвистического описания не отвергает наблюдение, напротив, она расширяет горизонты наблюдения, не ограничиваясь только звучанием как таковым, и охватывает другие аспекты ситуации, включая ее последовательную семантическую интерпретацию и металингви-стические реакции говорящего, как, например, в тех случаях, когда он поправляет себя. Если наблюдение показывает, что те или иные различия связаны с сообщением лишь случайно, эти различия ио внимание не принимаются. Зачастую такое ре-шение можно принять и без систематического наблюдения над отношением определенных явлений к содержанию сообщения, з исходя из того, что эти явления функционируют и в дру-гих системах поведения. Так, прерывающее речь покашливание в^{язано} с общим состоянием говорящего, который простужен, ^{Как} и с отсутствием покашливания у других говорящих; следо-вательно, покашливание относится к другой системе поведения. Является нерелевантным для сообщения. Общие соображения Д^{воят} нас к мысли, что как правило во всех речевых коллекти-наблюдается одинаковая ситуация, но вместе с тем здесь ^{Всегда} мы

готовы к тому, что наблюдение может внести поправки.

^{1Г1}Пример, если бы мы в каком-либо ранее не изученном языке

^{1e}Иди, что все говорящие на нем в большинстве предложений

^иРаз кашляют, мы должны были бы заподозрить, что это ка-

^{~7o} образом существенно для сообщения. Если дальнейшее

наблюдение покажет, что подлежащему в именительном падеже в главном предложении всегда предшествует покашливание тогда этот факт следовало бы включить в грамматику. (Такие случаи, разумеется, не обнаружены.)

Отношение «тип — экземпляр» имеет для лингвистического описания и ряд других следствий. Частота встречаемости предложений существенной не является: либо предложение представляет собой часть языка, либо нет. Нулевая частотность в корпусе — это лишь математически предельный случай. В описании не проводится различия между предложениями, построенными по его правилам, которые оказались представленными в корпусе, и теми, которые там не представлены! Среди тех предложений, которые реально встречаются, частота встречаемости нерелевантна, поскольку относится к реализации! к экземпляру, а не к типу.

Если же, однако, мы обратимся к частотности не предложений, но более коротких единиц, которые появляются во многих различных предложениях — а именно к частотности фонем слов или классов слов, — то они часто обнаруживают регулярно повторяющиеся характеристики, которые имеют важную связь с универсальными характеристиками языковой структуры и, следовательно, имеют теоретическое значение. Например! для языков, где у существительных есть различие единственного/множественного числа, имеются данные, показывающие, что единственное число встречается обычно в четыре или пять раз чаще множественного числа. Такое различие в относительной частоте встречаемости, как будет показано дальше, вполне возможно, связано с чисто структурными характеристиками! Это не значит, что нам нужно изменить наше представление об адекватном лингвистическом описании — если оно логически последовательно, согласуется с обычной практикой лингвистов! и плодотворно с теоретической точки зрения.

Просто создание описаний языков — не единственная задача описательной лингвистики, как и лингвистики в целом. Лингвист может предпочесть другие виды исследования, если они обещают оказаться существенными для понимания его основного объекта изучения. Некоторые явления, которые были вполне обоснованно исключены из лингвистического описания, могут

что характеризуют только исполнение (употребление), могут полноценным объектом изучения. Так, например,

оговор-являются во многих отношениях неслучайными; хотя они, конечно, и несущественны для содержания тех конкретных высказываний, в которых они встречаются, они проливают свет на процесс языкового изменения, а также на некоторые психологические аспекты речевого исполнения. Также паузы, например, связаны определенным образом с синтаксической структурой и по этой причине заслуживают изучения.

Необходимо, наконец, рассмотреть некоторые основополагающие принципы, составляющие часть общенаучной методологии, в их конкретном применении к теории лингвистического описания. Хотя такие понятия, как простота и полнота, так и не получили по-видимому достаточно четкого определения при обсуждении научной методологии, их важное значение в практике научной работы неоспоримо. Еще один первостепенный по значению принцип — точность, под которой понимается соответствие фактам языка. Так, описание является неадекватным, если на основании его правил можно построить предложения, которые не будут приняты говорящими как принадлежащие языку; общая теория, построенная для конкретного языка исходя из таких правил, будет страдать серьезными ошибками. То, как именно мы можем узнать, что какое-то конкретное предложение принадлежит языку, — связано с проблемой грамматичности. Неотъемлемой частью точности является полнота. Не только все, что производит грамматика, должно принадлежать языку, но все, что принадлежит языку, грамматика должна быть способна произвести. Поскольку, как мы уже видели, всякий естественный язык состоит из бесконечного ряда предложений, мы никогда не можем быть уверены, что этот ряд полный. Для живого языка корпус, хотя он и конечен, всегда может быть расширен; следовательно* Полнота может быть проверена способностью объяснять предложения, появляющиеся впоследствии. Если описание неспособно дать подобное объяснение, оно должно быть пересмотрено, так можно приближаться ко все большей и большей полноте, упомянутых выше критериев, хотя они и являются основными, явно недостаточно — ведь от научного описания требуется нечто большее, чем просто точность и приближение

к полноте. Значительная часть того, что мы ищем, подходит к понятию обобщения. Так, описание образования множественного числа существительных в английском языке, которое выглядело бы так: множественным числом от *hat* 'шляпа' является *hats* 'шляпы'; множественное число от *coat* 'пальто' — *coats*; множественное число от *hand* 'рука' — *hands* 'руки' и т.д. и перечисляло бы каждую форму множественного числа отделено — было бы! возможно, точным и полным, однако общее правило, в котором! сначала перечислялись бы особые, «нерегулярные» случаи множественного числа типа *man* 'человек' — *men* 'люди', а потом приводилось бы единое общее правило для форм множественного числа — *s*, является, несомненно, более совершенным. Кроме! того, такой набор правил будет значительно короче. Это требование часто формулировали, исходя из понятия простоты, а критерий, который иногда предлагали для оценки относительной простоты описаний — это их объем, измеряемый количеством использованных знаков. Хотя такой подход, возможно, имеет эвристическую ценность, я считаю, что самым важным понятием здесь является обобщающая способность, понимаемая как широта охвата множества явлений (например, правило образования множественного числа — *s* охватывает очень большое количество случаев), а простота и краткость — это его важные последствия!

Возможно, от описания мы потребуем также качество, которое можно было бы назвать «проницательностью» (*insightfulness*)! ведь научное описание должно вскрывать в изучаемых явлениях отношения, например, оно должно не просто сформулировать правила, достаточные для производства как активных, так и пассивных предложений в английском языке, но оно должно также показать, как группа предложений активной структуры связана с соответствующим рядом пассивных предложений. Можно впрочем утверждать, что подобные озарения — это в сущности другая грань обобщения.

Остается теперь рассмотреть, какие последствия для теории описания имеет еще одна общая особенность языковых систем отличающая их от других систем коммуникации, — а именно двойное членение, наличие в языке двух уровней, на одних из которых элементы, подобные буквам алфавита письменного языка, взятые по отдельности, не имеют значения, тогда

на уровне функционирующие единицы, подобно словам, взятые по отдельности, являются значимыми. В ответствии с этим делением в звуковом языке можно отяичить фонологию, изучение звуковых систем, от остальной части описания.

И действительно, звуковая система языка, по-видимому, предполагает наличие практически автономного набора навыков артикуляции и восприятия. Изучая чужой язык, некоторые говорящие «приобретают» удовлетворительное знание его грамматической структуры и словарного состава и даже научаются бегло говорить на нем, не меняя при этом артикуляционной базы, присущей их первому языку. Ученые-классики, возможно, испытывают восторженные чувства в отношении красот грамматической структуры древнегреческого языка, который они используют в текстах, переделывая их и толкуя, однако, справедливости ради, надо сказать, что если бы в результате какого-то чуда эти ученые оказались в Древних Афинах, то из-за своего произношения они не смогли бы ни спросить, как пройти к Агоре*, ни понять полученные разъяснения. Прямо противоположным является случай, когда лингвист, натренированный в фонетике, зачастую способен убедительно воспроизводить звуки того или иного языка, не имея даже рудиментарного знания его грамматики и словаря.

Мы вправе, таким образом, выделить фонологию как в значительной степени автономный аспект описательной лингвистики. Обособленность фонологии несомненна, и это необходимо учитывать в любой общей теории описательной лингвистики.

Другой отделимой областью является лексикон. Это видно в традиционных описаниях из того факта, что этой части посвящено отдельное описание — словарь. И здесь так существует, очевидно, различие в мастерстве, необходимом овладения словарным составом. Изучая чужой язык, можно заметить его грамматической структурой, обладая лишь ограниченным запасом слов, и наоборот.

Ронна, гора ~ в Древней Греции площадь в юрте, обычно центральная, в которой находились храмы, торговые лавки, учреждения и где происходило собрание (агора). — Прим. перса

Существует, наконец, и третья принципиально важная часть описания языка — грамматика. Ее, как представляется, определить гораздо труднее, чем фонологию, которая непосредственно соотносится со звучанием, или лексикон, который достаточно четко характеризуется тем, что имеет дело с конкретными «звучимыми» звуковыми последовательностями, — например, *tarn* 'стол' в английском языке, — соотнося их с фактами, внешними по отношению к языку. Что же касается грамматики, то они обычно состоят из набора разнородных «правил», например, правил порядка слов; квазилингвистических определений, например, «существительного»; таблиц склонения и спряжения.

Тем не менее, если мы снова обратимся к тем задачам, которые стоят перед человеком, изучающим чужой язык, нам, возможно, удастся выделить некоторые конкретные вопросы как язычно-грамматические. Если ему нужно перевести на другой язык какое-то предложение, он не может просто использовать для каждой единицы переводной эквивалент, произнося предложение в соответствии с правилами фонологии нового языка. Способ организации элементов различается от языка к языку, и профессиональные лингвисты всегда считали, что это и составляет саму суть лингвистического описания. Так, переводя с английского языка на французский предложение, которое содержит словосочетание *the white house* 'белый дом', нужно знать, что французский эквивалент слова *white* 'белый' следует за французским эквивалентом слова *house* 'дом', а не предшествует ему, как в английском языке. Правила порядка следования значимых элементов — это типично грамматические факты, и чтобы сформулировать такое правило в обобщенном виде, необходимо разграничить классы существительных и прилагательных в английском и французском языках. Понятия о таких классах являются специфически грамматическими. Далее, чтобы перевод был правильным, нам придется произвести выбор между артиклями *a* и *the* для передачи *the* и между *Blanc* 'белый' и *blanche* 'белая' для передачи *white*. Этот выбор невозможно осуществить, исходя из знания лексических значений *the* или *white*, он основывается на понимании того, что существительное во французском языке имеет систему, включающую два рода. Было бы, наверное, удобно, чтобы словарь давал информацию о том, что французское *maison* 'дом' относив

женскому роду, но способность использовать такую информацию проистекает из понимания двуродовой системы французского языка, а это грамматический факт по преимуществу.

Дальше мы увидим, что граница между лексикологией и грамматикой ясна отнюдь не во всех случаях. Но для настоящих целей достаточно отметить, что существуют три основных аспекта описания: фонология, грамматика и лексикон. Это главный факт, с которым так или иначе сталкивается любая теория описания языка, и в значительной мере различные теории отличаются друг от друга тем, как в них определяется место пограничных областей и как понимаются взаимосвязи между ними.

IV

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Традиционно двумя типичными продуктами грамматического описания были грамматика и лексикон. Поскольку в основной польза от словаря состоит в том, что он позволяет «посмотреть значения незнакомых единиц (обычно «слов»), и поскольку независимо от того, что еще в нем представлено, он всегда содержит определения, можно было бы заключить, что различие между лексиконом и грамматикой совпадает с различием между семантическим и несемантическим аспектами языка.

Анализ как грамматик, так и словарей показывает, однако, что данное разделение обычно не выдерживается: и с той, и с другой стороны существуют значительные отклонения от нормы. Например, и это особенно типично для таких высоко флективных языков, как латынь, в словарях как правило приводится информация об отнесенности включенных в них единиц к тому или иному классу склонения — а это, несомненно, факт грамматический. С другой стороны, поскольку словарь фиксирует отдельные единицы, он не ставит перед собой семантической задачи интерпретации предложения. И та сколько-нибудь регулярная информация о связях между грамматическим значением единиц более высокого уровня и лексическим значением отдельных элементов языка, которую мы реально получаем из описания языков, содержится в традиционной грамматике.

Даже небольшое размышление показывает, что подобные отклонения с обеих сторон носят систематический характер. Разграничение грамматики и словаря опирается на что-то иное, нежели различие между семантическим и несемантическим аспектами языка. Грамматика — это царство общих правил, словарь же — царство отдельных элементов. Так, в латинском языке

бое существительное, которое в номинативе единственного числа оканчивается на -я, имеет в генитиве единственного числа окончание -ae, и это является правилом, которое наряду многими другими правилами сходного порядка содержится в сжатом виде в парадигмах грамматики. Однако ни в одной латинской грамматике не приводится полного списка всех членов того класса существительных (традиционного первого склонения), имеющих в номинативе единственного числа окончание -a, и в генитиве единственного числа оканчивающихся на -ae. Сведения такого рода содержатся в словаре, где для каждого зафиксированного там существительного указывается принадлежность к тому или иному словоизменительному классу. Индивидуальные «значения», которые даются в форме определений или переводных эквивалентов, сопровождаемых диаграммами и рисунками, действительно являются предельно частными фактами языка: их вообще невозможно вывести из какого-либо правила или из значения какой-либо другой единицы. Если нам известно, например, что по-французски *bouche* означает 'рот', это никак не помогает нам узнать, что *cheveux* имеет значение 'волосы'.

Некоторые слова бесспорно являются «расчленимыми» в том смысле, что они составлены тем или иным регулярным образом с помощью сложения или деривации из более мелких единиц, встречающихся либо изолированно, либо в других сочетаниях. Так, англичанин может «догадаться», что слово *poetess* 'поэтесса' означает «поэт женского пола». Это лишний раз подтверждает правильность основания, предложенного здесь для разграничения словаря и грамматики. В обычных грамматиках в разделе, посвященном «образованию слов», приводятся правила употребления таких словообразовательных аффиксов, как -ess. Если даны обычные правила и лексическое значение слова *poet* 'поэт', мы можем образовать значение 'поэтесса', и включение слова *poetess* в качестве отдельной статьи в словарь может показаться излишним.

В этом смысле значение слова *poetess* «выводимо» из другой информации, но в обратном направлении подобный подход работает. Поскольку суффикс -ess нельзя свободно присоединять к любому отдельному существительному (например, чтобы сообразно таким словам, как **engineeress* или **kingess*), тот факт, что *poetess* является частью английского языка, тогда как

в других случаях употребление суффикса *-ess* приводит к обращению единиц, не свойственных английскому языку, предстает частным фактом, который мы узнаем из лексикона.

В свете того, что грамматика имеет дело с правилами, Я иначе говоря, с обобщающими дескриптивными формулировками, в то время как словарь занимается частными явлениями! неудивительно, что та часть лингвистической теории, которая имеет отношение к описательной лингвистике, разрабатывая преимущественно теорию грамматики, а не теорию словаря] И в результате теорией лексикографии в языкознании, как правило, пренебрегали. Что касается основной деятельности лексикографов — создания определений, то теоретическая сторона была в значительной степени отдана на откуп логикам, которым мало интересовали проблемы определений в реально существующих естественных языках. С другой стороны, практическая работа была оставлена на долю лексикографов, которые частью демонстрировали великолепное мастерство в этих вопросах при минимальной теоретической обоснованности. По этой причине лексикографию в действительности следует считать искусством, или точнее, поскольку ее эстетическое содержание относительно невелико, — ремеслом. Есть, однако, признаки, свидетельствующие о том, что долгий период пренебрежения вопросами теории! а также изоляции лексикографии от теоретического мейнстрима лингвистики близится к концу').

В настоящей главе мы остановимся на некоторых моделях различной степени эксплицитности, которые служили принципами организации грамматического описания. Поскольку, как мы видели, те аспекты лингвистического описания, которые связаны с обобщающими правилами, относятся к сфере грамматики! а не лексикона, обсуждение основ теории описания языка

' См. в частности попытки включить семантику в общую грамматику у представителей трансформационной школы, — например: *Katz Jerold J., Fodor's Jerry M. The Structure of a Semantic Theory // Language*, №39, April-June 1963. P. 170-ff 210; *Katz Jerold J., Posner Paul M. An Integrated Theory of Linguistic Descriptions*-Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1964 и более недавние по времени работы Уриел Вайнрайха и особенно *Weinreich U. Explorations in Semantic Theory // Thomas Sebeok, ed. Current Trends in Linguistics. Vol. III (The Hague, Paris: Mouton, 1966)-*

чески и было обсуждением теории грамматики, хотя вопрос о месте лексикографии в описании приобретал иногда важное значение.

Существует огромное множество грамматик отдельных языков; в подавляющем большинстве из них практически отсутствуют эксплицитные высказывания по теоретическим проблемам. И однако же знакомство со многими традиционно ориентированными грамматиками обнаруживает лежащую в их основе достаточно очевидную модель, которая тесно связана с теорией описания, сложившейся в традиции греков и римлян и впоследствии использованной при обучении английскому и другим языкам. Никто не начинает писать грамматику с нуля. Даже миссионер или правительственный служащий, не имеющие лингвистического образования, всегда хоть немного практически владеют каким-либо языком кроме английского, и созданные ими грамматики неизбежно оказываются обусловленными либо традиционным обучением языку, которое они восприняли в процессе получения собственного образования, либо представляют собой прямое подражание другим грамматикам, которые им довелось видеть. Этот метод создания грамматик получил определение — модель «парадигма слова». Здесь мы подробно обсудим эту модель, поскольку ее главные положения в значительной степени обуславливают общераспространенные взгляды на язык, и возникновение структурной лингвистики следует в значительной мере понимать как реакцию против слабых сторон этой традиционной модели. В свою очередь, недавно появившийся трансформационный подход, сам представляющий собой реакцию против некоторых аспектов структуральной лингвистики, обнаруживает известные точки соприкосновения с более старой моделью. Научное языкознание в его современной форме возникло на Рубеже XIX века и было связано с историческими проблемами. Внимание ученых на протяжении XIX века было сосредоточено на проблемах генеалогической классификации языков с целью равно-исторической реконструкции, главным образом области индоевропейской семьи языков, к которой принадле-^{Ит} подавляющее большинство языков Западной Европы. Для чтобы можно было сравнивать языки, необходимо сначала описания этих языков в форме грамматик и словарей.

Наиболее важными для работы индоевропеиста-компаративиста были древнейшие формы литературных языков индоевропейского происхождения, такие как латынь, древнегреческий и санскрит. Для этих языков в его распоряжении имелись описания! основанные в конечном итоге на моделях, которые были созданы античными греко-римскими и индийскими грамматистами и в достаточной степени отражали структурные особенности данных языков. Эти описания оказались поэтому в целом удовлетворительными для нужд компаративистов, и когда возникла необходимость в создании грамматик для других древних индоевропейских языков, были использованы те же модели, III например, при написании грамматик таких языков, как готский! древнецерковнославянский* и авестийский.

В течение того же периода создавались, разумеется, грамматики и для современных языков. В основном это были грамматики двух типов. Один тип грамматик был предназначен для письменных языков в их стандартизированной литературной форме. По существу такие грамматики часто сами представляли собой попытки нормирования соответствующих языков. Развития литературных языков было важным элементом формирования национальных движений в Европе в XIX веке. Благодаря литературному языку этническая группа обретала чувство национального достоинства и получала в свое распоряжение наднациональный стандарт, что играло важную роль в преодолении узких изоляционистских тенденций, коренившихся в самосознании территориальной группы. Другой тип современного описания языка! явился результатом деятельности миссионеров и государственных служащих в регионах вне западного культурного ареала; они, ставили перед собой преимущественно практическую цель — передать знание соответствующих языков людям, которым это было!

* Для обозначения древнейшего литературно-письменного славянского языка, который был в IX веке использован просветителями Кириллом и Мефодием для перевода богослужебных книг и традиции которого были продолжены в Славянских памятниках X-XI веков, в русской русистике употребляется термин «старославянский». Церковнославянским языком обычно называют более поздний литературный славянский язык, язык богослужения, научного литературного и т.п., существовавший в виде национальных вариантов (изводов), оказавший влияние живых языков соответствующих славянских пародий. — Прим. иерев-Я

ж в их административной, миссионерской и коммерческой деятельности. Граматики такого рода, за исключением случайных и обычно несущественных отклонений, в целом следовали одной >ке модели «парадигма слова».

Фундаментальным понятием, лежащим в основе данной модели, является понятие слова; в связи с этим грамматика подразделяется на две части. Первая из них — морфология — занимается внутренней структурой слова, например, словообразованием (сложение, деривация) и словоизменением. Вторая часть — синтаксис — описывает правила, с помощью которых слова сочетаются и образуют предложения.

Понятие «слово» является, однако, двусмысленным по крайней мере в одном отношении. Во многих случаях, например, в случае классов слов, имеющих формы словоизменения, — таких как, скажем, глагол в английском языке, — существуют ряды родственных форм, обычно рассматриваемые как проявления одного слова, — например, *sing/san'g/sutig* 'петь/пел/спетый', хотя в некоторых контекстах можно говорить о слове *sing* 'петь'. Именно такие парадигматические ряды и являются основными единицами в данной грамматической модели.

Для того чтобы избежать двусмысленности в настоящем изложении, я буду использовать термин *лексема* для обозначения парадигматических рядов и термин *слабо* для обозначения их отдельных членов. Обычно какой-то один, определенный соглашением, член парадигматического ряда используется как форма «представления» («цитатная форма») всей парадигмы, — например, неприжатая форма единственного числа для существительного в английском языке. Так, в данном контексте лексема *man* 'человек' представляет ряд *man/man's/men/men's* 'человек/человека/люди/людей', а слово *man* выступает как первый член этого ряда.

Понятие лексем является принципиально важным во многих отношениях, и в частности, в связи с делением «морфология — синтаксис», о котором говорилось выше. Так, с точки зрения семантики, словарь — это перечень лексем, каждая из которых представлена в цитатной форме: например, словарная

статья *man* охватывает всю парадигму *man/man's/men/men's*. Предполагается, что эти формы имеют общее значение корня,

получившее определение в словаре. С другой стороны, различием в значении между *tap* и *tep* словарь не интересуется! Каждое изменяемое слово той же парадигмы принадлежит к одной из ограниченного набора категорий словоизменения, — например, единственное число, множественное число, прошедшее время, настоящее время и т. п. — роль которых в интерпретация предложения описывается в грамматике, а не в словаре.

Таким образом, понятие словоизменительного ряда подводим нас к теории двух типов значения. Общим для парадигматического ряда является лексическое значение, оно определяется в словаре и рассматривается как в основном постоянное во всех словоизменительных формах. Тот факт, что одна и та же лексема может быть интерпретирована по-разному в разных словесных контекстах, получил объяснение с помощью понятия «полисемии», другими словами, огромное число словарных единиц имеет много значений, каждое из которых образует подраздел словарной статьи. И следовательно, на плечи пользователя словаря ложится задача выбора конкретного значения, которое подходило бы к концу тексту, где оно употреблено. Никому так и не удалось убедительно показать, в каких случаях различные значения следует признавать разными омонимическими словарными единицами, а в каких — разновидностями одной и той же полисемичной лексемы.

В отличие от нереляционных по своей природе лексически значений, значение словоизменительной категории указывала на отношения в предложении. Самые общие типы таких отношений обозначаются терминами «согласование» (когда, например, прилагательное «согласуется» с существительным в роде) и «управление» (когда, например, в немецком языке говорят, что такой-то предлог «управляет» дательным падежом). Подобные явления рассматриваются, разумеется, в грамматике, а не в словаре.

Основная задача морфологии — формулирование регулярных упорядоченных правил, в соответствии с которыми можно было бы образовать парадигматический ряд любой лексемы. Лексемы распределяются по классам, в пределах которых парадигма образуются по одним и тем же правилам. Достаточно вспомнить широко известные классы склонения и спряжения в традиционной грамматике. Так, например, «первое» склонение в латыни

лшчает в^ существительные, которые в номинативе единственного числа имеют окончание *-a*. Все эти существительные поняются по одной и той же модели: они оканчиваются на *~ae* в дательном и дативе единственного числа и номинативе множественного числа, на *-a* в аблативе единственного числа и т.д. Обычно выбирается одна лексема, — например, *puell-a* 'девушка' яля первого склонения — и любое другое существительное первого склонения можно склонять, используя *puell-a* в качестве образца или примера (парадигма < греч. *paradelgma* 'пример, образец'). Поскольку использование той или иной словоизменительной категории — то есть ее роль в общей семантической интерпретации предложения — входит в компетенцию синтаксиса, а лексическое значение каждой лексемы дается в словаре, морфологию можно рассматривать как чисто формальную часть грамматики (морфология < греч. *morphologia* 'учение о форме'). Во всех языках многие слова, а в некоторых языках все или почти все слова являются неизменяемыми. Это означает, что парадигматический ряд в этом случае состоит из одного слова, отсюда, если обобщить, лексема и слово здесь совпадают. Однако в древних и современных индоевропейских языках, с которыми приходится иметь дело компаративисту, существовали многочисленные склоняемые и спрягаемые лексемы, и их классификация по рядам склонения и спряжения представляла значительные трудности. Такая классификация поэтому обычно составляла самое ядро грамматики, ее неотъемлемую часть. На деле она занимала больше места, чем любая другая тема; большей или меньшей степени страдали все другие разделы, — например, фонология и синтаксис.

При том, что словоизменение действительно занимает центральное и ключевое место, оно отнюдь не является единственным предметом морфологии. Индийская грамматическая традиция в целом несколько отличалась от античных грамматик тем, что тщательно разрабатывала проблемы словообразования, тогда как греки и римляне сосредоточили основное внимание на словоизменении. Если мы обратимся к такому английскому слову, *Poetesses* 'поэтессы', то увидим, что оно является элементом морфологии в той ее части, которую составляет словообразование и которая включает правило, устанавливающее, что

слово *poetesses* — это член (непритяжательный множественного числа) лексемы *poetess*. Уместно также показать, что отношение *poetess* — *poet* 'поэтесса — поэт' тождественно отношению *authoress* — *author* 'автор-женщина (авторша) — автор'. Вместе с тем употребление таких суффиксов, как *-ess*, подвергается Ограничениям, которые кажутся необъяснимыми (так, *duchess* 'герцогиня'¹ возможно, а **kingess* — нет), и значит его целесообразнее было бы отнести к компетенции словаря. Более того, семантическая интерпретация случаев словообразования не является столь же регулярной, как для словоизменительных категорий.

Например, в латыни, если нам известно лексическое значение *homo* 'человек', а также синтаксические правила для употребления датива и единственного числа и морфологические правила образования *homini* как датива единственного числа, нет никакой необходимости особо говорить о значении *homini*. Подобно в буквальном смысле тысячам таких слов, *homini* исчерпывающе объясняется исходя из указанных правил, и нет нужды в каких-либо дополнительных конкретных разъяснениях. При анализе процессов деривации, напротив, часто приходится определять индивидуальные значения наряду с перечислением конкретных форм. Например, в английском языке отношение *hopeful* 'надеющийся, подающий надежду' к *hope* 'надежда' в качестве парадигматической модели не полностью подходит к отношению *careful* 'заботливый, осторожный' и *care* 'забота' и еще менее подходит для отношения *artful* 'ловкий, хитрый' и *art* 'мастерство, искусство'. И как следствие деривация, так же как еще более капризная область словосложения, обычно либо изучалась в грамматике неполно, либо вообще не изучалась, и рассмотрение связанных с ними проблем оставляли на долю словаря.

В добавление к той роли, которую лексема играла в качестве основной единицы, фиксируемой в словаре, и как ориентир при фундаментальном делении грамматики на морфологию и синтаксис, лексема также является опорой при всеобъемлющем распределении всех слов языка по ограниченному количеству классов — «частей речи». Части речи, — например, существительный глаголы, прилагательные — получали для классических языков определение исходя из сходства морфологических и синтаксических признаков, которые, как считалось, обычно определены*¹

образом соответствуют друг другу[^]. Так, в латыни прилагательное ^{пре}делялось как такой класс слов (то есть лексем), которые по числам, родам и падежам, в отличие, скажем, ^{от} существительных, изменяющихся только по числам и падежам- Но прилагательные можно было бы также определить, исходя из их общей синтаксической функции *-**- определения ^к существительному.

На практике набор частей речи был идентичным, и считалось, что он действителен для всех языков и одинаков от языка ^к языку в силу по существу идентичной логической природы всего связного дискурса. Установление частей речи в языках, не обладавших морфологическими и синтаксическими признаками классических языков, которым эти признаки достаточно хорошо соответствовали, производилось по необходимости на основе перевода. Так, существительными в языке типа бирманского назывался такой класс слов, которые в целом были переводными эквивалентами слов, принадлежавших к классу существительных в латыни и древнегреческом, а также в современных западных языках. Это, естественно, приводило к тому, что части речи определялись семантически, а не исходя из их морфологических характеристик и синтаксической функции. Так, глаголы, существительные и прилагательные получали определение как обозначения соответственно действий, субстанций и качеств.

Фонология играла менее значительную роль; она включала по существу правила произношения слов, приведенных в орфографической форме. Для древних языков, находившихся в центре внимания компаративистов, исходным материалом были письменные тексты, чтение которых не было известно непосредственно- Более того, особенно в ранний период сравнительно-исторического языкознания регулярное сравнение достаточно успешно ^Доводилось, исходя из букв письменного текста, а не с использованием ^{Ва} произносимых звуков. Грамматика современных языков ^носили, как мы видели, в значительной степени нормативный ^{*й}рактир, и стандартизация обычно принимала форму упорядочения орфографии. Что же касается фонологии, то она представляла собой по преимуществу свод правил нормативного произношения, созданный для того, чтобы обеспечить единообразие ^{но} (Диалектальным стандартам общего литературного языка.

Из трех уже упомянутых типов грамматик — филологической, грамматики литературного письменного языка и грамматика «экзотического» незападного языка — именно последняя сыграла конструктивную роль в развитии структурализма в первой половине XX века, потому что в таких грамматиках наиболее четко обнаружилось недостатки традиционного подхода. Я с¹ всем не хочу сказать, что это послужило единственной причиной] возникновения структуралистских идей. Структурализм — это] сложное движение, которое приняло разные формы в США| Великобритании и на европейском континенте. Более того, еЯ вполне обоснованно можно рассматривать как лишь одну фазу более широкого движения, которое охватывает структурализм и функционализм в антропологии и социологии, а в Европе ещЯ гештальтпсихологию. То, о чем пойдет речь в данной главе, кото-1 рая не претендует на изложение истории науки, относится в перл вую очередь к американскому лингвистическому структурализму!

Недостатки подхода, господствовавшего в лингвистика XIX века, действительно проявились наиболее явно, когда на^ чались полевые исследования незападных, до того времени бес! письменных языков, причем не только для практических целей! но и в качестве важной части этнографического описания, осу- < ществляемого быстро развивающейся наукой антропологией. ДЯ этнографа, стремящегося создать описаниедоселе бесписьменно! го языка, отсутствие туземного письма, включающего некоторым анализ звуковой системы, делало последовательный фонолой гический подход, основанный на фонетике, вопросом первоД необходимости. Но, как мы уже видели, фонетика была для трЛ диционной теории описания языка областью периферийной, ж и никакой строгой фонологической теории тогда не существова-1-- ло. Что касается грамматики, то схему частей речи и категория словоизменения, сложившуюся на основе изучения ограничеЯ ного круга западных языков, можно было применить к языкам! совершенно другой структуры только ценой навязывания этЯ языкам категорий, которые в них либо совсем отсутствовали! либо не играли сколько-нибудь существенной роли, и одно| временно ценой игнорирования тех категорий, которые играл*! в реальном функционировании этих языков важную роль. А э« свидетельствовало о том, что теория описания языка, принимав-

аясь на веру в XIX веке, когда на первом плане был интерес историческим проблемам, нуждалась в серьезном пересмотре, и что традиционная методология требовала коренного изменения- Более того, для языков, не имевших ни письменных памятников, ни адекватных описаний, исторические объяснения, которые возможно получить путем изучения древних текстов с помощью сравнительно-исторического метода, что оказалось столь успешным в случае индоевропейской и некоторых других семей языков, были просто неосуществимы.

Все это привело к подлинной революции в лингвистике, теоретические основы которой были наиболее четко сформулированы, хотя и несколько по-разному, в трудах Фердинанда де Соссюра в Европе и в американской антропологии и лингвистике, во главе которой стояли Франц Боас, Эдвард Сепир и Леонард Блумфилд.

Теоретические проблемы описательной синхронической лингвистики оказались теперь в центре внимания, оттеснив исторические исследования, на которых было сосредоточено внимание в XIX веке. Каждый язык, рассматриваемый синхронически, предстал как взаимосвязанное и уникальное целое. Целью лингвистической теории становилась, таким образом, разработка методологии и понятий, исходя из которых структуру любого языка можно было бы обнаружить и описать как нечто самостоятельное, не искажая ее произвольным навязыванием западных навыков восприятия и грамматической категоризации.

Хотя методы, с помощью которых лингвисты надеялись достичь этих целей, сами находились в постоянном изменении и развитии, и кроме того, с самого начала существенно различаются в Европе и в США, тем не менее в конце концов возникло не^е что подобное единой модели, а возможно следует говорить ⁰ Целой серии методов, которые, несмотря на большое внешнее Разнообразие, обнаруживают значительное внутреннее единство. ^{1e} тенденция этой эпохи можно наиболее последовательно подытожить с помощью модели «единица-и-аранжировка». Эта модель ^o Дается достаточно ясному и логически строгому объясне- иК>, хотя при этом она неизбежно превращается в нечто вроде арикартуры — она не походит на то, что реально делают лингвис- [!]> и по существу превращается в мишень для представителей

будущей революционно настроенной группы, когда они попытаются объяснить, против чего именно они выступают. (Аналогичное наблюдение применимо впрочем *mutatis mutandis* к тому! как описывали традиционную грамматическую теорию XIX века структуралисты в ходе их собственных выступлений.) В дальнейшем изложении я рассмотрю некоторые наиболее общие аспекты структурализма, в той или иной степени характерные для всех школ и подходов, но особое внимание будет уделено американской разновидности структурализма и модели «единица-и-арайировка», которую можно считать наиболее для нее типичной.

Выше уже отмечалось, что в традиционной лингвистической фонологии отводилось периферийное место. В структурализме положение фонологии принципиально изменилось. Теоретическое изучение фонологических проблем заняло центральное место в деятельности самой влиятельной из европейских структуральных школ — в Пражской лингвистической школе; такое положение наблюдалось также в Англии и в США. Структурализм возник в связи с разработкой фонологической теории; и только позднее он обратился к серьезному рассмотрению грамматических проблем, причем в значительной степени используя понятия разработанные в более ранний период, когда все внимание было сосредоточено на фонологии,

Выбор подхода от фонологии, а не с другого, так сказав конца, от синтаксиса, — представлял собой не просто техническое решение. Он означал, что исследователь ставил себя на позицию слушающего. И действительно, особенно в США, лингвистическая теория превратилась в формулирование процедуры для некоего идеализированного лингвиста, ведущего полевого исследование и в первый раз сталкивающегося с каким-либо естественным языком, основным свидетельством для которого было высказывание информанта. Подобный подход являлся, таким образом, в высшей степени эмпирическим; надежде он полностью соответствовал господствовавшей тогда психологической теории бихевиоризма. В отличие от традиционной грамматики такой подход был преимущественно ненормирующим. О языке свидетельствовало то, что люди реально говорили, а не нормативные суждения об этой реальности. Наблюдалась также сходная тенденция не считать свидетельством о языке реакцию информанта

и их суждения об их собственной речи, поскольку эти явления связаны с интроспективными процессами, не поддающимися научному изучению и получившими название ментализма.

Изменения затронули также и отношение к семантике. Ученые на практике высказывания на незнакомом языке выявлялись в первую очередь с помощью переводных эквивалентов, а грамматический анализ принимал форму анализа текстов, предварительно подвергнутых семантической интерпретации. Однако многие лингвисты считали, что перевод и семантическая интерпретация также связаны со сложными и ненаблюдаемыми мыслительными явлениями. Считалось, что в идеале фонологический и грамматический анализ языка нужно проводить только на основе эмпирических данных, содержащихся в высказываниях информантов, не прибегая к значению. Иногда утверждалось, что процедуры для такого анализа уже реально существуют и что использование значения — это просто несущественная с теоретической точки зрения попытка сделать анализ более коротким, так сказать, некий эвристический прием. Стремление исключить семантику из лингвистики мотивировалось не только теоретическим неприятием ментализма, но имело более сложные причины, одной из которых было желание более четко отграничить для лингвистики ее автономную область исследования. При этом некоторые рассуждали так: поскольку *обозначение*, основное понятие лексикографической семантики, есть отношение между лингвистической единицей и единицей нелингвистической (например, в английском между словом *table* 'стол' и соответствующим предметом, который этим словом обозначается), — это «нечистое» понятие, которому нет места в лингвистике. Еще одним шагом в том же направлении был отказ от традиционного метода определения частей речи для «экзотических» языков путем их семантического приравнивания к категориям классических языков, что было связано с сомнением в правомочности включения семантических процедур в лингвистическую

Основной проблемой фонологической теории в этом контексте было создание процедур анализа, которые начинали бы с непринимаемых звуков и приводили бы к фонологическим единицам, своеобразным для каждой языковой структуры. По-

лучаемый результат не должен искажать звуковую систему \mathbb{M} следующего языка под влиянием привычных навыков восприятия и классификации звуков в родном языке исследователя. В принципе, следовательно, любой квалифицированный лингвист, независимо от его первоначального языкового опыта, должен бы прийти к одной и той же системе для того или иного конкретного языка. Система, к которой лингвист таким образом придет и будет в известном смысле, «истинной» системой данного языка она должна отразить неповторимое своеобразие этого языка, ее индивидуальность и принципы его организации, которые во многих случаях могут быть совершенно иными, чем те, с которыми лингвист сталкивался в языках древнего мира и современной Европы, известных ему гораздо лучше. Универсальными элементами были общечеловеческие категории фонетики — этические явления, как их стали называть позднее, — и аналитические процедуры фонологической теории. Именно это сделало фонологию наукой, которую можно изучить и результаты которой можно повторить. В то же время сами результаты для каждого языка были уникальными — этические элементы и их аранжировка, которые отражали подлинную структуру данного языка^{2*}.

Степень успеха, с каким эта цель фонологии осуществлялась а также способ ее достижения, будут подробно рассмотрены в следующей главе. Здесь же достаточно сказать, что решение было найдено с помощью минимальных единиц, названных *фонемами*. В преобладающем большинстве исследований американских лингвистов, до того, как на них стало сказываться европейское влияние, фонемы, подобно атомам в классической химической теории, считались далее не делимыми. Хотя число самих фонем относительно невелико, благодаря их сочетаниям в последо-

¹ Во взглядах на язык у американских лингвистов рассматриваемого периода замечен, однако, также сильный элемент номиналистического представления о способе существования абстрактных понятий («fictionalism»), — например в классической монографии: Twadell W. F. On Defining the Phoneme. Waverly Press, 1935. Вспоминается недоверие Боаса к категориям западных языков и его стремление описать культуры разных народов, исходя из их собственных фактов; это сочеталось у него с глубоким скептицизмом относительно возможности создать набор понятий, которые не были бы произвольным изобретением наблюдателя.

вительностях и получаются все значимые последовательности. Среди теоретиков Пражской школы фонемы не рассматривались как предельные единицы, каждая фонема понималась как сочетание ряда признаков, и число признаков в любом языке согласно этой теории, меньше, чем число фонем. И в том, в другом случае признавалось, что фонологическая структура основывается на наборе фундаментальных минимальных единиц, из сочетаний которых строятся предложения языка.

В американской лингвистике описание фонологической системы языка имеет три аспекта. Первый аспект — это отождествление основных единиц — фонем. Второй аспект — это установление набора правил, в соответствии с которыми каждая фонема образует варьирующие фонетические формы (*аллофоны*) по отношению к окружающим фонемам — то есть исходя из того, что называется ее *окружением*. (Само окружение должно быть точно определено в чисто фонетических терминах.) Наконец, существуют правила допустимых последовательностей фонематических элементов. Таким образом, фонология представлялась как самодостаточная система, которую можно описать без обращения к грамматическим структурам языка, хотя единицы, функционирующие на грамматическом уровне, составлены из элементов более фундаментального уровня.

Изучение грамматики предполагало одновременно и фактически полный параллелизм методов с фонологическим уровнем, и в значительной мере разграничение с этим уровнем в соответствии с теорией раздельности уровней. Для фонологии влияние этой теории, как было показано выше, нашло отражение в правиле согласно которому закономерности варьирования аллофонов следует формулировать исходя исключительно из фонологического окружения.

Первым условием для такого параллельного рассмотрения грамматики и фонологии было выделение минимальной функциональной единицы, которая была бы элементарным строительным кирпичиком, подобным фонеме. Основная единица традиционной грамматики — слово — для этой роли явно не подходило, поскольку часто обнаруживало сложную внутреннюю структуру. Например, английское слово *hats* 'шляпы' можно очевидно делить на две части (*hats* 'шляп-ы'), *leaders* 'командиры' —

на три части (*lead-er-s* 'команд-ир-ы'), а *unhesitatingly* 'уверенно' делится по меньшей мере на четыре части (*un-hesitat-ing-ly* 'у, вер-енн-о¹').

Такие единицы, которые в целом были меньше слов и которые невозможно было далее разделить на значимые части получили название *морфем*. Однако число морфем было гораздо больше, чем фонем, и в любом естественном языке они исчислялись тысячами. Став при новом структуральном подходе основными грамматическими единицами, морфемы приняли на себя также традиционную функцию слов — функцию словарного слова в словарях. Лексикон превращался, таким образом, в перечень морфем языка, сопровождаемых определением значений. Одним из следствий такого подхода было то, что утратило свое теоретическое значение старое различие между лексическим значением слова и значением грамматических категорий, составившая часть грамматики. Так, для английского языка в список морфем по-видимому нужно включить в качестве отдельных слоговых единиц *carry* 'нести' и *-d* 'прошедшее время', поскольку в природе их значения нет как будто бы никакого по-настоящему важного различия. Подобные словари морфем были составлены для некоторых «экзотических» языков, в частности америндский, но сам такой подход к составлению словарей не оказал сколько-нибудь серьезного влияния на лексикографическую практику в отношении крупных литературных языков.

Подобно фонемам, морфемы также имеют варианты, которые по аналогии с аллофонами в фонологии были названы термином *алломорфы*. Аллофоны одной фонемы представляют собой фонетически различные формы одной и той же основной единицы. Считается, что различие между аллофонами является нефункциональным, в том смысле, что они не противопоставлены друг другу. Это можно заключить из правил их дистрибуции: нет правил, которые связывают каждый вариант с определенным рядом взаимоисключающих окружений. Сходным образом и некоторые морфемы имеют варианты — алломорфы, представляющие собой последовательности, которые различаются составом фонем. Правила варьирования формулировались исходя из окружающих морфем так, чтобы каждый вариант морфем

было связано с определенным набором взаимоисключающих окружений.

Возьмем в качестве примера английскую морфему множественного числа существительных. Она выступает в таких фонематически различных формах, как /s/ — например /hæt-s/ *hats* 'шляпы', /z/ — например /hænd-z/ *hands* 'руки', /z/ — например /dɪʃ-s-/ *dishes* 'блюда', /m/ — например /æks-m/ *oxen* 'быки' и т. д. Каждая из этих форм может быть соотнесена с определенным рядом окружений. Иногда, как в форме с /s/, встречающейся, когда показателю множественного числа существительного предшествует морфема, которая заканчивается глухой фонемой, существует некий общий фонологический признак, характеризующий весь набор окружений. Поэтому о таких алломорфах говорят, что они фонологически обусловлены. Однако для такого алломорфа, как /in/, единственным окружением является конкретная морфема {aks} *ox* 'бык³'. Там, где определяя окружение, приходится приводить одну или более морфем, говорят об обусловленности грамматической или морфологической, поскольку здесь требуется отсылка к конкретным морфемам.

Раздел грамматики, который должен заниматься варьированием фонематического облика алломорфов морфем, получил название *морфофонемике*. Таким образом, постулаты системы морфофонемике, соответствующие модели «единица-и-аранжировка», были следующими. Каждый алломорф состоит из некоторой воспринимаемой последовательности фонем, и каждая фонема приписана к одному и только одному алломорфу. Так, /æks-m/ 'бык-и' первые три фонемы принадлежат (одному-единственному) алломорфу {aks}, а последние две — одному из многочисленных варьирующихся алломорфов формы множественного числа (иногда изображаемой как {Z}). Второй постулат гласит, что каждый алломорф может быть недвусмысленно описан той или иной морфемой; это включает и достаточно частый случай, когда алломорф является единственным членом морфемы, выступающей везде в одном и том же фонемати-

Примеры в фонематической транскрипции заключаются в косые скобки, фонетическая транскрипция — в квадратные скобки, а морфемы приводятся в фигурных скобках.

ческом облике. Далее, каждый из варьирующихся алломорфов одной морфемы связан с определенным набором окружений, которые не пересекаются с набором окружений никакого другого! алломорфа той же морфемы. Такой подход подводил к заключению, что между различными алломорфами одной морфемы нет отношения большей или меньшей приоритетности, и каждый алломорф должен иметь воспринимаемую форму, состоящую из последовательности фонем, хотя эта последовательность может и не быть непрерывной. Аналогичным образом, не существует иерархических отношений и между морфемами слова, например, между основной и словоизменительным аффиксом *Щ* они просто сосуществуют.

Предложения представляют собой последовательности морфем, минимальных единиц грамматической структуры. Поэтому остальная часть грамматики — построение предложений должна содержать правила возможных сочетаний морфем, сходные с правилами допустимых сочетаний фонем в фонологии. В связи с гораздо большей сложностью грамматики лингвистам пришлось здесь столкнуться с некоторыми проблемами, которым не было в фонологии.

Можно особо выделить для обсуждения два типа возникающих здесь трудностей: первая из них связана с несравненно большим числом конкретных единиц, поскольку морфемы исчисляются тысячами; другой тип трудностей заключается в очевидной внутренней сложности предложения, что нашло отражение в иерархии традиционной грамматической терминологии — слово, словосочетание, придаточное предложение, предложение. 1

В отношении первого типа трудностей решение было очевидно: оперировать не отдельными морфемами, но классами морфем — иначе говоря, рядами, члены которых ведут себя сходным или одинаковым образом. Поскольку критерием сходства в данном контексте не должно было быть значение, так критерием снова стало основное понятие как морфофонетической, так и фонологической теории, а именно дистрибуция. Класс морфем — это в идеале ряд морфем, встречающихся в одних и тех же окружениях, так что правила комбинаторики, у них тождественны. А если это так, тогда правила построения предложений возможно сформулировать исключительно исходя из

из таких классов, а не из индивидуальных морфем — подобная процедура была бы невыносимо запутанной.

Здесь снова можно видеть разительный контраст с традиционной грамматикой. Классы морфем соответствовали в традиционной грамматике частям речи — они составляли относительно небольшой набор основных классов, по которым распределяются все значимые элементы и с помощью которых определяется структура предложения. Однако в отличие от частей речи морфемные классы не рассматриваются как некие фиксированные ряды, обладающие постоянными семантическими свойствами и, следовательно, встречающиеся во всех языках. Напротив, подобно тому как универсальные процедуры дистрибутивного характера позволяют обнаружить истинную фонологическую систему каждого языка, не отягощенную грузом предубеждений, возникающих в результате не критического навязывания изучаемому языку собственного языкового опыта исследователя, так и в грамматике должна существовать возможность установления с помощью объективных дистрибутивных методов функционально важных классов морфем языка. Чтобы избежать недоразумений, было бы вероятно лучше использовать вместо традиционных грамматических наименований некоторые произвольные символы. Так, Фриз вместо традиционного английского грамматического термина *noun* 'существительное' героически использовал такой термин, как «Класс 1»⁴.

Для решения другой серьезной проблемы — проблемы иерархической структуры предложения — были снова использованы дистрибутивные методы. Словосочетание (*phrase*) как важная подчиненная часть предложения может быть признано единицей, поскольку оно встречается в тех же окружениях, что и некоторые более мелкие единицы. Например, в английском предложении * *saw him in the house* 'Я видел его в доме' сочетание *in the house* 'в доме' является функциональной единицей, потому что действуют более мелкие единицы, такие как наречие *there* 'там', которые встречаются в тех же окружениях. Таким образом, структура сложного предложения может быть описана путем повтор-

Off, *Fries Charles C. The Structure of English: An Introduction to the Construction of English Sentences.* New York: Harcourt, Brace, 1952.

ных замещений все более длинных и длинных цепочек более короткими цепочками⁵¹. В противоположность процедуре традиционной грамматики, в ходе этой процедуры слово было свергнуто с престола и лишено своего основного места на границе, разделяющей морфологию и синтаксис. В лучшем случае оно один из нескольких возможных уровней на пути от морфемы к предложению, но не имеющий какого-либо конкретного статуса в этом отношении. Поскольку грамматическая структура любого языка должна быть исследована с помощью объективных процедур без каких-либо априорных допущений, можно ожидать что в языках мира встретится несколько типов таких иерархий и что в некоторых из них не будет единицы, которую сколько-нибудь обоснованно можно было бы приравнять к слову.

Любую часть предложения, которая в результате применения подобных методов субституции оказывается грамматической функционирующей частью целого, можно назвать *составляющей* (*a constituent*). Так, в предложении / *saw the footraii in the bar* 'Я видел перекладыны для ног у стоек в баре' *in the bar* является составляющей, так же как на более низком уровне *bar, foot ga u* и на еще более низком — *foot-, -rail* и *-s*. Напротив, *-rails in* составляющей не является, так же как не является составляющей; / *saw the*. Если двигаться, так сказать, сверху вниз, то можно разделить предложение на крупные составляющие, потом каждую из них — на составляющие более низкого уровня и так далее вплоть до морфем. Такой анализ предложения напоминает традиционный грамматический разбор с помощью схемы, разделившей сначала сложное предложение на главное и придаточное, а каждое из них, в свою очередь, на подлежащее и сказуемое и т.д. Структурный подход к грамматике был предназначен для создания метода членения любого предложения языка на *непосредственно составляющие* — анализа по НС, как была названа такая процедура. То или иное членение предложения должно быть оправдано, главным образом в соответствии с общей направленностью структурального подхода в целом, тем, что при этом

⁵¹ Классический образец применения этой процедуры содержится в статье Зелига Харриса: *Harris Zelig. From Morpheme to Utterance // Language*, 22, July-September 1946. P. 161-183.

получаются части, которые можно заменить более короткими последовательностями с более простой внутренней структурой.

Проблемы, лежащие в основе только что описанного типа структурального подхода, можно суммировать следующим образом. Высказывания языка образуют набор последовательностей дискретных элементов. Их можно представить в анализе как состоящие из атомоподобных минимальных единиц на двух уровнях — фонологическом и грамматическом. Минимальная единица грамматического уровня — морфема — обычно является последовательностью единиц фонологического уровня — фонем; в других отношениях они независимы друг от друга, и их можно исследовать по отдельности. На каждом уровне задача описания заключается в том, чтобы выделить основные единицы, их варианты в различных окружениях, определяемых исходя изданного уровня, и правила их сочетания. Все это устанавливается на основе «особенностей встречаемости» — то есть на основе дистрибуции. Так, класс морфем — это набор морфем, которые встречаются в одном окружении и могут, следовательно, заменять друг друга. С помощью таких процедур возможно, не обращаясь к значению, выявить функционально важные элементы каждого языка. В словаре же каждая морфема как минимальная значимая единица должна быть приведена в общем списке морфем и должны быть указаны ее значения.

Попытки основать научную дескриптивную лингвистику в соответствии с этими идеями, как теперь стало очевидно, потерпели неудачу во всех главных направлениях. То, что фонологию нельзя сколько-нибудь адекватно изучать обособленно от грамматики, будет подробно продемонстрировано в следующей главе. В грамматике также обнаружилось, например, что Морфеме невозможно определить в соответствии с интуицией практикой лингвистов, не прибегая к произволу. Если признается существование алломорфов, то правила морфонологии языка не удастся сформулировать, оставаясь строго в рамках процедур «единица-и-аранжировка», при которых каждый алломорф считается состоящим из фонем. Скажем, если известно, "То в английском языке существует морфема прошедшего времени, имеющая очень распространенный алломорф *-d* (например *carrie-d* 'носи-л'), следует тогда предположить, что в *took* /tuk/

'взя-л' представлен другой алломорф этой же морфемы. Одна противопоставление формы *took* форме *take* 'беру' показывает что алломорфом прошедшего времени здесь является *-oo~д*. А это приводит к выводу, что морфема со значением 'брать' ^ это оставшаяся часть, имеющая вид прерванной последовательности /t-k/. В таком случае принцип экономии требует, чтобы и в настоящем времени морфема тоже имела вид /t-k/. А если это так, мы должны признать тогда в *take* существование морфемы настоящего времени, которая имеет алломорф *-a-e /ej/*. Мы следовательно, вынуждены признать существование морфемы настоящего времени. Но если это так, если морфема со значением настоящего времени действительно существует, она должна быть представлена и в форме настоящего времени *carry*, где она внешне не выражена. И в результате нам приходится постулировать в этих последних случаях наличие нулевого элемента при условии, что он никогда не должен быть единственным алломорфом.

Другое возможное решение в случае анализа *took* — это откинуть от описанных выше постулатов и использование понятия *присущности*, а не аранжировки. Алломорф прошедшего времени в *took* является замещающим, *ej <— u*, и состоит в замене *u* на *ej*. Если идти по этому пути последовательно, *carried* 'носил' можно также получить исходя из формы настоящего времени *carry* и добавляя *-d*. Такой подход получил поэтому название «*еду/у/уи/уи-процесс*». Совершенно очевидно, он был гораздо более похож на традиционную грамматику, где основа считалась более важной, чем флексия и о флексии говорилось, что она прибавляется (суфигурируется, префигурируется и т.д.). В некоторых случаях гораздо более точное описание можно было получить с помощью еще более радикального процесса — опущения (subtractives)⁶¹.

У По-видимому, впервые этот прием был предложен Леонардом Блумфилдом в книге: **Language**. New York: Holt, 1933. P. 217, примечание (рус. пер.: *Блумфилд Я.* ¹ Язык. М.: УРСС, 2002. С. 234. — *Прим. перед.*), где, например, формы мужского рода единственного числа прилагательных во французском языке описываются как образованные от форм женского рода единственного числа с помощью м^м Я иевого признака, — а именно, отсечения конечного согласного или сочетания *-kt*. При наличии таких пар, как /s/ *laid* 'безобразный': /ed/ *aide* 'безобразная' < 3 /su/ *sou* 'пьяный': /sul/ *sou/e* 'пьяная', /pia/ *plat* 'плоский': /plat/ *plane* 'плоский'*-J

Однако наиболее острые проблемы возникали при изучении интаксиса. фундаментальную операцию подстановки, имеющую целью определить, имеют ли две морфемы, действительно, одинаковую дистрибуцию и принадлежат ли они тем самым к одному и тому же классу, невозможно было провести таким же относительно простым способом, как это происходило в фонологии, где число звуков и число их возможных окружений было строго ограничено. Например, мы несомненно согласимся с предположением, что *man* 'человек' и *boy* 'мальчик' принадлежат в английском языке к одному морфемному классу. Однако при том, что в спонтанных текстах встречается огромное многообразие предложений, шанс встретить хотя бы небольшое количество пар предложений, в которых *man* и *boy* находились бы в прямом противопоставлении, — например: 1) *The man came* 'Человек пришел', 2) *The boy came* 'Мальчик пришел' — представляется крайне малым. В действительности же требуется нечто большее, чем просто несколько случаев подобного рода. Для установления тождества дистрибуции нужно, чтобы для каждого предложения в корпусе, содержащего *boy*, было соответствующее предложение, которое отличалось бы только тем, что вместо *boy* там стояло бы *man*; и аналогичным образом для каждого предложения, содержащего *man*, было бы предложение, в котором на месте *man* стояло бы *boy*.

Возможны два выхода из создавшегося положения, но оба они разрушительны для основных идей той разновидности структурализма, которую мы здесь рассматриваем. Первый выход состоит в том, чтобы создавать необходимые предложения, которые не встретились нам в реальном тексте, но для этого у нас должен быть определенный критерий приемлемости. Предположительно, мы могли бы спросить у информанта, но это противоречит принципу, запрещающему обращаться к интуитивным представлениям информанта относительно языка. Кроме того, на практике вопросы подобного рода могут вызвать различную реакцию. Дру-

¹ -п., гораздо удобнее производить формы мужского рода от форм женского Рода с помощью единообразного приема опущения конечного согласного, чем "Разовывать формы женского рода от форм мужского рода путем прибавления Различных согласных.

гой возможный выход — предоставить самому лингвисту судить, являются ли недостающие предложения возможными, но это будет означать, что лингвист имеет дело с миром «возможных», предложений», который выходит за пределы предложений, эмпирически данных в корпусе. Это, разумеется, является следствием) того факта, который мы уже указывали выше, а именно, что предложения языка составляют бесконечный ряд.

Развитие анализа по непосредственно составляющим ясно, показало беспомощность дистрибутивной теории при изучении синтаксиса. Куда-то исчезла некогда всеми признанная строгость научной лингвистики, отличавшая ее от традиционной грамматики, когда вдруг оказалось, что анализ по НС фактически тождествен знакомым схемам грамматического разбора в школьных грамматиках. Стало ясно, что этот тип анализа предложения осуществляется путем обращения к семантической интуиции и что он может быть оправдан, если вообще может быть оправдан, только последующими дистрибутивными процедурами, которые] на деле нельзя осуществить без обращения к неэмпирической¹ бесконечности возможных предложений.

Переворот, который произвело в американской лингвистике появление трансформационной грамматики, представлял собой попытку уйти от указанных проблем путем коренного изменения основного подхода. Подобно тому, как структурализм начинал¹ в качестве фонологической теории, потому что традиционная лингвистика была слабее всего именно в области фонологии, так и трансформационная грамматика начала с синтаксиса —, слабого звена всей предшествующей лингвистической теории, раздела, к которому и структуралисты обратились в самую последнюю очередь и исследовали с наименьшим успехом. При этом трансформационная лингвистика естественно отвергла эмпирический подход, который соответствовал американской психологии бихевиоризма, характерной для лингвистов предшествующего периода. Лингвистика вовсе не должна ограничивать себя анализом эмпирически данного с помощью конструкторов, представляющих собой просто классы и сочетания реально встречающихся элементов. Например, в морфонологии устанавливаемы[^] для морфем основные формы вовсе не должны совпадать с какими-либо реально встречающимися формами. Этот прием у

был использован в предыдущий период некоторыми лингвистами^и, которые предпочитали подход «единица-и-процесс», и этот подход был в значительной степени инкорпорирован в новую теорию. Основное внимание обращается не на тексты как таковые, являющиеся первичным материалом, с которым лингвист сталкивается эмпирически, но на правила, которые способны произнести тексты. Такие правила частично предопределены; некоторые правила должны применяться раньше других, иначе могут появиться неприемлемые сочетания. Отсюда метафорический образ движения — диахрония — так сказать, включается в синхронию. Объектом изучения лингвистов и является этот механизм, способный с помощью конечного набора упорядоченных правил произвести бесконечное множество предложений. Для любого конкретного языка целью теоретических исследований является построение такого механизма, для которого свидетельством являются данные исполнения. Такой подход был назван порождающим (*генеративным*),

Еще одно важное отличие от периода структурализма — возрождение интереса к универсальным аспектам языка, пришедшее на смену внимания структуралистов к конкретным языкам, поскольку они обладают уникальной структурой. Каждый язык, действительно, уникален, но делать конечной целью просто тщательное описание каждой уникальной структуры и не пытаться одновременно найти общую основу, присутствующую^о во всех языках, значит лишать лингвистику возможности обобщения, которое является, по-видимому, целью любой научной Деятельности.

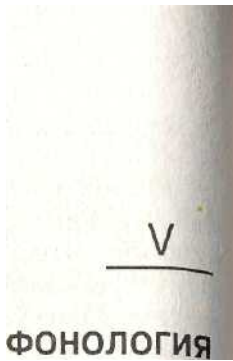
В этих и других отношениях порождающая трансформационная теория ближе к старой традиционной лингвистике, чем^к структурализму. В то же время структурализм внес огромный вклад в технику лингвистического анализа, что в принципе по^лучило признание и в значительной степени вошло в обиход Науки⁷-. Вместе с тем, трансформационная грамматика — это

Таким образом, та область трансформационной грамматики, которая задается структурой словосочетания, представляет собой по существу формализацию правил анализа по непосредственно составляющим, описанного выше, который была также включена процессуальная морфонология.

не просто более строго сформулированные положения старой, традиционной лингвистики. Она ставит определенные новые и в высшей степени амбициозные цели, одной из которых является стремление к эксплицитности. Грамматика языка должна содержать правила, способные породить все грамматические предложения языка, не производя при этом предложений неграмматических. Все традиционно рассматриваемые раздельно аспекты грамматики — фонология, семантика и синтаксис — охватываются общей системой правил, сформулированных в особой форме. Вероятно, наиболее характерным является тезис о том, что все обобщения, касающиеся языка, должны быть представлены в грамматике, причем выбор между возможными вариантами должен производиться на «принципиальной основе» — то есть на основе, которая может быть оправдана некоторым общим соображением, связанным с научным методом.

Утверждается, что пока ни один язык — даже английским который был изучен, казалось бы, достаточно полно — до сих пор не получил адекватного описания в соответствии с указанными стандартами. Данная трансформационная теория представляет интерес и ценность тем, что впервые в истории лингвистики она в полной мере признает огромную важность понятия объяснения в рамках описательной синхронической лингвистики. Для того чтобы это полностью осуществить, если это вообще осуществимо, вероятно, потребуются дальнейшие изменения в теории, причем весьма существенные; однако до сих пор генеративная трансформационная теория обнаруживала великолепную способность преодолевать трудности путем кардинального изменения формулировок. Последующие главы настоящей книги представляют собой молчаливое отрицание того, что какая-либо теория подобного рода вообще может быть *теорией языка*, ведь теория языка должна содержать все виды объяснений, которые являются теоретически существенными; например, упомянем лишь несколько — объяснения, касающиеся языковых изменений, отношения артикуляционного и перцептивного аппарата человека к общим признакам фонологических систем, объяснения культурных условий семантических изменений и социополитических условий дифференциации диалектов и языков.

В главе V на материале более ограниченной области фонологии мы проследим общее развитие лингвистической теории, которую описали выше. Рассмотрение фонологических проблем имеет еще и дополнительную цель — создать некоторую базу фактов для последующего обсуждения синхронических и диахронических обобщений, материал для которых черпается в основном из фонологии.

Звуки речи, как представляется, функционируют в виде упорядоченных последовательностей дискретных элементов, составленных из относительно небольшого числа различающихся между собой звуковых типов. Алфавитное письмо, с его ограниченным набором символов, является приблизительной репрезентацией таких линейных последовательностей звуков. Степени соответствия между звуками и письменными символами зависят от принятой системы орфографии. Согласно распространенному мнению, в по-настоящему рационально построенном алфавите отношение между звуками и письменными символами должно быть одно-однозначным: каждый отдельный звук должен быть представлен только одним письменным символом; и один символ должен обозначать только один звук. Как мы увидим ниже, в период, предшествовавший развитию современной структуральной лингвистики, невозможно было построить научную фонологию, используя в качестве основных единиц такие различающиеся звуки, которые можно было бы точно представить с помощью подобной идеальной орфографии. Более того, такой подход не соответствует членению, имплицитно присутствующему в традиционном алфавитном письме. Вместо этого, в структурной лингвистике возникло понятие фонологической единицы, фонемы, которое основывалось не на ее физической различимости, но отражало только те различия в звучании, которые выполняли определенную функцию в общей системе языка. Вместе с тем, мы увидим, что несмотря на явные достоинства благодаря которым до настоящего времени фонема, в той или иной форме, выступает как основная единица в большинстве фонологических работ, использование этого понятия, в сво

очередь, породило большие трудности, и преодоление этих трудностей требует подхода, который по крайней мере в некоторых отношениях был бы теоретически обновлен.

Хотя история фонетической науки до XIX века достаточно продолжительна, для нашего изложения существенны именно те события, которые произошли в ней в XIX веке. Что особенно важно, в течение этого периода сложилась общая система, основанная преимущественно на артикуляционных характеристиках, исходя из которых любой звук, встречающийся в любом языке, можно было определить с помощью ограниченного, в действительности совсем небольшого, числа параметров. Так, для согласных достаточно было указать одно или более мест в речевом тракте выше гортани, где возникало препятствие, а также тип сужения речевого тракта и характер сопровождающих это изменений в гортани. Например, чтобы определить первый звук в английском слове *boy*, следует указать место артикуляции (в данном случае *губно-губное*, поскольку работают обе губы), тип преграды (*полная смычка*) и сопровождающие это колебания голосовых связок (*голос*). Такое описание можно было сделать более кратким, используя достаточно стандартизованную терминологию, и определить начальный звук слова *boy* как *губно-губной звонкий взрывной*, в этом определении последовательно перечислены место образования, работа голосовых связок и тип преграды. В тех случаях, когда в надгортанных полостях возникают два места сужения, обычно большее препятствие рассматривается как основное, а другое как некоторая модификация. Так, звук [b] произносимый путем смыкания губ, при некоторых обстоятельствах может сопровождаться одновременным сближением передней части языка с твердым нёбом, что само по себе произвело бы звук [y]. Эта вторая артикуляция получила название *палатализация*, а звук в целом получил бы определение: *губно-губной звонкий палатализованный взрывной*. Гласные классифицировались в соответствии стремя основными координатами, которые отличались от координат согласных: высота подъема языка, положение самой высокой части языка спереди-сзади в горизонтальной плоскости и округление губ. Например, гласный в английском слове *beat* *бить* можно описать, для некоторых говорящих по крайней мере как *звук верхнего подъема переднего ряда неогубленный*. Здесь

также некоторые другие аспекты артикуляции рассматривайTM ся как вторичные видоизменения. Например, если задняя часть мягкого нёба — нёбная занавеска — опускается и воздух выходит также и через нос, гласный становится *назализованным*.

Таким образом, каждый звук получает, так сказать, статическое определение по совокупности положений органов речевого аппарата. Было признано, что неизбежно совершаются движения от одного, положения к другому, называемые *глайдами*, но считалось, что они обусловлены начальным и конечным положением органов и что обычно это звуки краткие и неслышные. Но для одного! класса звуков — для *дифтонгов*, — звучание которых целиком! обусловлено движением от положения, характерного для одного] гласного, к положению, характерному для другого гласного, был признан, что глайд является существенным компонентом. Трудности другого рода возникли в связи с такими признаками, как длительность и ударность; в отличие от признаков, описанных выше, их нельзя определить в изоляции, но только по отношению к другим появлениям звуков *n* речевом потоке. Долгий гласный в быстрой речи может реально быть более кратким, чем краткие гласный в неторопливой речи. Аналогичным образом гласный классифицируется как ударный в силу того факта, что он выделяется среди окружающих гласных, а не благодаря какому-то абсолютному качеству, независимому от положения гласного.

Сложившаяся система фонетического анализа была основана, таким образом, на понятии последовательного ряда звуков, каждый из которых характеризовался статически, исходя из конечного, хотя и нечетко определяемого набора координат, а также из некоторых понятий, связанных с отношениями звуков и их переходами.

Наряду с навыками такого анализа фонетисты в качестве обязательной части своего образования приобретали умение разрабатывать и записывать последовательности звуков языка. Методы фонетики были применены не только к относительно хорошо известным стандартным языкам, но были также использованы при составлении диалектологических атласов и для изучения языков, не имеющих письменности.

Общепринятым методом транскрипции был метод Международной фонетической ассоциации (МФА) либо тот или иной |

го вариант¹. Принцип этой транскрипции заключался в том, и-го каждый выделяемый звук должен быть представлен отдельным символом, и поэтому латинский алфавит пришлось пополнить за счет изобретения многих новых символов. Стремление представить каждый отдельный звук отдельным символом оказалось, однако, явно неосуществимым, и упомянутый выше анализ звуков с помощью координат был до известной степени включен в фонетический алфавит. Например, вместо того, чтобы обозначать каждый назализованный гласный независимым и нечленимым символом, такой «вторичный признак» как назализация стали указывать тильдой (~) над символом, обозначающим соответствующий неназализованный гласный.

Для фонетистов последней части XIX и начала XX веков применение подобных методов фонетического анализа и сопровождающей его транскрипции было с научной точки зрения явным шагом вперед. В этой системе нашел свое место каждый возможный звук речи, и исследователь, обученный этой системе, мог сделать точную и, значит, научно достоверную запись. С практической точки зрения, проблема создания подлинно фонетического и, следовательно, корректного буквенного письма для каждого языка на земле, казалось, в принципе была решена. Все, что требовалось, — это точно зафиксировать все звуки данного языка с помощью Международного фонетического алфавита или какого-нибудь его варианта, и идеал одно-однозначного соответствия между символами и звуками будет достигнут. И только человеческая инерция и незаинтересованность властей предрекающих оказались препятствием на пути к совершенной орфографии стандартных языков.

Вместе с тем обнаружились некоторые серьезные трудности. Развитие в последние десятилетия XIX века инструментальной фонетики показало, что если по-настоящему стремиться к точности, то даже самый натренированный фонетист не сможет осуществить адекватный анализ. Звуки, которые фонетисту кажутся одинаковыми, оказывались разными, когда их исследовали

История разработки методов транскрипции, связанных с Международной фонетической ассоциацией, обсуждается в книге: Albright R. W. The International Phonetic Alphabet: Its Background and Development. Baltimore: Waverly Press, 1958.

лабораторными фонетическими методами. По существу, стало очевидно, что «даже одно и то же слово», произнесенное одним и тем же говорящим при разных обстоятельствах, при каждом воспроизведении всегда является физически несколько иным.

Хотя эти факты могли быть, и позднее действительно были с целью критики использованы структуралистами — противниками чисто фонетического подхода, обнаружались и другие, еще более настоятельные проблемы, решение которых не могло быть достигнуто с помощью большей точности транскрипции, даже там, где трудности были связаны с различиями, воспринимаемыми без помощи фонетической аппаратуры.

Научная фонетика действительно была шагом вперед по сравнению с предшествующими наивными транскрипциями неподготовленных людей, которые просто записывали то, что они слышали, исходя из звуковых различий своих собственных языков. При таких методах естественно получались недостоверные записи. Звуковые системы всех языков, которые фиксировались необученными наблюдателями — носителями английского языка, оказывались приблизительно сходными, тогда как один и тот же язык в записях неподготовленного англичанина и неподготовленного француза выглядел совершенно по-разному. Подобная тенденциозность была преодолена, — по крайней мере, в принципе — с помощью новых методов научной фонетики. Любой фонетист, независимо от того, каким был его родной язык, должен был с помощью этих методов получить сходное, объективно проверяемое описание звуков изучаемого языка.

Но за это пришлось заплатить определенную цену. Фонетисты создавали все более и более детализированные записи, но эти записи почему-то не соответствовали реакции носителей языка относительно того, что является лингвистически существенным, а также не соответствовали интуитивным представлениям, лежащим в основе самого буквенного письма.

Так, например, фонетисты заметили, что то, что обычный носитель английского языка считает одним и тем же звуком *k* имеет фонетически различающиеся формы, которые в точной фонетической транскрипции должны были бы записываться гЮ' разному. Так, после звука [к] в слове *kin* 'родственник', слышиТ' ся выдох воздуха, называемый *аспирацией*, и его следовало бы

коцетически транскрибировать как [k^ç], тогда как *k* в *skill* 'ма-е_рство' не имеет такой аспирации, и его нужно обозначить как |к| Конечный звук в слове *paek* 'пачка' вообще не имеет при произнесении никакого слышимого отступа, и его надо записать как [к̄] и т. д.

Существуют, следовательно, такие звуковые различия, которое легко и достоверно распознают опытные фонетисты, но которые обычно игнорируют или даже вообще не слышат носители языка, потому что эти различия кажутся им так или иначе несущественными. С другой стороны, имеются различия иного рода — они последовательно фиксируются на письме и кажутся говорящим действительно важными, — например, различие между фонетическими вариантами *k*, с одной стороны, и фонетическими вариантами / — с другой. И объяснением здесь не может служить просто то, что некоторые различия менее значительны сточки зрения физики, и поэтому им не придают значения. Различие между упомянутыми выше двумя формами английского *k* — с придыханием и без придыхания — говорящими на других языках, например, на хинди, было бы воспринято как различие значимое, и оно действительно находит отражение в их письме.

Для того, чтобы установить, что отношение между [k^ç] и [к] в английском языке и хинди различно, несмотря на то, что данные звуки в этих двух языках с фонетической точки зрения практически тождественны, вовсе не нужно привлекать суждения носителей языка. Нетрудно увидеть, что в основе различия в психологической реакции говорящих лежит следующее явление: там, где, как в хинди, [к] и [к^ç] рассматриваются говорящими как разные звуки, они используются для различения значений; там, где, как в английском, говорящие рассматривают их как один и тот же звук, они для различения значений не служат. Простейший способ продемонстрировать, что дело °бстоит именно так, — указать, что в хинди существуют случаи Та к называемых *минимальных пар* — то есть таких двух форм ° Разными значениями, которые будучи одинаковыми во всем °с тальном, различаются фонетически только за счет различия Указанных звуков. Так, в хинди [k^çi-l] означает 'подсушенное °3е Рно', тогда как [ki-l] значит 'гвоздь'. В английском же языке °Добные примеры найти невозможно.

Очевидно, таким образом, что существуют два уровня анализа. Один уровень — фонетический, уровень реальных звуков? В этом смысле, языки могут совпадать в том, что в них встречаются! ся некоторые сходные звуки, но различаться тем, как эти сходный звуки в них функционально используются. Там, где физически различные звуки не служат для различения форм с разным значением, на более высоком уровне их можно считать членами одной и той же единицы. Этот более высокий уровень получил название *фонематического*, а его единицы были названы *фонемами*. Так, и в хинди, и в английском языке звуки [к] и [к^с] существуют на фонетическом уровне; однако в английском языке имеется одна фонема /к/, под которую подводятся все случаи появления звуков [к], [к^с], [к^н] и еще ряда других, в то время как в хинди имеются две самостоятельные фонемы /к/ и /к^с/.

В 1920-1930-е годы XX века теория двух уровней анализа — более низкого, физического и более высокого, функционального — быстро получила распространение и легла в основу новой структуральной лингвистики. Помимо того, что она показала путь выхода из тупика, о котором говорилось выше, она хорошо согласовывалась с возникшими в то время структурально-функциональными направлениями в антропологии и гештальт-психологии. На этой стадии казалось естественным рассматривать фонему и функционально — как единицу, различающую значения, и с позиций ментализма, как единицу психологическую. Считалось, например, что для говорящих по-английски, несмотря на очевидные фонетические различия, фонема /к/, по-видимому, функционирует в сознании как единый элемент и что он обладает психологической реальностью.

В американской лингвистике, однако, понятие фонемы как психологической единицы, выполняющей функцию семантической дифференциации, по мере роста влияния бихевиоризма пришло в противоречие с широко распространенными интеллектуальными тенденциями. Понятие психологической единицы ясно имело привкус ментализма, а семантика совершенно очевидно предполагала функционирование высших мыслительных процессов. С точки зрения американских лингвистов, гораздо разумнее было бы, сохраняя различие между фонетическим и фонематическим уровнями, определить фонему с помощью логической

обработки наблюдаемых явлений — а именно звуков, не прибегая к значению или к психологическим реакциям говорящих.

Однако и такой подход также столкнулся с трудностями. Если сформулировать его суть просто, она состоит в следующем: два звука считаются принадлежащими одной фонеме, если в языке нельзя найти ни одной образуемой ими минимальной пары, т. е. эти звуки относятся к разным фонемам, если в языке можно обнаружить хотя бы одну такую минимальную пару. Вместе с тем, имеются случаи, в частности если звуки характеризуются относительно малой частотностью и встречаются в слове в разных позициях, когда найти минимальное противопоставление очень трудно, даже невозможно. И тем не менее, та же самая интуиция говорящих, на которую мы опирались, делая вывод о том, что между [к^с] и [к] нет фонематического различия, столь же уверенно говорит нам, что английский звук [z], например, в *azure* 'лазурь' фонематически отличен от конечного [л] в *sing* 'петь', несмотря на то, что минимальной пары для них найти нельзя. И еще — как определить, в какой момент можно отказаться от поиска минимальных пар?

Дистрибутивный подход, получивший распространение в США главным образом в 1940-е и 1950-е годы, был, как казалось, одновременно и объективным и строгим в том смысле, что не привлекал различия в значении и предлагал решение проблем, возникавших при обращении исследователей к функции различения семантики.

Вернемся снова к примеру с вариантами английской фонемы /к/. Если бы нам пришлось составлять перечень примеров встречаемости непридыхательного [к], мы вскоре обнаружили бы, что с фонетической точки зрения они не являются случайными, о каждом случае звуку [к] предшествует в том же слове [s], а за ним следует гласный, — например, *skin* 'кожа', *ski* 'лыжа', *scare* 'пугать', *scold* 'ругать' и т. п. В случаях с сильно аспирированным [к] мы видим, что [s] не предшествует ему в том же слове и что последующий гласный является ударным, — например, *can* 'банка', *cold* 'холодный', *caper* 'прыжок'. Сходным образом все другие варианты фонемы /к/, как можно видеть, встречаются только при определенных условиях, и эти условия можно определить исходя из окружающих звуков. Эту процедуру можно представить

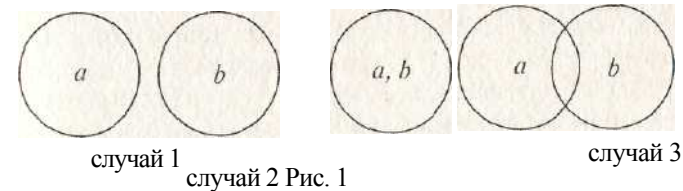
в обобщенном виде, используя следующие понятия. Назовем остальную часть последовательности, в которой встречается тот или иной звук, его *окружением*: так, в *skin* [skin] окружением [!<] является [s_in]. Тогда правило относительно встречаемости [ʃ] приведенное выше, можно сформулировать исходя из общих характеристик всех таких окружений. Вариант [к] встречается только в окружениях типа [s_V...], где V обозначает любой гласный. Если мы сформулируем исходя из окружения также и правило появления аспирированной формы [к^с], мы увидим, что [к^с] исключает случаи [s_V.~] и что окружения [к^с] и [к] являются, следовательно, взаимоисключающими. Когда полные наборы окружений (называемые *дистрибуцией*) для двух звуков являются взаимоисключающими, звуки не могут быть друг другу противопоставлены. Минимальное противопоставление, подобное тому, что было приведено для хинди [kiilj] и [k^сiil], основано на том, что звуки встречаются хотя бы в одном тождественном окружении (в данном случае [Jil]).

Очевидно, что если возможно охарактеризовать дистрибуцию каждого из варьирующихся звуков с помощью простых правил подобного рода, показывающих взаимоисключающий характер их окружений, то из этого следует, что данные звуки могут вступать в противопоставление только в нарушение сформулированных нами правил. Значит, теперь у нас есть основание для уверенности, что в английском языке мы не встретим ни одного случая минимального противопоставления для [к^сj] и [к]. С другой стороны, для [z] и [r], даже если мы реально не нашли ни одной минимальной пары, невозможно сформулировать достаточно простое правило, которое указывало бы нам, для того или иного окружения, какой именно из двух звуков нам следует ожидать, и поэтому мы вправе заключить, что отсутствие примера противопоставления этих звуков является в целом случайным и что оно обусловлено в первую очередь статистически — редкой встречаемостью этих двух звуков. А значит, мы бы не удивились, если бы такой пример был найден, поскольку это не было бы нарушением какого-либо уже сформулированного правила.

Понятие *дистрибуции* как общей совокупности всех окружений используется при решении других сложных случаев, возникающих, правда, не столь часто, как ситуация с дополнительно»'

дистрибуцией. Случается иногда, что два заметно разных звука могут встречаться в варьирующихся формах одного и того же сло 1Ш, не вызывая никакого различия в значении. Так, в слове *put* 'класть' конечное *t* может произноситься либо без эксплозии как [t̄], либо с эксплозией и придыханием как [t^с]. Чаще всего варьирование происходит в одном классе окружений (*конец слова*), но это не обязательно. Если случай не является изолированным, — а наш пример не такой — иногда возможно сформулировать правило следующего типа: там, где в конце слова обнаруживается форма ft"], там всегда можно встретить и форму [t^с 3, и наоборот. Эту ситуацию, известную как *свободное варьирование*, можно также описать исходя из окружения, в данном случае тождественного, поскольку [t̄] и [t^с] всегда могут заменять друг друга, по крайней мере, в ограниченном наборе окружений в конце слова.

Если обозначить классы окружений с помощью кругов Венна*, можно увидеть, что при этом объяснение получают три логически возможных случая. Если *a* и *b* представляют дистрибуцию двух разных звуков, тогда на рисунке 1 случай 1 характеризует дополнительную дистрибуцию (взаимоисключающая дистрибуция). Случай 2 представляет свободное варьирование (тождественная дистрибуция), и случай 3 — это противопоставление, когда общей является только часть дистрибуции (минимальные пары).

Таким образом, нам, по-видимому, удалось представить фонему как состоящую из некоторых членов — звуков (аллофонов),

* *Вены Джон* (1834-1923) — английский логик, профессор Кембриджского Университета, создавший особую систему символических обозначений. — *Ярим, перее.*

между которыми существуют определенные отношения дистрибуции. Там, где два звука находятся в отношении либо дополнительной дистрибуции, основанной на легко формулируемых правилах, либо в свободном варьировании, они принадлежат одной фонеме; во всех других случаях они принадлежат разным фонемам.

При таком дистрибутивном подходе не только нет явного обращения к значению, поскольку дистрибуция определяется, исходя исключительно из соседних звуков, но несущественной оказывается даже конкретная природа звуков. Например, даже если бы все звуки были обозначены цифрами, то и тогда можно было бы сформулировать правила дополнительной дистрибуции звуков [к] и [к^с]: например, фонемы (физически различимые звуковые типы) 17 и 18 имеют взаимоисключающие дистрибуции, потому что в каждом окружении 17 [к] ему непосредственно предшествует 4 [sj], тогда как в окружении 18 [к^с] это никогда не наблюдается. Очевидно, что все, что нам нужно знать о звуках, — это одинаковы ли они или различны. Этот аспект процедуры можно охарактеризовать как *абстрагирование от фонологического содержания*.

При всей кажущейся привлекательности чисто дистрибутивного подхода, который мы только что описали, нетрудно показать его неадекватность. Можно продемонстрировать недостатки в определении процедуры либо из-за чисто логической внутренней непоследовательности, либо из-за того, что при применении данной методики получаются результаты, которые явно не согласуются с понятием, как оно трактовалось до того, как получило определение, — иначе говоря, то, что мы определяем, уже больше не является тем, что мы намеревались определить! первоначально. В рассматриваемом нами случае, как можно показать, определение неудачно и в том, и в другом отношении *A* и в отношении логической последовательности, и в отношении достоверности. Возьмем утверждение о том, что два фона являются членами одной и той же фонемы, если они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. В случае 1 на рисунке 1 это означает, что дистрибуция фонем взаимоисключающая. Но если *a* и *b* принадлежат одной фонеме, и если *o* находится в дополнительной дистрибуции с каким-либо третьим*

фоном *c*, тогда в соответствии с тем же самым определением *L* и *c* также принадлежат одной фонеме. Элементарная логика предполагает, разумеется, что членство в определенном классе является транзитивным, а это значит, что если *a* и *b* принадлежат к одному классу и *b* и *c* принадлежат к одному классу, то *a* и *c* должны также принадлежать к тому же классу^{2*}. Не составит, однако, труда построить диаграмму (см., например, рис. 2), которая покажет несостоятельность упомянутого положения о транзитивности — иными словами, *a* может быть в дополнительной дистрибуции с *b*, *b* находится в дополнительной дистрибуции с *c*, но тем не менее *a* не находится в отношении дополнительной дистрибуции с *c*. И следовательно, эти два фона представляют случай 3 на рисунке 1, то есть принадлежат двум разным фонемам.

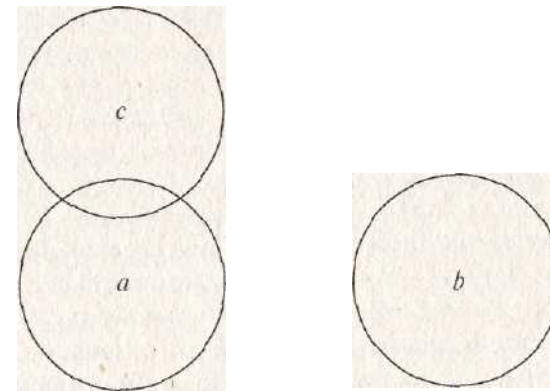

Рис.2

Можно привести реальные примеры, иллюстрирующие данную дилемму. Правило, согласно которому непридыхательное [к]^b в английском языке встречается тогда, когда ему предшествует [s]^н за ним следует гласный, а придыхательное [к^с] в этом классе

Требование транзитивности выдвигается на основе допущения, согласно которому в любой теории такого рода,] любым фонетический сегмент может принадлежать только одной фонеме.

окружений не встречается, полностью соответствует дистрибуции других английских глухих взрывных /p/ и /g/. Так, [k], [p] и [t] все одинаково находятся в дополнительной дистрибуции с соответствующими придыхательными согласными [k^h], [p^h] и [t^h]. Таким образом, можно было бы утверждать, как и раньше, что звук [k] принадлежит той же самой фонеме, что [k^h] потому что он находится с ним в дополнительной дистрибуции но мы с таким же правом могли бы утверждать, что [k] должен принадлежать той же фонеме, что и [p^h], поскольку [k] и [p^h] тоже находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Отсюда следовало бы, что [p^h] и [k^h] принадлежат одной фонеме, однако в связи с тем, что они в действительности явно образуют противопоставление, они должны принадлежать разным фонемам.

Часто обсуждаемый случай [h] и [o] в английском языке свидетельствует, что даже там, где дополнительная дистрибуция не приводит к логическим трудностям, она иногда приводит к недостоверным результатам, которые не соответствуют досистемным представлениям о том, что понимается под фонемой как функциональной единицей звуковой системы языка. Поскольку [h] встречается только в позиции начала слога, а [o] (звук *-ng* в *hang* 'висеть') только в конце слога, они характеризуются отношением дополнительной дистрибуции. Тем не менее, признание их вариантами одной фонематической единицы противоречит интуиции и говорящих, и лингвистов, и, по правде говоря, такого вывода обычно старались избегать. В свете обоих их рассмотренных примеров становится очевидно, что нельзя абстрагироваться от фонической субстанции. В соответствии с американской фонематической теорией эту проблему решали в большинстве случаев, добавляя к дистрибутивным критериям требование фонетического сходства. Два фона могут, следовательно, считаться членами одной фонемы, если они находятся в отношении дополнительной дистрибуции или свободного варьирования и если они фонетически сходны. Так, признавалось, что [h] и [p] слишком различны, чтобы быть членами одной фонемы, и одновременно [t] объединялся с [t^h], а не с [k^h], хотя он находится в дополнительной дистрибуции с обоими

] звуками, потому что он более сходен с [t^h], чем с [k^h].

Определения, исходящие из фонетического сходства, так же страдают расплывчатостью. Сходство использовалось и как понятие абсолютное, и как понятие относительное. Например, в случаях, подобных [h] и [p], — насколько сходными должны быть звуки, чтобы их можно было признать членами одной фонемы? И на каком основании строится утверждение, что звук [t^h] больше похож на [t], чем на [k]?

Между тем, в Европе, главным образом в трудах лингвистов так называемой Пражской школы, наметилось решение этой проблемы, которое представлялось гораздо более удовлетворительным. В соответствии в целом с координатами фонетики XIX века, конкретный фон может быть точно определен с помощью конечного набора его фонетических признаков. Можно поэтому было требовать, чтобы при общем решении вопроса выполнялось одно условие, а именно чтобы все фонемы, приписываемые одной фонеме, обладали одним и тем же набором признаков, который является уникальным, — иначе говоря, отличается хотя бы одним признаком от общего набора признаков любой другой фонемы.

Попробуем применить этот принцип к решению рассмотренных выше двух проблем. Единственным общим признаком для [h] и [p] является их консонантность — оба они согласные, но этот признак присущ всем согласным звукам английского языка. Поэтому, если признать, что [h] и [p] принадлежат одной фонеме, то это, в соответствии с указанным принципом, повлечет за собой абсурдный вывод о том, что в английском языке существует только одна согласная фонема. Такой вывод можно опровергнуть формально, в пределах данной методики, указав на многочисленные пары английских согласных, которые образуют минимальные противопоставления. Следовательно, [h] и [p] — самостоятельные фонемы.

Во втором случае, если мы объединим звук [t] с [t^h] и другими фонемами, которые обычно признаются членами английской фонемы /t/, а затем сделаем то же самое с [p] и [p^h] и т. д. [k] и [k^h] и т. д., что отвечает решению, принимаемому на основе интуиции, тогда каждая из фонем /t/, /p/ и /k/ оказывается обладательницей уникального набора общих признаков: г) Для /t/ глухость, альвеолярность (по месту образования),

взрывность и неназальность; (2) для /р/ глухость, губно-губное место артикуляции, взрывность и неназальность и (3) *ддЛ* /к/ глухость, заднеязычность по месту артикуляции, взрывность и неназальность. Если мы объединим, скажем, [t^c] с [к], общими признаками у них оказываются только глухость, взрывная артикуляция и неназальность. Этот набор признаков не будет уникальным, потому что он присущ также [t], [k^cj], [p] и [p^c]. И снова к напрашивающемуся абсурдному заключению о том, что в английском языке имеется только одна глухая взрывная неназальная фонема, которая включала бы все варианты /j, t и к, нам мешает прийти наличие в пределах этого ряда фонем известного количества минимальных противопоставлений.

Помимо того, что подход, предлагаемый Пражской школой, позволял решать подобные проблемы, он имел еще ряд других преимуществ. Поскольку все фонемы, приписываемые одной фонеме, имеют определенное число общих признаков и сам ряд этих фонем уникален, — это и определяет данную фонему. Так, фонема /t/ в английском языке определяется такими признаками, как альвеолярность, глухость, неназальность, взрывность. Однако поскольку те же признаки встречаются и у других фонем, но в других сочетаниях, совокупность фонем можно представить как глобальную структуру, в которой взаимосвязи фонем определяются с помощью их признаков. В отличие от чисто дис-трибутивного подхода, при котором не учитывается фоническое содержание, использование признаков позволяет найти каждой конкретной фонеме место в этой общей структуре и получить подтверждение интуитивному представлению о том, что, например, английская фонема /t/ так или иначе ближе к фонеме /d/, чем к /гл/, и что отношение /г/ к /д/ аналогично отношению фонемы /к/ к /д/. Первое следует из того факта, что фонема Д/ отличается от /д/ только одним признаком — глухостью, тогда как от фонемы /т/ она отличается еще и другими признаками¹ альвеолярностью (в отличие от биллабиальности), неназальностью⁰ и взрывностью (в отличие от назальности). Аналогичный характер отношения $t : г = к : д$ вытекает из того, что обе пары фонем¹⁴ различаются абсолютно одинаковым образом — первый член пропорции глухой, а второй — звонкий, тогда как все остальные^е

Таблица 1

	Глухие взрывные	Звонкие взрывные	Звонкие носовые
Губно-губные	p t	b	m
дльвеолярные	k	d	n ɲ
Заднеязычные		g	

признаки каждой пары совпадают. В таблице 1 приведена эта часть системы согласных английского языка:

Те фонетические признаки, которые в какой-либо конкретной системе являются частью определений фонем, называются различительными признаками в пределах этой системы. Каждый язык использует только некоторые из фонетически возможных источников противопоставлений, и это, как представляется, создает достаточную основу для сравнения звуковых систем разных языков. Так, интуитивно ощущаемое различие между хинди и английским языком в отношении к аспирации можно кратко выразить следующим образом: аспирация является различительным признаком в системе хинди, но в английской системе она/таковыми не является.

Таким образом, фонологическая теория Пражской школы предложила способ преодоления основных трудностей, возникающих при фонетическом анализе, а также разработала метод выявления структуры звуковых систем конкретных языков и одновременно сравнения звуковых систем разных языков. Эта теория произвела глубокое впечатление на лингвистов и получила Широкую поддержку в Европе, а со временем и в США. Тем не менее, остались серьезные проблемы, которые сконцентрировались, так сказать, на самом низком и на самом высоком уровнях Рализа, — а именно: что составляет фонетическую основу при-**р**Наков и каково отношение сегментных фонологических единиц^к Грамматическим структурам более высокого уровня?

В своей классической форме фонологическая теория праж-^ев опиралась на артикуляторную фонетику, которая была од-^иМ из крупнейших достижений лингвистики XIX века. Однако^{та} часть теории, хотя она и явилась большим шагом вперед, Скольку создала общую сетку координат, преимущественно

артикуляционных, в пределах которой с помощью ограниченного количества координат все возможные звуки человеческой речи находили свое место, была тем не менее либо неполной либо неточной в ряде важных отношений. Несмотря на попытку, предпринимавшиеся время от времени в этом направлении, ей так и не удалось создать по-настоящему упорядоченную и точную терминологию. Более того, число основных признаков, необходимых для исчерпывающего определения всех звуков так и не было точно установлено и оказалось весьма большим. В частности оставалась дихотомия гласных и согласных, причем за теми и за другими сохранялся свой практически особый круг терминов, что, как представляется, свидетельствует о расточительности и неупорядоченности и противоречит системному подходу. Вместе с тем, существуют фонетические свойства, которые пересекают границу между гласными и согласными, и некоторые из них получили отражение в современной терминологии, хотя и непоследовательное, — например, назальность у согласных* и назализация у гласных. Одним из результатов стремительного прогресса в развитии акустических исследований после Второй мировой войны было выявление и некоторых других признаков^ такого рода. Более того, уже давно стало ясно, что граница между гласными и согласными не является абсолютной, что, например, некоторые согласные, в частности плавные звуки (z и /) имеют с гласными больше сходства, чем другие согласные. Бинарная теория, созданная Романом Якобсоном и его коллегами, используя акустические данные наряду с данными артикуляционными, позволила осуществить значительное упрощение и сгустить все звуковые различия к двенадцати бинарным признакам, которые могут присутствовать или отсутствовать^{3*}.

Одним из фундаментальных вопросов, на который традиционная фонетика не всегда давала четкий ответ, был вопрос о воз-

■ Имеются в виду так называемые ингерентные, внутренне присущие знаки. Существуют также реляционные признаки ударения, долготы и основного тона. Изложение бинарной теории см. в работе: Jakobson Font C. Gunnar M., Halle Morris. Preliminaries to Speccli Analysis. Technical Report № 13. January 1952. Cambridge, Mass.: Acoustics Laboratory, M.I.T., 1952. (Рус. пер. Якобсон Р., Фант Г. М. и Холле М. Введение в анализ речи // Новое в Вып. 11. М.: ИЛ, 1962. —Прим. перед.)

^ обоснованного, не произвольного членения речевого потока на звуковые сегменты. В частности, некоторые достаточно распространенные классы звуков особенно часто допускают толкование либо как последовательности из двух сегментов, либо как единые сегменты. К числу таких звуков относятся дифтонги; поскольку они представляют собой глайды, звуки скольжения от позиции для одного гласного к положению, характерному для другого гласного, их можно трактовать как единые сегменты, произносимые единым артикуляционным движением, а можно — как сложные сущности, как последовательности начальной и конечной позиций, а глайд между ними выступает тогда как неизбежное и предсказуемое сопровождение. Другим примером, анализ которого сталкивается с аналогичными трудностями, могут служить глухие придыхательные взрывные. В этом случае воздух, скопившийся во время смычки при произнесении взрывного звука, может быть выпущен в виде слышимого выдоха ощутимо раньше начала экскурсии последующего звонкого гласного. Возникшее при этом придыхание можно, таким образом, рассматривать либо как один из аспектов образования взрывного звука, и тогда придыхательный взрывной — это единый сегмент, либо как основу отдельного слышимого отступа, и тогда это второй элемент, который следует за первым взрывным.

Рассматриваемая проблема действительно является фундаментальной, потому что приписывание фонетических признаков каждому сегменту представляет собой в данном типе фонематического анализа необходимое предварительное условие, а возможность осуществить это, в свою очередь, предполагает четкое членение речевого континуума на сегменты.

И снова ответы на поставленные вопросы предложила бинарная теория, выдвинув в качестве основания для выбора того или иного варианта окончательного решения соображения экономии, исходящие из сравнения языков. Следует, конечно, учитывать, что при этом может возникнуть опасность: выбранный таким образом вариант решения будет противоречить варианту, в других отношениях более предпочтительному для того или иного конкретного языка, или же вступит в противоречие с обобщением, выведенным на основе сравнения языков и вполне достоверным в других отношениях.

Еще одним источником трудностей, изначально присущим традиционной артикуляторной фонетике, является то, что можно охарактеризовать как ее статическую позиционную природу. Каждый сегмент получает определение исходя из места и типа сужения речевых органов. Так, звук *t* определяется как глухой неназальный альвеолярный взрывной, что можно перевести в следующее описание: при произнесении звука /*t*/ наблюдается полная смычка с мгновенным размыканием (*взрывность*) языка с бугорками альвеол (*альвеолярность*), нёбная занавеска приподнята и закрывает проход воздуха через носовой резонатор (*неназальность*), а голосовая щель остается открытой (*глухость*). Звуки скольжения от одной позиции к другой (*глайды*) считаются предсказуемыми, краткими и не имеющими сколько-нибудь заметного акустического эффекта. По мере развития акустической фонетики подобные допущения стали подвергаться сомнению⁴). Более того, если рассматривать сегменты статически и изолированно друг от друга, отношения между ними в речевой цепи невозможно приписать тому или иному сегменту как внутренне присущие, и они с трудом интегрируются теорией. Например, если звук [i] рассматривать статически, он представляет собой звук верхнего подъема, переднего ряда, неогубленный, звонкий, произносимый без слышимого трения и потому традиционно относимый к гласным. Выделяясь по той или иной причине относительно окружающих звуков, [i] выступает как вершина слога;] при таких обстоятельствах он обычно признается гласным и приписывается фонеме, изображаемой как /i/. В тех случаях, когда звук [i] произносится слабее, чем окружающие звуки, даже если со статической точки зрения он образуется абсолютно тождественно, [ij] может оказаться уже не центром слога, а периферией, подобно начальному звуку английского слова *yard* 'двор'. Функция в слоге, следовательно, так же как высота тона, ударение, долгота и некоторые другие признаки, связаны с отношениями между различными членами одной речевой непрерывности.

⁴ Наиболее важным из этих результатов является наблюдение о том, что существенную роль при определении места образования взрывных согласных играет характер перехода от такого согласного к последующей гласной от предыдущей гласной к взрывному звуку.

Правила, регулирующие появление таких признаков, связанных с отношениями звуков в речевой цепи, часто требуют «привлечения» более крупных единиц, определяемых грамматически, — таких как слово, часть предложения, предложение. В частности, в пражской фонологии слово без каких-либо колебаний принималось за исходную точку при формулировании фонологических правил. Так, для такого языка, как чешский, где согласно традиционной терминологии каждое слово имеет ударение на первом слоге, представители Пражской школы сочли бы ударение предсказуемым и потому нефонематическим. Правило, определяющее появление ударения, можно было сформулировать, только если уже были известны границы между словами. Однако сами эти границы слов не были отмечены какими-либо конкретными фонетическими характеристиками, кроме того самого ударения на первом слоге слов. Таким образом, в Пражской школе границы между словами были приняты как нечто само собой разумеющееся, как установленные, по-видимому, в результате грамматического исследования.

В США была предпринята попытка подойти к решению подобных проблем с помощью понятия пограничных сигналов (*junctions*), которые сами могут быть фонологическими единицами, служащими в качестве обуславливающих факторов для действия правил, связанных с реляционными признаками, распределенными на протяжении слов и других более крупных грамматически релевантных единиц. Эти пограничные сигналы примечательны тем, что у них отсутствуют какие-либо изначально присущие им фонетические признаки и что они обнаруживают себя только как факторы, обуславливающие другие фонемы. Выделение пограничных сигналов вполне оправданно исходя из понятия экономии. Например, если бы в чешском языке не были выделены фонемы стыка, указывающие границы слов, ударение пришлось бы признать фонематическим, а число гласных фонем удвоилось бы, потому что каждой безударной гласной теперь соответствовала бы ударная гласная фонема. Обращение к принципу экономии, однако, говорит нам просто, что то или иное решение является желательным с научной точки зрения. Мы все равно нуждаемся в единицах, не имеющих никаких фонетических признаков, постулирование которых было первоначально мотив-

вировано ссылкой на сегменты, определяемые грамматически а не фонологически.

Еще одна регулярно повторяющаяся ситуация — это ситуация, когда сложный и с фонетической точки зрения достаточно произвольный фонематический анализ кажется привлекательным исследователю какого-то конкретного языка, исходя из морфофонематических соображений, носящих в основном грамматический характер. Глисон приводит одну из форм языка суахили, в которой имеется сегмент /з/ (звонкий губно-губной фрикативный), являющийся статистически редким звуком³. Он встречается именно в тех местах, где, исходя из грамматических соображений, следовало бы ожидать последовательность *bw*. В суахили существует суффиксальный формант пассивной формы глагола *-w-*, например, *kat-a* 'резать', *kat-w-a* 'быть разрезанным'. Однако пассивная форма глагола *iba* 'красть' имеет вид не **ib-w-a*, как можно было бы ожидать, а *ifa*⁶. Фонетический сегмент /з/ рассматривается, таким образом, как представляющий последовательность фонем /bw/. В пользу такого толкования говорят соображения экономии, которые обычно оказывались решающими при анализе конкретных языков. Приняв такое решение, мы сокращаем количество фонем языка на одну единицу — /щ/ и одновременно упрощаем формулировку правил, связанных с образованием пассива в суахили. Цена, которую приходится за это заплатить, — необходимость введения дополнительного правила, относящегося к аллофонам, — представляется особенно незначительной тем, для кого аллофоны не являются даже принадлежностью языка как такового, носкорее принадлежат речи — *parole*. Однако при этом обнаруживается дополнительное теоретическое осложнение: если такие решения будут приниматься — а на практике они уже принимаются — мы снова используем при¹,-решении фонологических, проблем грамматические аргументы и лишаем себя возможности определить каждую фонему с помощью только набора существенных признаков. В приведенной

* Пример рассматривается в книге: *Geason Henry A. Jr. An Introduction to Descriptive Linguistics*, rev. ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961. P. 284. (В рУ-пер., сделанном с издания 1956 года, этот пример отсутствует. — Прим. перев.)¹ Звездочка указывает на гипотетический характер формы.

рьше примере из языка суахили все другие аллофоны /з/ были рзрывными, и этот признак отличал *b* от *w*. Но если [з] представляет /bw/, тогда самое большее, что можно здесь сказать, это что шелевая преграда звука /з/ является чем-то средним между рзрывностью других случаев появления фонемы /б/ и бесшумной преградой других появлений фонемы /w/.

Такая ситуация сложилась потому, что прежняя последовательность, которая фонетически представляла собой [bw], изменилась в /з/, которое, учитывая, что изменение произошло недавно, сохранило дистрибутивные характеристики прежней последовательности [bw]. Трактовать /з/ как /bw/, значит признавать, что язык изменился только фонетически. Если же отказаться от такой трактовки, тогда нужно сделать вывод, что изменение носит 'структурный' характер, и что в результате этого в языке появилась новая фонема /р/. По сути дела, реально лишь само изменение.

Это выдвигает на передний план еще одну принципиально важную проблему. Фонематическая теория обычно предполагает, как мы видели, использование аргументов двоякого рода: функциональных (дистрибутивных) и материальных (фонетических). Функциональные отношения между сходными звуками, которые обычно рассматриваются как аллофоны одной фонемы самими говорящими на данном языке и определяются как аллофоны о помощью наиболее широко принятых методов фонематического анализа, это, как правило, те отношения, которые являются результатом некоторых типов регулярных звуковых изменений, как исторических процессов. Возьмем пример необусловленного звукового изменения, при котором во всех случаях своего появления звук *x* заменяется другим звуком — *y*. Такая замена, подобно замене звука / / звуком *d* в некоторых языках, не происходит, как Мы это уже видели, мгновенно. Для многих говорящих старые Формы существуют бок о бок с новыми формами на *d* везде, где "Бло прежнее / . В таких случаях каждому значимому элементу (например, морфеме), который имеет /, например, *tan* 'прясть', оответствует чередующаяся с ним форма с *d*, например, *dan*. Говорящий употребляет без какой-либо видимой регулярности то °Дну, то другую из таких форм — явление, которое мы назвали °ободным варьированием.

Ясно, что в этот момент времени окружения звуков *t* и *й* с точки зрения дистрибутивной, совпадают и их варьирование не служит для того, чтобы отличать одно сообщение от другого! Поэтому с функциональных позиций самое большее, что можно утверждать, это что свободные варианты являются аллофонами одной фонемы. Вместе с тем, возможность признать эти свободные варианты членами одной фонемы, если мы требуем, чтобы все аллофоны одной фонемы имели общие фонетические признаки, зависит от характера исторического изменения. Как правило, оно бывает таким, что более старые и более новые звуки являются фонетически сходными и обычно имеют сходные фонетические признаки. Но это возможно далеко не всегда. И тогда возникает проблема: как одновременно «и сохранить функциональный пирог», и «съесть его», — иными словами, как одновременно сохранить и функциональный подход, и требование общности фонетических признаков аллофонов? Например, в языках достаточно часто встречается изменение¹, однако фонетически эти звуки настолько непохожи, что вряд ли обнаруженные у них общие признаки будут присущи только им. Но такое изменение широко подтверждается историческими свидетельствами, и неудивительно, например, что в некоторых формах испанского языка Карибского региона¹ и Л² в некоторых окружениях в настоящее время находятся в свободном варьировании. В таких случаях сохранить функциональный пирог, вероятно, более предпочтительно, поскольку отказ признать *s* и // членами одной фонемы мотивирован единственно лишь желанием спасти догму, от которой, по причинам, изложенным выше, все равно придется отказаться!

Из этой части нашего обсуждения мы делаем вывод, что фонология не является абсолютно автономной частью лингвистического описания и что попытка установить набор дискретных фонематических единиц, исходя из общих фонетических признаков и отсутствия противопоставления, вряд ли может увенчаться успехом. А значит принципиально необходимым шагом является интегрирование фонологии в общую грамматику, что позволит более точно охарактеризовать реляционные признаки более высокого уровня, привлекая грамматические единицы, как это, предлагают делать **трансформационалисты**.

VI

ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

До сих пор мы обсуждали требования, предъявляемые к адекватному научному описанию определенных речевых форм («языков») в конкретный период времени, абстрагируясь от изменений, — иными словами, речь шла о синхронических описаниях отдельных языков. Но основной целью лингвистической науки, как и любой науки вообще, является установление регулярных явлений и существенно важных отношений в своем объекте в самом широком смысле, а это требует систематического использования методов сравнения. Цели создания обобщений о языке могут в действительности способствовать несколько главных типов сравнительных исследований. Первый из них — это собственно историческая лингвистика — сравнение различных по времени состояний одного языка¹.

Подобно тому, как целью описательной лингвистики было формулирование обобщающих утверждений, так и в историче-

В исторической лингвистике для обозначения формы речи, которая является историческим **продолжением** другой формы, традиционно используется **выражение** *тот же язык*. Совершенно очевидно, что тест на взаимопонятость, который используется в синхронических **исследованиях**, чтобы определить, имеет ли дело с «тем же самым языком» или нет, здесь неприменим. «Мысленный эксперимент» мог бы привести к отрицательным **выводам**: если представить себе² Одновременном употреблении, например, древнеанглийский и Современный Чилийский, то они явно не были бы взаимопонятными.

Уже сам вопрос об исторической **преемственности** отнюдь не является **Рививальным**. Так, для целей настоящего изложения **современный** английский рассматривается как прямое продолжение англо-саксонского (древнеанглийского) в **действительности** же, современный литературный письменный английский³ ован на диалектах центральной части Великобритании — Мидленда, **тогда** <к литературный англо-саксонский язык был занадпосаксонским и на **Западно***¹ донских диалектах говорили в другом регионе.

ской лингвистике предпринимается попытка создать всеобъемлющие общие формулировки, которые связывали бы языковые факты в разные хронологические эпохи существования одного языка. Это достаточно успешно достигается с помощью традиционных методов изучения изменений как процессов, которые не только позволяют в обобщенном виде констатировать изменения в истории конкретных языков, но судя по всему, как было доказано, имеют универсальную применимость. Так, их можно использовать на более высоком уровне сравнительного исследования исторически не связанных случаев проявления одного и того же процесса, и тем самым они могут стать инструментом для создания обобщений относительно самих изменений.

Поскольку объем настоящей книги ограничен, мы рассмотрим здесь только фонологические изменения, что вызвано рядом причин. Одной из причин является относительная легкость формулирования обобщающих утверждений о процессах в фонологии, по сравнению с другими аспектами изменений в языке,¹ и плюс к тому тот факт, что взаимосвязи между диахроническими обобщениями о процессах и синхроническими универсалиями особенно ясно выступают именно на фонологическом уровне.

Если мы сравним две или более разных по времени стадии¹; в развитии одного языка, отправной точкой для нас, очевидно, будет существование языковых форм — то есть конкретных звуковых последовательностей и их значений, которые сохранились в узнаваемом виде от более раннего периода до более позднего¹ периода. Так, например, если мы сравниваем англо-саксонский язык с современным английским, то естественно признать современное английское *stone* 'камень' продолжением в измененной форме англо-саксонской формы *stan* 'камень'. Наряду с таким случаем модифицированного продолжения форм в современном английском имеются многие формы, которые невозможно таким образом связать с более ранними формами, и наоборот, многое¹ что было в древнеанглийском, не сохранилось в современном языке. Далее, существуют некоторые важные изменения, как, например, изменения порядка следования элементов в конструкциях, которые невозможно констатировать путем приравнивания более ранней и более поздней стадии в развитии тех же самых форм. Тем не менее систематическое изучение случаев сохрани-

ия форм служит главной отправной точкой для более широкого изучения изменений.

В настоящее время нет общепринятого термина для обозначения случаев типа *stone* < *stan*. В тех случаях, когда форма, являющаяся продолжением более древней формы языка-источника, подобным образом сохраняется в нескольких родственных языках, например, англ. *stone*, нем. *stein*, нидерланд. *steen* как рефлексы прагерм. **stain-az*, широко используется термин *родственные по происхождению (cognate)*. В нашем изложении для обозначения родственных форм, относящихся к разным по времени эпохам одного языка, будет использоваться выражение *внутриязыковые, или внутренние родственные формы (internal cognates)*. В этом смысле англо-саксонское *stan* и современное английское *stone* являются внутренними родственными формами.

На какое-то время давайте сузим задачу описания изменений, ограничив ее одной, но очень важной областью — областью внутренних родственных форм. Предположим идеальный случай — у нас есть каталог таких сохранившихся форм и каждое включение представляет собой ряд упорядоченных форм, в нашем случае, пар форм, относящихся только к двум указанным временным пластам, — например, *stan* 'камень', *stswan* (*stone*) 'камень' или *has* 'дом', *haws* (*house*) 'дом' и т. п. Иногда, разумеется, формы могут различаться значением, — например, *hlaf* 'хлеб', *hwf* (*loaf*) 'буханка'.

При первоначальном атомистическом подходе для каждого отдельного случая можно констатировать перемены, произошедшие в звучании и значении в более поздней форме по сравнению с более древней. Так, в первом из приведенных выше примеров разумно, по-видимому, предположить, что древнее *a* перешло в современное *en* и выразить это в виде констатации перехода *R* + *ж*. По существу, отождествление более древнего *s* и более позднего *ʃ* (*s* ~> *ʃ*) представляет собой лишь предельный случай таких переходов — переход при сохранении тождества *s* —> *ʃ*, что наблюдается также и в отношении значений 'камень' — 'камень'²¹. Очевидно, что наши утверждения о переходах делятся

¹⁾ Строго говоря, подобные утверждения о «тождестве» не обязательно свидетельствуют об истинной идентичности. Обычно из таких случаев мы можем

на два различных типа: те, что относятся в звучанию, и те, что относятся к значению; внешне, по крайней мере, они представляются независимыми друг от друга и различными по природе. В данный момент мы ограничимся звуковыми переходами, поскольку, как уже говорилось, этот тип изменений в наибольшей степени поддается обобщению.

Если мы абстрагируемся от конкретного примера *stan/stswm* и возьмем только саму констатацию перехода *a* — *эи% то обнаружим, что аналогичный переход наблюдается во многих других! рядах нашего списка, — например, *rap* [*rswp* (*rope*) 'веревка'! *ban* / *bswn* (*bone*) 'кость', *bdt/bd\vt* (*boat*) 'лодка' и многих других.! В действительности такой переход встречается столь часто, что логично выдвинуть общую гипотезу, согласно которой там, где', в англо-саксонской форме было [a], в ее внутренней родственной форме в современном английском будет [aw]. Так появляется возможность сформулировать правило перехода в общем виде,! без ссылки на конкретные примеры в списке. Сформулированные в таком обобщенном виде правила традиционно называются *регулярными звуковыми изменениями* или даже *звуковыми законами*. Однако в одном отношении приведенный пример не является показательным. Нельзя утверждать, что более древний звук всегда изменяется обязательно *n* звук более поздний. В данном примере это действительно так, поскольку изменение здесь относится к типу, обычно называемому необусловленным. Гораздо чаще, однако, требуется наличие некоторых особых условий, чтобы изменение произошло. Так, очень часто англо-саксонское *i* превращается во внутренних родственных формах современного английского в *y* /, — например, *fif* / *fajv* (*five*) 'пять', *rid an* / *rojð* (*ride*) 'ехать' и т.д. Но это наблюдается, тем не менее, не во всех случаях. Например, мы встречаем в современном языке *nýa* / *fifp* (*fifth*) 'пятый', но не **fajfp* > или *wisdom* / *wizdom* (*wisdom*) 'мудрость', но не **wajzdom*. При анализе этих последних и других случаев обнаруживается наличие определенного общего фактора, а именно то, что за *i* следуют два согласных звука. Очевидно,

заклЮчить только, что с англо-саксонского языка было очень похоже *mi s* в современном английском, поскольку детальные фонетические сведения о древнем¹ периоде, как правило, отсутствуют.

англо-саксонское /дает/, если за ним следуют два согласных, и *aj* при иных обстоятельствах. Когда правило должно формулироваться так, чтобы в нем были эксплицитно указаны окружения, в которых изменение сохраняет силу, мы имеем дело с обусловленным звуковым изменением. Понятно, что необусловленное изменение — это просто предельный случай, когда изменение, происходит при всех условиях.

Приведенные примеры, в которых англо-саксонское *Г* дает в современном языке /, а не *a*], иллюстрируют и некоторые другие моменты. Эти случаи обычно не рассматриваются как два различных отражения англо-саксонского *Г* в современном английском, напротив, чаще всего отмечают, что англо-саксонское *Г* является, как правило, предком современного английского / . Целесообразно, поэтому, представить соответствие между *i* в *fifta* и / в *ufb* не прямо, а как результат двух переходов, последовательных во времени. Англо-саксонское /" > *i* перед двумя согласными, а потом /i/, каково бы ни было его происхождение, превратилось в /i/ в современном английском. Мы, естественно, ищем подтверждение такой последовательности переходов в текстах соответствующего периода, но даже если бы подобные тексты отсутствовали, современные результаты все равно описывались бы исходя из правил, хронологически выстроенных именно таким образом.

Данная гипотеза подтверждается далее в ходе изучения исторического развития системы гласных в целом, поскольку все Долгие гласные в англо-саксонский период подвергались, по-видимому, перед двумя согласными аналогичному сокращению. Э свидетельствует, например, против предположения о том, англо-саксонское /" сначала необусловленно перешло в *aj*, а *aj* превратилось в / перед двумя согласными: такое допущение Солировало бы данное изменение от аналогичного изменения " ^ " и т.д.

Рассматриваемый пример подводит к мысли, что закономерности звуковых изменений иногда можно сформулировать в еще более обобщенной форме, чем правила изменения отдельных гласных, если абстрагироваться от конкретных примеров, в которых изменения происходят. Исходя из понятия фонетического Рⁿ знака переход *Г* > /, и > *u*, *a* > *a* и т. д. можно описать как

единое изменение, в ходе которого у долгих гласных признак долготы заменяется признаком краткости во всех случаях, когда следующие два звука имеют общий признак консонантности. Традиционная историческая лингвистика по существу тоже часто использует аналогичную терминологию, не задумываясь над тем, что теоретическим основанием для таких обобщений является учение о фонетических признаках, а также никогда не доводя обобщение до конца. Так, ни в одной исторической грамматике, даже если в ней изменение $\Gamma > i$ излагается отдельно от других случаев сокращения гласных, не перечисляются все двухфонемные последовательности согласных, которые реально встречаются, но дается их обобщенное определение, исходящее из одного, в высшей степени общего признака — консонантности.

В тех случаях, когда последовательные временные срезы в развитии одного языка документированы, это позволяет не только строить некоторые обобщающие правила типа $a > \text{ж}$. Такие заключения уже не являются изолированными достижениями, напротив, хронологически упорядоченный набор правил об обусловленных и необусловленных переходах объясняет всю совокупность звуков более поздних членов рядов внутренних родственных форм, прилагая эти правила переходов к звукам более ранних форм. И обратно, каждый звук в более раннем ряду форм представлен в правилах переходов, и поэтому регулярные результаты таких изменений при точно указанных условиях уже известны. Это, конечно, идеальный случай, но он, как правило, реально достижим, если отвлечься от относительно небольшого числа пограничных неясных случаев.

Деление регулярных звуковых изменений на обусловленные и необусловленные оказывается полезным не только при определении в самом широком плане тех изменений, которые произошли в звуковой системе отдельного языка в ходе его исторического развития; оно имеет также универсальную применимость при сравнении языков. Стоит только подвергнуть тщательному анализу внутренние родственные формы, описанные с помощью имеющих универсальную силу категорий фонетического описания, как везде оказывается, что на их основе можно сформулировать правила о регулярных звуковых изменениях. Регулярные обусловленные и необусловленные звуковые изменения можно

усматривать как *процессы*, понимая под этим термином классы изменений, наблюдаемые в исторически независимых случаях и умеющие поддающиеся определению сходные черты. Подобные процессы можно различным образом разделить на подклассы в зависимости от более узко ограниченных характеристик. Так, изменение любого звука любого языка в какой-либо другой звук при определенных фонетических условиях можно рассматривать как индивидуальный случай одного и того же очень общего класса изменений — процесса регулярного обусловленного фонетического изменения. Но дальше можно выделить гораздо более узкие подклассы, которые встречаются в исторически независимых случаях и могут, следовательно, считаться сопоставимыми. Например, как конкретный подкласс процессов можно рассматривать необусловленную утрату лабиализации огубленными гласными переднего ряда при переходе от древнеанглийских y и y {фонетически u и U :) в i и i : соответственно; аналогичные изменения наблюдались в немецких диалектах, в ранний период новогреческого языка, где O (обозначалось на письме как юпеллон) изменилось в i , а также и в других языках. Как можно видеть, регулярные обусловленные и необусловленные изменения позволяют нам перейти к сравнительному изучению изменений и открывают возможность сделать универсальные выводы о диахронических процессах, которые будут подробно обсуждены в главе IX.

Вместе с тем, почти всегда выясняется, что определенное число внутренних родственных форм не подчиняется общим закономерностям обусловленных и необусловленных звуковых изменений. Однако анализ таких примеров обычно показывает, что они по большей части не являются случайными исключениями. Почти все они подпадают под некоторое число типов, каждый из которых можно считать спорадическим, а не общим процессом, причем термин *спорадический* здесь просто указывает, что сформулированные нами правила звуковых переходов требуют, чтобы были перечислены конкретные формы, в отличие от обобщающих констатации, столь характерных для звуковых законов.³ Подтверждением сказанного служит тот факт, что

В исторической лингвистике «объяснение» индивидуальных случаев, подпадающих под спорадические процессы, признается столь же обоснованным, как

случаи отклонений объединяются в четко определенные группы, а также то, что сходные группировки обнаруживаются в самых различных языках в ходе происходящих в них изменений. Из этого следует, таким образом, что все эти изменения являются процессами, в том смысле, какой был определен выше, иначе говоря, они представляют собой классы сходных изменений.

Поскольку моей целью здесь не является исчерпывающий анализ процессов изменения, я ограничусь рассмотрением неЦ многих показательных типов. Значительное число случаев отклонения связано с двумя классами согласных звуков — с сонантами (плавными и носовыми) и, реже, со свистящими. О том, что это не простая случайность, свидетельствует тот факт, что все илш, почти все эти звуки обнаруживаются в формах, которые ранее содержали два или более звуков упомянутых классов. Типичны следующие примеры спорадических изменений сонантов: латинское *anima* 'душа', которое в народной латыни выступало как *anma*, в испанском языке превратилось в *alma*, то есть первый из двух носовых в этом слове изменился в плавный. Аналогичным образом латинское *arbor* 'дерево', в котором два раза появляется плавный *z*, в испанском превращается в *arbol*. Приведем пример из языка другой семьи — семитской: в арамейском языке *tarten* 'два' произошло из более раннего **tanten*; здесь в более древней форме два раза появляется сонант *y*; в этом случае первый *y* изменился в другой сонант — а именно в *z*. Еще один пример — *alama* 'ткаль' из более раннего *anama* удивительно похож на испанский пример *alma* < *anma* 'душа'.

Во всех этих примерах мы не имеем дела с общими звуковыми законами: например, изменение в испанском языке *alma* < *anma* не является регулярным правилом, и мы не вправе сказать, что везде, где в народной латыни было *n*, за которым следовало *m*, оно обязательно заменялось на *l*. Кроме того, эти изменения имеют ряд общих черт, которые отличают их в целом, как группу, от регулярных обусловленных звуковых изменений, с которыми их с полным основанием можно было бы сопоставить. То*1

а как при регулярных звуковых изменениях обуславливающий фактор либо непосредственно следует, либо непосредственно предшествует изменяющемуся звуку, при спорадических изменениях воздействие часто осуществляется на расстоянии (например, в *arbor* > *arbol*). Далее, в подавляющем большинстве случаев, регулярное обусловленное изменение является предвосхищающим, *i* потому что обуславливающий фактор чаще следует за изменяющимся звуком, чем предшествует ему. Так, в примере с сокращением долготы гласных в позднеангло-саксонский период, о котором речь шла раньше, обуславливающим элементом было то, что за гласным сразу же следовали два согласных. При спорадических изменениях доля противоположно направленных изменений, тех, при которых обуславливающий фактор предшествует изменяющемуся звуку, — является весьма значительной, так, например, и в испанском *arbol* изменению подверглось второе, а не первое *z* латинского слова *arbor*. И наконец, можно указать еще на одно заметное различие между двумя видами изменений: тогда как *l* регулярное звуковое изменение почти всегда носит ассимилятивный характер, то есть новый звук фонетически более похож на обуславливающий фактор, чем звук, его заменивший; при спорадических изменениях, напротив, получившийся звук часто менее похож на обуславливающий фактор, чем звук, который был раньше. Типичным примером регулярного обусловленного звукового изменения, обнаруживающего ассимиляцию, является в латинском языке переход *n* и *m* перед следующим за ним *p* или **impossibilis* 'невозможный' из *in* + *possibilis* или *impellere* 'побуждать, толкать вперед' из *in* + *pellere*. Здесь замещающий звук *m* больше похож на */?*, чем замещенный звук *l*, поскольку у *m* наесть *°*бидий признак — губно-губная артикуляция. С другой стороны, при спорадическом изменении в испанском *arbol* < *arbor* бо-¹ранняя последовательность двух фонетически тождественных звуков *z* нарушилась в результате замены одного из *z* звуком *l*.^{3в} Все сказанное позволяет предположить, что различие между двумя типами процессов имеет значение не только для описания, но и для психологии. Спорадические изменения сонантов *n* свистящих связаны с ассоциативным воздействием на расстоянии предполагают психологический процесс более «высокого чем непосредственное физиологическое приспособле-

и тех случаев, которые характерны для общих процессов в той мере, в какой они четко применимы, и данный конкретный случай считается «закрытым».

ние друг к другу соседствующих звуков, лежащее в основе регулярных обусловленных звуковых изменений.

Еще одним примером спорадического типа изменений является морфологическая аналогия. Это очень важный процесс в историческом развитии языка. Вероятно, подавляющее большинство случаев, когда внутренние родственные формы не принимают того облика, который можно было бы ожидать, исходя из регулярных фонетических законов, объясняется этим явлением.

Ситуация, в которой возникают изменения по аналогии, создается в результате действия регулярных обусловленных звуковых изменений. Там, где конкретный значимый элемент (морфема) встречается в ряде различных окружений, причем в некоторых из окружений содержится обуславливающий фактор, а в других — нет, первоначально единообразная морфема может принять две фонетически различные формы. Например, в процессе развития итальянского языка из латыни в результате обусловленного регулярного изменения *k* превратилось в *s* перед гласными *e*, *i*, но осталось *k* перед *a*, *o* и *u*. По этой причине у слова со значением 'друг' в единственном числе была форма *amik-o*, а во множественном — *amic-i*, у глагола 'говорить' получились формы *dik-o* 'я говорю' и *dik-a* 'говори' (вежливый императив), но *dic-i* 'ты говоришь' и *dic-evo* 'я говорил'. Именно таким путем, как правило, и возникает морфологическая нерегулярность форм. Важным процессом, идущим в противоположном направлении и восстанавливающим регулярность форм в языке, является аналогия. Так, в итальянском слове со значением 'инжир' в соответствии с теми же звуковыми законами мы могли бы ожидать в единственном числе форму *Jik-o*, а во множественном числе — **Jrc-i*, однако в действительности форма множественного числа */:-/*. Поскольку в языке встречаются регулярные случаи, в которых чередование не наблюдается, этот тип изменения часто представляют с помощью так называемой аналогической пропорции, — например, *nas-o* : *nos-i* ~ *fik-o* : *?* где *x* заменяется формой *fik-i*. Само собой разумеется, что *?* левой части пропорции можно было бы использовать любую другую из многочисленных регулярных пар форм итальянской языка, не обязательно *naso* 'НОС', как в приведенном примере

ff₆₇ не собираемся утверждать, что модель реально возникла в основе какого-либо конкретного ряда форм.

Аналогия способна быть и действительно является главным фактором, устраняющим нерегулярности, вызванные действием регулярных обусловленных звуковых изменений. Тем не менее, она не всегда и отнюдь не обязательно ведет к изменениям, которые увеличивали бы степень морфологической регулярности языка. Напротив, изменения по аналогии могут в результате привести к распространению менее частотных моделей или моделей, связанных с более широким варьированием чередующихся морфем. Так, хотя общей тенденцией в истории английского языка было распространение по аналогии слабого «регулярного» типа спряжения глаголов, — например, настоящее время *call* 'зову', прошедшее время *called* 'звал*', причастие прошедшего времени *called* 'званный'¹, — известны примеры, когда распространение получали статистически редкие и нерегулярные модели, подобные форме прошедшего времени *dived* 'погрузился (в воду)' от глагола *to dive*, которая в современном английском была заменена формой *dove*. Это объясняется тем, что при изменении по аналогии у нас зачастую имеется целый ряд возможных образцов, по меньшей мере два, и вследствие этого аналогия может пойти либо по тому, либо по другому пути. Для формы *dove* можно было бы построить аналогическую пропорцию *strive* 'борюсь' : *strove* 'боролся' = *dive* : *x* или «обратную» пропорцию *five* : *dived* — *strive* : *x*, что дало бы форму *strived*. Однако в данном случае была выбрана первая модель. Классификация определенных случаев как изменение по аналогии является необходимым первым шагом в изучении этих явлений, однако остается задача проверить, нет ли каких-либо общих закономерностей, которые обуславливали бы реализацию одних возможных аналогических моделей и неосуществление других.

Аналогия является процессом спорадическим, поскольку при ее описании приходится ссылаться на конкретные морфемы. *Q* точки зрения психологии, аналогию можно с полным правом рассматривать как процесс более высокого уровня, чем процесс, имеющий место при спорадических звуковых изменениях¹¹¹, описанных выше, поскольку, в отличие от спорадических регулярных звуковых изменений, формы, существенные для

ассоциации, не встречаются в том высказывании, которое дается в примере. Например, форма *dived* испытывает влияние со стороны формы настоящего времени *dive*, которая имеет сходство со *strive* и потому ощущает влияние и формы прошедшего времени этого последнего глагола, несмотря на то что ни из этих форм, по-видимому, не встречались в предложениях, где *dived* было заменено формой *dove*. В случае же диссимилиации *arbor* в *arbol* второе *r* подверглось влиянию предыдущего *r*, которое реально наличествовало в речевой цепи.

Понятие аналогии использовалось здесь в достаточно узких границах и применялось в тех случаях, когда было возможно построить аналогическую пропорцию. Иногда термин «аналогия» применяется более широко. Например, в древнецерковнославянском языке два склонения слов мужского рода — с основами на *o* и с основами на *-u* — уже частично совпали. В результате этого сербский язык унаследовал два словоизменительных окончания именительного падежа множественного числа: *-/* от *o*-основ и *-ove* от *i*-основ; второе из этих окончаний (*-ove*) впоследствии изменилось в *-ovi*, как это иногда объясняют, «по аналогии с окончанием *-/*». Но в данном случае никакой аналогической пропорции построить нельзя, скорее, этот пример попадает в обширный раздел контаминации — в нашем примере контаминация одного алломорфа *-ove* с другим алломорфом *-/*, что дало форму *-ovi* вместо *-ove*.

Сходным образом можно было бы выделить и ряд других процессов того же общего типа, но до настоящего времени, в отличие от области собственно звуковых изменений, эти процессы так и не привлекли к себе должного внимания.

Если попытаться суммировать те основные силы, которые оказывают воздействие на развитие морфологических систем, то сразу же обнаруживается их неоднородность и сложность. Мы уже видели, что такой, строго говоря, внешний по отношению к морфологии фактор, как звуковые изменения, а именно обусловленные регулярные изменения, вызывает появление морфологических нерегулярных форм. И это не единственная* результат действия звуковых изменений. Регулярные слияния» из-за которых все появления какого-либо конкретного звука и их обусловленная часть совпадает с каким-либо другим

стереть существовавшее раньше чередование либо частично или полностью подорвать различие категорий. Так, при переходе от англо-саксонского к среднеанглийскому периоду изменение всех конечных безударных гласных, кроме *-/*, в единый гласный *-a*, наряду с изменением конечного *-m* в *-n* и последующим отпадением *-n*, разрушили в английском языке различие между номинативом, дативом и аккузативом.

Не все изменения в морфологических системах вызываются взаимодействием фонетических процессов и процессов типа аналогии. Так, например, почти во всех индоевропейских языках первоначальное двойственное число существительных как отдельная категория исчезло. Это произошло не потому, что, в общем и целом, окончания двойственного числа слились в результате фонетических изменений или что они были перестроены по аналогии с другими членами категории — по образцу окончаний единственного или множественного числа. В действительности, множественное число вытеснило двойственное из тех контекстов, где раньше встречалось двойственное. В немногих примерах в тех языках, где форма двойственного числа имела особенно широкое распространение, — например, в словах «глаз» и «ухо», — напротив, именно форма двойственного числа вытеснила соответствующую форму множественного числа. Этот процесс можно рассматривать как семантический, поскольку морфемы множественного числа изменили свое значение от «больше, чем два» на «больше, чем один» и, таким образом, семантическая категория «два» в именном склонении перестала существовать. Этот процесс носит в целом регулярный характер в том смысле, что всегда с двойственным числом сливается именно множественное число и никогда с двойственным числом не объединяется единственное число. Если бы в каком-либо индоевропейском языке с двойственным числом соединилось бы единственное число, в результате сложилась бы система существительных с двумя категориями числа: одна со значением «крайней мере два» и другая, имеющая значение «больше, чем Два». Насколько нам известно, подобная система не обнаружена в индоевропейских языках, ни где-либо еще в мире.

Иногда морфологическая категория устраняется даже еще более радикальным образом. Так, генитив классической латыни

ассоциации, не встречаются в том высказывании, которое подвергается изменению. Например, форма *dived* испытывает влияние со стороны формы настоящего времени *dive*, которая имеет сходство со *strive* и потому ощущает влияние и формы прошедшего времени этого последнего глагола, несмотря на то что ни одна из этих форм, по-видимому, не встречалась в предложениях, где *dived* было заменено формой *dove*. В случае же диссимиляции *arbor* в *arbol* второе *r* подверглось влиянию предыдущего *r*, которое реально наличествовало в речевой цепи.

Понятие аналогии использовалось здесь в достаточно узких границах и применялось в тех случаях, когда было возможно построить аналогическую пропорцию. Иногда термин «аналогия» применяется более широко. Например, в древнецерковнославянском языке два склонения слов мужского рода — с основами на *o* и с основами на *-u* — уже частично совпали. В результате этого сербский язык унаследовал два словоизменительных окончания именительного падежа множественного числа: *-/* от *o*-основ и *-ove* от *w*-основ; второе из этих окончаний (*-ove*) впоследствии изменилось в *-ovi*, как это иногда объясняют, «по аналогии с окончанием *-/*». Но в данном случае никакой аналогической пропорции построить нельзя, скорее, этот пример попадает в обширный раздел контаминации — в нашем примере контаминация одного алломорфа *-ove* с другим алломорфом *-/*, что дало форму *-ovi* вместо *-ove*.

Сходным образом можно было бы выделить и ряд других процессов того же общего типа, но до настоящего времени, в отличие от области собственно звуковых изменений, эти процессы так и не привлекли к себе должного внимания.

Если попытаться суммировать те основные силы, которые оказывают воздействие на развитие морфологических систем, то сразу же обнаруживается их неоднородность и сложность. Мы уже видели, что такой, строго говоря, внешний по отношению к морфологии фактор, как звуковые изменения, а именно обусловленные регулярные изменения, вызывает появление морфологических нерегулярных форм. И это не единственный результат действия звуковых изменений. Регулярные слияния из-за которых все появления какого-либо конкретного звука ^ их обусловленная часть совпадает с каким-либо другим в

могут стереть существовавшее раньше чередование либо частично или полностью подорвать различие категорий. Так, при переходе от англо-саксонского к среднеанглийскому периоду изменение всех конечных безударных гласных, кроме *-/*, в единый гласный *-a*, наряду с изменением конечного *-m* в *-n* и последующим отпадением *-n*, разрушили в английском языке различие между номинативом, дативом и аккузативом.

Не все изменения в морфологических системах вызываются взаимодействием фонетических процессов и процессов тиша изменений по аналогии. Так, например, почти во всех индоевропейских языках первоначальное двойственное число существительных как отдельная категория исчезло. Это произошло не потому, что, в общем и целом, окончания двойственного числа слились в результате фонетических изменений или что они были перестроены по аналогии с другими членами категории — по образцу окончаний единственного или множественного числа. В действительности, множественное число вытеснило двойственное из тех контекстов, где раньше встречалось двойственное. В немногих примерах в тех языках, где форма двойственного числа имела особенно широкое распространение, — например, в словах «глаз» и «ухо», — напротив, именно форма двойственного числа вытеснила соответствующую форму множественного числа. Этот процесс можно рассматривать как семантический, поскольку морфемы множественного числа изменили свое значение от «больше, чем два» на «больше, чем один» и, таким образом, семантическая категория «два» в именном склонении перестала существовать. Этот процесс носит в целом регулярный характер в том смысле, что всегда с двойственным числом сливается именно множественное число и никогда с двойственным. Числом не объединяется единственное число. Если бы в каком-либо индоевропейском языке с двойственным числом соединилось бы единственное число, в результате сложилась бы система существительных с двумя категориями числа: одна со значением ^{47Q} «крайней мере два» и другая, имеющая значение «больше, чем Два». Насколько нам известно, подобная система не обнаружена ^{47I} в индоевропейских языках, ни где-либо еще в мире.

Иногда морфологическая категория устраняется даже еще ⁴⁸ более радикальным образом. Так, генитив классической латыни

был в народной латыни заменен предлогом (первоначально имевшим значение 'от' и управлявшим аблативом), и это стало источником выражений с генитивом, столь распространенных в западных романских языках. В этом случае можно сказать, что морфологическая система была перестроена под воздействием семантического изменения: расширения значения предлога *de* которое привело к вытеснению старой падежной формы генитива во всех ее употреблениях и. к исчезновению самой этой формы.

Рассматривая морфологические изменения, мы уже начали выходить за рамки метода внутриязыковых родственных форм оказавшегося весьма плодотворным при изучении закономерностей фонологических изменений. Начнем с того, что здесь утрачивает силу молчаливое ограничение анализа родственными формами, предполагающее одно-однозначное отношение между набором более древних форм и набором форм более поздних. Напротив, для морфологии скорее характерно отношение «много форм — одна форма», поскольку одна современная форма является результатом слияния вследствие фонетических изменений первоначально различных более древних форм. Так, современное, английское слово *son* 'сын' является продолжением нескольких первоначально различавшихся падежных форм англо-саксонского *sunu* — например, номинатива единственного числа *sunu*, датива единственного числа *suna* и аккузатива единственного числа *sunu* — так что номинатив *sunu/son* и датив *suna/son* можно считать двумя отдельными внутренними родственными формами.

В случае генитива в романских языках мы сделали еще один шаг в сторону от внутренних родственных форм, ведь с исторической точки зрения, разумно предположить, что латинская падежная форма была заменена конструкцией «существительное - предлог *de*», хотя эта конструкция не является продолжением латинской падежной формы в том смысле, в каком это говорилось применительно к внутренним родственным формам. Продолжается по существу только функция (значение генитива), которая выражается на разных стадиях истории романских языков двумя не связанными между собой формальными способами. Конечно] мы можем подвести эту замену под два правила перехода: одно связывает более древнее *de*, имеющее ограниченное значение 'от', с более поздним *de*, имеющим более широкое значение; и второе

правило, используя понятие нуля в качестве ограничивающего понятия, констатирует, что старая морфема генитива латинского языка заменяется нулем (то есть исчезает). Заметим в скобках, что с помощью понятия нуля можно в общую структуру включить устаревшие явления (были заменены нулем) и новые образования /возникли на месте нуля). В данном примере использование двух не связанных между собой правил — о семантическом расширении *de* и устаревании падежной формы генитива — не передает сущности процесса, который представляет собой функциональную замену падежной формы конструкцией с предлогом.

И еще одно вполне естественное расширение понятия внутренних родственных форм необходимо, чтобы можно было охватить некоторые процессы синтаксического изменения, — например, изменения, касающиеся порядка слов. Так, на определенной стадии истории языка порядок слов в какой-то конструкции мог быть свободным, а позднее один из возможных порядков расположения слов закрепляется в качестве нормы. Например, в народной латыни артикль *She* можно было ставить либо перед, 'либо после существительного, но в западных романских языках закрепился в конце концов первый порядок. Следовательно, мы могли бы сказать, что латинское *homo She* 'тот человек' (ит. *l'uomo*) и латинское *She homo* (ит. *l'uomo*) являются внутренними родственными формами; сравнение многих подобных рядов. Должно, таким образом, привести к созданию обобщающих правил, связанных с изменением порядка слов. Другой пример того, как синтаксические изменения можно подвести под общую модель, следующий: в более ранний период в английском языке нельзя было употребить такое сочетание слов, как *the mailbox at the corner* 'почтовый ящик на углу', *the man in the house* 'человек в доме'. Эти сочетания возникли по-видимому в результате сокращения относительных придаточных предложений *the mailbox that is at the corner* 'почтовый ящик, который находится на углу', *the man who is in the house* 'человек, который находится в доме'. ° современных трансформационных грамматиках, производящих ¹¹¹ <ие фразы, как *the mailbox at the corner* от *the mailbox that is at the corner*, отношение между двумя конструкциями определяется ^{^a}к трансформация опущения (*deletion*). Исходя из понятия сну-Ренных родственных форм, мы устанавливаем здесь между более

ранней и более поздней формами отношение «один - к - м ноги *u* в отличие от отношения «много-к-одному» в случае латинских *Ue homo* и *homo ilk* к итальянскому *Guomo*. Следовательно, более раннее *the mailbox that is at the corner* получает продолжение и в конструкции *the mailbox that is at the corner* и в *the mailbox at the corner*. Обобщение более поздних членов таких пар приводит к пониманию опущения как исторического процесса, а не как синхронического грамматического отношения.

Эти последние примеры, где в правилах перехода фигурируют не формы отдельных слов, а целые словосочетания, отличаются от примеров, приводившихся раньше, еще одним важным обстоятельством. В правилах об изменениях в словах типа *stdn/stone*, *ban/bone* список слов конечен, тогда как относительные предложения типа *the mailbox that is on the corner* принадлежат к бесконечному ряду. Например, начальное существительное в этой фразе может иметь неограниченное количество определений, выраженных прилагательными — *the red mailbox that is on the corner* 'красный почтовый ящик, который находится на углу', *the large red mailbox...* 'большой красный почтовый ящик...' и т. п. В практической работе это обуславливает различие методов, применяемых лингвистом-историком: в случае, когда набор явлений конечен, лингвист анализирует каждую внутриязыковую родственную форму, стремясь найти общие за-; кономерности, подобные тем, что воплощаются в регулярных звуковых изменениях. При условии, если ряды явлений бесконечны и встретить точную форму, которая продолжает старую форму, в каждом конкретном случае удастся относительно редко, сравниваются скорее правила. Так, в традиционном сравнительно-историческом языкознании при изучении порядка следования прилагательного и существительного в романских языках изменение обычно констатируется как изменение правила.

Нуждается в обсуждении также вопрос о метаязыке для описания изменений. Он может относиться либо непосредственно к явлениям языка, либо к формулировкам в грамматических описаниях. Эта последняя возможность привлекла к себе внимание в связи с недавно появившимися теориями генеративной грамматики, которые по всей видимости стремятся описать i^{*cc} изменения, исходя не из языковых фактов, а из формулировок

переходах в грамматиках. Традиционное сравнительно-историческое языкознание, как мы уже видели, использует оба подхода: первый из упомянутых — в фонологии, области конечных явлений, второй — в синтаксисе, имеющем дело с бесконечным рядом явлений. Однако концептуализация метаязыка происходила здесь без всякой системы, и никакой общей теоретической основы для описания изменений так и не было создано.

Существует еще одна важная область языковых изменений, о которой пока ничего не было сказано: область изменений лексических значений. В начале этой главы было показано, что систематическое сравнение фонетического облика внутриязыковых родственных форм ведет к установлению общих закономерностей, известных как регулярные звуковые изменения. Аналогичное изучение значений к таким же результатам, однако, не приводит. Не существует никакого известного метода, с помощью которого, подобно тому, как это делалось в области фонетики, какую-либо подгруппу внутриязыковых родственных форм, имеющих некоторую определяющую их характерную черту, можно было бы подвергнуть в основном такому же анализу и получить более поздние члены соответствующих пар. Учитывая факторы, которые оказываются вовлеченными в семантические изменения, поиски каких-либо аналогичных «законов» представляются бесперспективными, и от них фактически по большей части вообще отказались.

И в то же время, семантические изменения распадаются на некоторые общие типы и действительно обнаруживают некоторые черты сходства в исторически независимых случаях. По правде говоря, это сходство настолько бросается в глаза, что $M^{b>}$ ⁱ сталкиваемся здесь, пожалуй, с *embarras de richesse* — 'затруднением от изобилия' — изобилия более или менее последовательных, но не всегда сопоставимых способов классификации, этом находит отражение и все еще неопределенный статус описательной семантики.

В качестве примера подобной классификации возьмем всего самую простую из них — так называемую логическую \wedge^a классификацию. В наиболее ограниченном варианте такой классификации изменения разделяются на виды просто исходя \wedge $O_{г}$ ^ических отношений включения или исключения из класс.

десигнатов до и после изменения. Так, древнеанглийское слово *deor*, которое некогда имело значение 'животное', в современной английском обычно означает 'олень' (*deer*). Поскольку класс оленей входит в класс животных, данный пример является примером сужения значения. Изменение древнеанглийского *fugel* 'птица' в современное *fowl* со значением 'домашняя птица' — также пример процесса сужения значения. Однако каждый подобный случай нужно рассматривать особо, потому что невозможно найти никакого общего семантического признака, который был бы присущ всем более древним формам, претерпевшим сужение значения, как не существует в действительности никакого общего правила, с помощью которого мы могли бы вывести такие специфические случаи сужения значения, как у слов *deer*, *fowl* и т. п.

Очевидно, при семантических изменениях особенно важна связь между изменениями, которые предполагают разные правила перехода, но являются тем не менее фундаментально связанными. Так, если взять, например, *deor* 'животное' > *dijr* (*deer*) 'олень', то естественно напрашивается вопрос — выражалось ли как-либо в то время старое значение 'животное', которое уже больше не передавалось словом *deor*, и если выражалось, то как именно. Такие рассуждения привели к появлению исследований полей или конфигурационных исторических исследований, в рамках которых общие границы исследуемого поля определялись исходя из семантики, а при изучении изменений структуры поля с течением времени особое внимание обращалось на вы-явление социальных и культурных факторов, которые могли бы способствовать таким сдвигам.

Обратимся теперь к важной группе процессов, которые так-же обычно относят к семантическим изменениям. Имеются ввиду изменения, которые приписываются влиянию других языков и которые представлены, главным образом, заимствованиями-Заимствования вводят новое измерение — внешний каузальный фактор, независимый от чисто внутренних соображений, которые подразумевались в ходе всего нашего предыдущего обсуждения, — они основывались на сравнении двух или более разных по времени этапов истории одного языка и никак не обращались к другим языкам как источникам изменений. В принципе влияние того или иного языка в качестве действующего фактора

но с большей или меньшей достоверностью продемонстрировать на примере любого процесса, который мы обсуждали до сих пор. Так, мы указывали, например, что звуковые изменения в соседних языках часто идут в одном направлении. Неслучайно, по-видимому, что единственные из славянских языков, различающие долготу гласных, — чешский и словацкий языки — соседствуют с венгерским языком, в котором обнаруживается то же явление. В таких случаях изменения, которые привели к появлению в чешском и словацком языках категории количества у гласных, признаются разновидностью регулярных звуковых изменений; что касается возможного влияния венгерского языка, то оно тогда рассматривается как отдельный каузальный фактор. Однако там, где доказательства совершенно неопровержимы, как при заимствовании слов, звучание и значение которых то же, что в языке-источнике, для обозначения процесса используется особое название — *заимствование*. Если мы сравнивали бы какой-либо язык на более ранней и более поздней его стадии, не принимая во внимание внешний источник, мы назвали бы это явление *новообразованием* (*coinage*) — то есть новой лексической единицей, не имеющей «языка исторического предшественника. Таким образом, некоторые из наиболее распространенных типов изменений, в которых легко прослеживается влияние чужого языка, получили особые названия, в зависимости от наличия или отсутствия способствующего их появлению достоверно доказуемого внешнего фактора.

Здесь, объединяя исторически независимые случаи в один TMп, мы также следуем здравому смыслу, и тогда появляется возможность изучать в сравнительном плане, например, елсду-^юШие вопросы: какие аспекты языка обычно наиболее открыты ^{Дл}я влияния другого языка или какие видоизменения в языках ^Роисходят при появлении заимствований.

В дальнейшем изложении будет показано, что, несмотря ^{На} отсутствие четкого логического осмысления, традиционные ^{Ка}тегории процессов, с помощью которых описываются языко-^е изменения, делают возможными плодотворные сравнения ^и Обобщения.

VII

ТИПЫ КЛАССИФИКАЦИЙ ЯЗЫКОВ

В предыдущей главе рассматривался только один тип сравнительного исследования — тот, который предполагает прямое историческое сравнение различных по времени этапов развития одного языка. Подобно всякому систематическому сравнению, эти исследования привели к классификации, потому что сравнивая, мы замечаем сходства и различия, а наличие общих признаков становится затем основанием для отнесения явлений к одной категории. При прямом историческом сравнении логическое осмысление исходило из процессов как классов сходных изменений, и, следовательно, классифицировались именно изменения¹). В других типах сравнительных исследований, к рассмотрению которых мы приступаем теперь, объектами классификации являются сами языки, а не изменения, которые в них происходят.

Прямое историческое сравнение можно считать особым и предельным случаем более общего метода сравнительно-исторического исследования, при котором историческая непрерывность сравниваемых языков не ограничивается (в отличие от того, что наблюдалось при применении прямого метода) одним отношением во времени (более раннее — более позднее). В речевом коллективе, занимающем сколько-нибудь значительную территорию, возникают региональные варианты (*местные диалекты*), особенно если в результате переселения или вторжения народа, говорящего на другом языке, происходит раскол речевого коллектива на части, которые не контактируют между собой. В конце концов, если только единство языка не будет восстановлено

¹Под процессом понимается класс сходных, но исторически независимых* изменений. Так, изменения звонкого *в* соответствующий глухой согласный-имеющие место в разных языках, есть случаи одного и того же процесса.

благодаря распространению одного господствующего диалекта, местные диалекты все больше и больше расходятся, пока их различия не достигнут той точки, когда с достаточной уверенностью можно сказать, что они больше уже не являются взаимопонятными². И тогда мы уже говорим не о диалектах одного языка, но об отдельных, хотя и родственных языках.

Наиболее убедительно исторически засвидетельствованный случай — это происхождение современных романских местных диалектов и стандартных языков путем дифференциации из разговорной латыни. Или еще пример — более древние формы современных германских языков — древневерхнегерманский, древнесаксонский, англо-саксонский, древнескандинавский — обнаруживают гораздо больше сходства друг с другом, чем современные германские языки; в самый древний период, когда они были зафиксированы, их фактически можно было считать диалектными вариантами одного языка.

При описании отношений, которые возникают между языками таким путем, используются два упрощающих реальность метафорических представления: схема, имеющая вид разветвленного дерева и родословная схема. Оба эти метафорических представления в действительности тождественны, их общая основа — понятие повторяющегося разделения языков. Как только диалект приобретает статус самостоятельного языка, он сам подвергается процессу дробления на диалекты, что приводит к образованию в конечном итоге новых самостоятельных языков.

Приведенный выше пример романских языков, возникших из народной латыни, в одном отношении является непоказательным. В большинстве случаев язык-предок не представлен³ непосредственно в письменных памятниках. При таких обстоятельствах для обозначения языка-предка обычно пользуются терминами с приставкой пра-(прото-). Так, предок германских языков, который непосредственно в письменных памятниках не засвидетельствован, называется прагерманским языком.

Классификацию языков, которая построена в соответствии с принципом родословного дерева, часто называют *генетической* (Генеалогической) классификацией. Каждый узелок или точка⁴ ветвления на такой схеме представляет ранее существовавший^{3b} язык, независимо от того, зафиксирован ли он письменными па-

мятниками или нет; все языки, восходящие к одному языку, от меченному на схеме узелком, образуют генетически родственную группу. Так, вся совокупность индоевропейских языков составляет генетическую группу, потому что все они восходят к одному узелку (протоиндоевропейскому языку). Но группа языков включающая английский, немецкий, французский и албанский¹ генетической группы не образует, потому что единственным общим предком этих языков является праиндоевропейский язык и существует много других индоевропейских языков кроме названных четырех. С другой стороны, указанные языки можно назвать *родственными*: этот термин обозначает два языка или более, которые имеют достоверный язык-источник (праязык), каким бы удаленным он ни был. Данная схема предполагает также возможность разных степеней родства. Если общий узелок для языков А и С расположен дальше в прошлом, чем общий узелок для языков А и В, значит, язык А более близко родственен с В, чем с С. Например, английский язык более близко родственен немецкому, чем французскому, потому что его общий узелок с немецким (прагерманский язык) является менее отдаленным, чем общий узелок с французским (праиндоевропейский язык).

Значение генеалогической классификации языков настолько очевидно, что когда выражение *классификация языков* употребляется без уточнения, имеется в виду именно эта классификация. Генеалогическая классификация языков послужила основой для сравнительно-исторического языкознания, главной целью которого была реконструкция праязыков, — например, праиндоевропейского — путем систематического сравнения развившихся из него языков. При осуществлении этой цели основные допущения, из которых исходили исследователи, были связаны с процессами, о которых речь шла в предыдущей главе, и вопрос о сущности праязыка формулировался, как правило, следующим образом: какими характеристиками должен обладать праязык, чтобы с помощью известных типов процессов из него могли бы развиваться различные языки-потомки? Объем данной книги не позволяет обсудить те сложные приемы, которые разрабатывало сравнительно-историческое языкознание, чтобы получить ответ на этот вопрос. Для наших целей сейчас достаточно отметить, что в очень значительной степени то, что нам известно о е*

или иных изменениях в языке, получено с помощью указанного метода, который, таким образом, явился дополнением метода прямого исторического исследования.

Важное значение сравнительно-исторического подхода не ограничивается только одной лишь историей языка. Реконструкция языков может дать много ценной исторической информации нелингвистического характера. Далее, по сравнению с другими важными типами классификации языков, о которых речь пойдет ниже, сравнительно-исторический подход является объективным и точным. В принципе может существовать только одна соответствующая действительности генетическая классификация, и она тесно связана с реальными историческими событиями — а именно с дифференциацией в ходе времени первоначально единого речевого коллектива. Такая классификация, следовательно, не является произвольной. Она также характеризуется точностью, в том смысле, что каждый язык здесь недвусмысленно приписывается к какой-то определенной генетической группе. Известны, тем не менее, и другие типы классификации языков, также имеющие свое право на существование и свою ценность. Нет никакой необходимости трактовать эти различные методы классификации как конкурирующие теории, как это неоднократно бывало в прошлом; с логической точки зрения они все совместимы друг с другом. Например, не будет никакого противоречия, если мы скажем, что румынский язык в генетическом отношении является романским языком и, следовательно, объединяется с такими языками, как французский, итальянский, испанский, португальский и т.д. и что, в то же время, он принадлежит к ареально определяемой балканской группе языков и на этом основании будет объединен с такими языками, как болгарский, албанский и греческий, которые относятся к генетически разным ветвям индоевропейской семьи. Ареальная классификация языков основывается на мнении, что по мере действия внешнедиакронического процесса, наиболее заметным проявлением которого являются заимствования, определенная группа языков посредством контактов приобретает некоторые общие черты, отличающие эти языки от языков других географических ареалов. Таким образом, классификация генетическая и классификация ареальная исходят из разных исторических процессов.

Различен также и временной фактор — черты сходства, объясняемые контактами, имеют более позднее происхождение, чем то сходство, которое является результатом генетически общего происхождения. Между отнесением какого-либо языка одновременно к группе генетической и группе ареальной с разным составом членов нет, следовательно, никакого противоречия; более того, не будет противоречием иногда рассматривать и какие-либо конкретные исторические события как внутренние генетические процессы, причиной которых послужили внешние факторы. Так развитие долготы гласных в чешском языке можно, с одной стороны, объяснить как закономерное развитие более древней звуковой системы, унаследованной от праславянского языка, и одновременно можно утверждать, что это конкретное явление не произошло бы, если бы не было контактов с венгерским — соседним неиндоевропейским языком.

Примером чешского и румынского языков мы иллюстрировали другой метод классификации языков — *ареальный*. Ареальные объединения языков носят явно исторический характер; они, в принципе совпадают с классификациями «культурных ареалов», которые были установлены антропологами для явлений неязыковой культуры. Такие классификации сталкиваются с теми же трудностями, что и ареальные классификации языков: произвольность выбора масштаба, неопределенность границ и связанная с этим проблема пограничных явлений. Чтобы проиллюстрировать проблему выбора масштаба, приведем такой пример: мы можем представить ареал европейско-североазиатских языков в виде огромного пространства, а можем, при более дробной классификации, выделить более узкие ареалы, такие как, например, балканские языки. Число таких уровней дробности произвольно, в отличие от вполне определенного числа уровней дифференциации, характерного для генеалогической классификации. Далее, поскольку при ареальной классификации мы имеем дело с чертами сходства, которые объясняются контактами языков, тот иной язык вполне может разделять некоторые общие явления, возникшие таким путем, с одной группой языков в одном направлении и с другой группой языков в другом направлении. Границы между группами могут, следовательно, быть произвольными» так что одновременное приписывание языка к различным ар-

ными группам противоречия не порождает. Здесь снова можно видеть, насколько ареальной классификации не хватает той самой точности, которая изначально присуща генетической модели.

Третий важный тип классификации языков — *типологическая* классификация — еще дальше отстоит от генетической додели, чем ареальная классификация, ибо она в принципе является неисторической. Критерии, релевантные для классификаций, опирающихся на историю, с одной стороны, и для тех классификаций, которые с историей не связаны, с другой, практически являются взаимоисключающими. Поэтому различия в распределении языков по классам при генеалогической и типологической классификации вполне закономерны — их в действительности следует ожидать.

Различие между методами генетической и типологической классификации является фундаментальным, различны даже используемые ими понятия сходства и сравнения. Рассмотрим сначала критерий сходства, неразрывно связанный с генетическим подходом. Здесь в случаях бесспорных имеются внешние родственные формы — то есть формы слов, которые являются продолжением исходных форм праязыка, но с различными видоизменениями звучания и значения, возникшими с течением времени. Так, германские языки выделяются как генетическая группа благодаря существованию таких внешних родственных форм, как англ. *bone* 'кость', нем. *Bern* 'нога', нидерланд. *been* 'нога, кость', шведск. *ben* 'кость, нога' и т. п., причем все эти формы продолжают в модифицированном виде предполагаемую форму прагерманского языка **bain* 'кость, в частности нога'. По поводу приведенных фактов можно заметить следующее: формы обнаруживают сходство одновременно и в звучании, и в значении, и сами эти черты сходства оцениваются как таковые исходя из возможных связей в результате действия исторических процессов изменения. Фонетическое сходство начальной и конечной гласной этих форм настолько велико, что несмотря на определенные различия, они обозначены в системах письма упомянутых языков одними и теми же буквами. По правде говоря, здесь есть фонетические различия, например, начальное *b* в датском языке представляет собой фонетически [b], звук глухой, тогда как в английском, немецком и нидерландском языках начальные

согласные являются звонкими ²⁾ Гласный или дифтонг обнаруживает, конечно, большее многообразие. Важно, однако, не то что на основе некоторой статической классификации все гласные попадают в некоторый класс, которому можно дать определение но то, что все они являются вероятным результатом возможных изменений единого первоисточника. Поскольку звуковое изменение обычно представляет собой следствие перемены, затрагивающей каждый раз только один признак, звуки, которые соответствуют друг другу в родственных формах, как правило, если их классифицировать статически, тоже сходны. Это имеет огромное эвристическое значение в практике классификации языков. Существуют, тем не менее, некоторые изменения, вполне достоверно засвидетельствованные исторически, когда более древний и более новый звуки имеют, если их описать статически, очень мало общего между собой, — например, *s > h*. Но поскольку этот процесс изменения засвидетельствован, мы будем считать лат. *sex* 'шесть', англ. *six* 'шесть' и классич. греч. *hex* 'шесть' «сходными» по звучанию с точки зрения динамического сравнения.

Не все генетически связанные черты родственных языки! находят отражение во внешних родственных формах, сходство которых в звучании и значении обнаруживается при динамическом подходе. Если, например, в нескольких родственных языках существует общее правило порядка слов, согласно которому прилагательное в функции определения всегда предшествует существительному, мы вправе реконструировать это правило для праязыка. Так, наличие этого общего явления в существующих языках получает генетическую интерпретацию, несмотря на то что оно не связано с какими-либо конкретными сочетаниями звучания и значения. С другой стороны, поскольку имеются только два возможных основных порядка слов, — то есть прилагательное либо предшествует существительному, либо следует за ним — весьма велика вероятность того, что языки совпадут в этом отношении отнюдь не потому, что все сохранили более древнее явление. Следовательно, к таким выводам приводит систематическое сравнение родственных языков, только после того &Ш

¹⁾ Английский звук *h* традиционно описывается как звонкий; на самом этот звук нередко бывает полностью или частично оглушенным.

предельное родство уже было установлено на основе сходства формы и значения, оцененного с учетом процессов изменения.

В основе типологической классификации языков лежат статически определяемые сходные черты и, что характерно, сходные черты либо звучания, либо значения, взятые отдельно. За иллюстрацией обратимся к широко используемой типологической классификации. Так, иногда языки разделяются на тоновые и нетоновые. Критерием тоновости языка является наличие в нем рядов фонем, различающихся только высотой основного тона или мелодическим контуром. Если мы применим такое определение, тогда любой язык на земле можно будет классифицировать либо как тоновый, либо как нетоновый. Признак, используемый в качестве критерия, несомненно относится только к звучанию, и отрыве от значения, поскольку значения конкретных форм слов нас не интересуют. О безразличии этого метода к соотношениям исторического порядка свидетельствует тот факт, что языки тонового типа обнаруживаются в нескольких географически не связанных и отдаленных друг от друга ареалах, — например, в Африке, в Юго-Восточной Азии, у индейцев Мексики. Судя по всем имеющимся данным, эти случаи исторически независимы друг от друга. С другой же стороны, даже довольно близко родственные языки могут принадлежать к типологически различным классам. Так, язык суахили, являющийся языком нетоновым, принадлежит по происхождению к языкам семьи банту; в то же время, насколько нам сейчас известно, все другие языки этой семьи являются тоновыми. Такие расхождения между результатами генетического и типологического подходов возникают потому, что тоновость языка отнюдь не является исторически устойчивым признаком: нетоновые языки могут становиться тоновыми, и наоборот.

Мнение о том, что языки можно генетически сколько-нибудь убедительно классифицировать на основе таких критериев, как тоновость, исходит из необоснованного представления об их Обильности. Если бы тоновость была абсолютно устойчивым Мнением, тогда все тоновые языки на земле должны были бы происходить от одного или более праязыков, которые сами бы были бы тоже тоновыми, а все нетоновые языки вели бы свое Происхождение от одного или нескольких других праязыков, ко-

торые были бы нетоновыми. В этом случае ни один ТОНОВЫЙ язык никогда не мог бы оказаться родственным нетоновому а поскольку это относилось бы и к праязыкам, теория единого происхождения человеческого языка — теория моногенеза — была бы полностью отвергнута.

Примером семантического критерия может служить род существительных, соотносящийся с половыми различиями. Здесь опять языки можно типологически разделить на два класса: языки, имеющие род, и языки, в которых дифференциация по роду отсутствует. Очевидно, что разделение языков по этому признаку не будет совпадать с делением генетическим по той же самой причине: языки, имеющие категорию рода, соотношенную с половыми различиями, могут ее утрачивать, а языки, не знавшие рода, могут приобретать его. Например, если бы мы, исходя из этого признака, классифицировали языки Европы, английский язык попал бы в один класс с финно-угорскими языками — финским, эстонским и венгерским — и оказался бы отделенным от нидерландского и немецкого.

Рассмотренные выше две типологические классификации относятся к наиболее простому виду: в каждой из них был использован только один критерий по принципу «да-нет», что делало логически возможным выделение лишь двух типов языков: класс языков, обладающих некоторым качеством (тоновостью, родом, соотношенным с половыми различиями), и класс языков, у которых это качество отсутствует.

Типологические классификации можно усложнять, — то есть создавать в них большее количество логически возможных классов языков — одним из двух или сразу двумя путями: умножая ВОЗМОЖНОСТИ при использовании одного критерия или применяя несколько разных критериев одновременно. Чтобы проиллюстрировать первый из этих путей усложнения типологической классификации, приведем такой пример: языки можно классифицировать исходя из признака тона, но не просто разделяя их на ДВЕ^с основные группы тоновых и нетоновых языков. Поскольку в каждом тоновом языке должно быть определенное число фонем тона, причем в каждом случае две или более, тоновые языки можно было бы разделить на языки, имеющие две фонемы тона, язык^н с тремя фонемами тона и т. д. Далее, можно было бы разграничив

повные тоны, при произнесении которых нет заметного изменения высоты, и контурные тоны, характеризующиеся повышением или понижением высоты. Это позволило бы построить несколько дополнительных типологий, — например, классификацию, основанную на числе тонов, и другую, основанную на наличии или отсутствии уровней или контуров тона соответственно.

Другой путь, каким может происходить дополнительное усложнение типологической классификации, — это использование в качестве критерия не какой-либо категории, а сравнения. Предположим, например, что разработан некий метод, с помощью которого^а если даны два языка, можно определить, какой из языков более сложен в грамматическом отношении. В таком случае, разумеется, это была бы уже не классификация языков, а скорее определение места каждого языка в некоем континууме.

Подобное сравнение можно сделать более точным, введя определенную систему измерения (*metric*) — с помощью некоторой функции, которая позволит приписать каждому языку некий номер. И тогда снова можно было бы ввести классы, и в один и тот же типологический класс, по определению, можно было бы включить все языки, у которых величина значения данной функции находится в известных математических пределах.

Указанные возможности проиллюстрируем, сославшись на типологическую классификацию языков, которая имела широкое распространение в XIX веке. Языки в ней делились, в частности, на аналитические и синтетические. Аналитическим языком считался такой язык, в котором грамматические категории преимущественно выражались отдельными словами, а синтетическим языком — язык, в котором грамматические категории Сражались окончаниями, включенными в состав слова. Так, андийская конструкция *I shall go* 'Я пойду', в которой первое лицо^с Убъекта единственного числа (будущее время) и значение конкретного глагола каждое выражено отдельным словом, является^а аналитической, в отличие от ее латинского переводного эквивалента *Tibd* '(я) пойду', в котором корень Гидти¹ и Бб, означающее будущее время, первое лицо, единственное число^б, содержатся^б одним и тем же слове.

Когда были открыты некоторые америндские языки, например, ацтекские, то обнаружилось, что определенные понятия

и особенно именной объект глагола и сам глагол в них выражаются частями одного и того же слова. Таким образом, понятия передаваемые отдельными словами даже в таком синтетическом языке, как латинский, здесь инкорпорировались в одно слово. Для этих языков был создан термин *полисинтетический*, который стали обозначать еще более высокую степень синтетизма.

Итак, в XIX веке классификация языков носила категориальный характер: каждый язык приписывался к одному из трех классов — аналитическому, синтетическому или полисинтетическому, — хотя критерии были определены несколько расплывчато.

Анализируя типологические классификации XIX века, Э. Сепир рассматривает степень синтетичности как некую скользящую шкалу. В таблицах своей типологической классификации, включающей несколько критериев, он использует такие термины, как «очень синтетический» или «слабо аналитический», но использует их еще в совершенно импрессионистическом духе³¹.

Вместо использовавшихся раньше качественных методов автором настоящей книги была предложена некоторая система измерения⁴¹. Поскольку язык считается тем более синтетическим, чем больше значимых элементов в нем включается в отдельные слова, допустив, что понятия морфемы и слова определены достаточно точно, мы могли бы измерить общую сложность того или иного языка, разделив количество морфем на количество слов в отрывках текста. По определению, любое слово должно содержать хотя бы одну морфему, поэтому низшим пределом для этого отношения является показатель 1. Язык с таким показателем соотношения морфем и слов представляет логически предельную степень аналитичности. Как показывают проведенные до сих пор подсчеты, отношение числа морфем к числу слов самое высокое значение имеет в эскимосском языке — 3,72, и этот язык традиционно относят к полисинтетическим. Если мы определим значения от 1 до 2,2 как показатель аналитичности,

³¹ Sa'pir Edward. Language. New York: Harcourt, Brace, 1921, особенно глава VI-

⁴¹ Green berg Joseph // A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language // International Journal of American Linguistics, 26 (July 1960). P. 178-19Ф (Рус. пер.: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 111. М.: ИЛ, 1963. С. 60-94. — Прим. небМ

значение от 2,2 до 3 — как показатель синтетичности, и выше | _ . как показатель лолисинтетичности, то распределение язы- | ов по данным трем классам будет, вполне вероятно, достаточно №чно соответствовать прежним интуитивным суждениям.

Мы уже говорили, что типологическая классификация может быть усложнена путем одновременного использования нескольких критериев. Примером такого рода может служить известная типологическая классификация, исходящая из порядка слов в языке и использующая три ряда критериев. Первый из них связан с обычным относительным порядком следования субъекта, выраженного существительным, объекта-существительного 'и глагола в главной части повествовательного предложения. Если мы обозначим субъект, объект и глагол соответственно символами S, O и V, мы получим тогда шесть возможных расположений и. следовательно, шесть возможных классов языков: VSO, VOS, SVO, OVS, SOV и OSV. Английский язык войдет, например, в третий класс — класс SVO. Вторым критерий — это наличие в языке предлогов в противоположность послелогам. Английский язык является примером языка с предлогами, поскольку в нем употребляются конструкции типа *in the house* 'в доме', *after dinner* 'после обеда', в которых понятие отношения выражается раньше понятия имени. Существует, однако, много языков, — например, турецкий, — в которых обычным является обратный порядок расположения, как в турецком *ev-de* 'в доме (букв. Дом-в)'. Третьим критерием может служить порядок следования в генитивных конструкциях обозначений обладателя и обладаемого. В некоторых языках, например, в английском, возможны две конструкции: *the house of the man* и *the man's house*, имеющие Годное значение 'дом человека'. Оставляя на время в стороне то осложняющее обстоятельство, укажем, что одновременное применение трех указанных критериев дает — первый с его ше- Cтью классами, второй — с двумя, и третий — тоже с двумя — 6 x 2 x 2 = 24 типологических класса.

Из нашего изложения становится очевидным произвольный Ха характер типологической классификации в отличие от классификации генеалогической. По существу, можно построить столько Апологических классификаций, сколько найдется критериев, пригодных к использованию для этой цели. Даже если критерий

классификации в целом один и тот же, чем больше ее лизация, тем больше число типологических классов. Поскольку типологическая классификация, по определению, не претендует на то, чтобы представлять интерес для истории, естественно и правомерно поставить вопрос о цели типологической классификации. Как будет подробно показано в следующей главе основную пользу типологические классификации могут принести в качестве эвристического приема при формулировании обобщений относительно человеческого языка.

В целом наличие в типологической классификации пустых классов или одного или более классов, пропорционально мало, заполненных языками, позволяет сформулировать неограниченные универсалии или обусловленные обобщения о языке. То, что при обычном типе констатации представляется просто некоторой тенденцией, часто можно сформулировать в виде обобщающих утверждений, подобных законам, когда начинает строиться типологическая классификация и обнаруживается отсутствие языков некоторых логически возможных типов. Так, например, часто отмечалась тенденция оглушения конечных шумных согласных⁵¹! Скажем, в немецком языке в конце слов встречаются только глухие шумные, но поскольку есть языки, например, английский, где в конечной позиции встречаются также и звонкие шумные (например, *d, v, z*), казалось бы, никакая универсальная формулировка не представляется возможной. Тем не менее, если мы построим типологическую классификацию на основе двух критериев, каждый из которых требует ответа да-нет, — наличие или отсутствие звонких шумных согласных на конце слов и наличие или отсутствие глухих шумных согласных на конце слов, что даст $2 \times 2 = 4$ типологических класса, становится ясно, что один класс окажется пустым. По всей видимости, не существует языков, которые на конце слов обладали бы звонкими шумными, но не имели бы глухих шумных, однако три остальных класса представлены реальными языками: (1) в конечной позиции имеются и звонкие,

⁵¹ Шумным называется консонантный звук, при произнесении которого в речевом тракте возникает препятствие, достаточное для образования шума (например, *t, s, z*). Шумным звукам противостоят сонорные, при произнесении которых такого препятствия в речевом аппарате не наблюдается (например, *l, n*).

глухие шумные согласные (например, английский и французский языки); (2) встречаются конечные глухие, но не звонкие согласные (немецкий и русский языки); (3) на конце слов не встречаются ни глухие, ни звонкие шумные согласные (мандаринский диалект китайского языка, гавайский язык). Из этого следует утверждение в виде универсалии имплицативного типа, гласящее: если в каком-либо языке встречаются конечные звонкие шумные согласные, в нем также существуют и конечные глухие шумные согласные, но обратное не обязательно имеет силу.

Значение типологической классификации попутно заключается также и в том, что она требует разработки определений и операций, применимых ко всем языкам, чтобы в каждом случае было возможно утверждать, принадлежит ли тот или иной язык к определенному типологическому классу, — то есть будут ли получены определенные результаты при применении критериев, использованных в данной типологической классификации. Она, следовательно, предъявляет строгое требование универсальной применимости ко всем лингвистическим понятиям, используемым при построении типологических классификаций. Тем не менее, как будет показано в дальнейшем изложении, не все универсалии имеют соответствующие им типологические классификации и, в известных случаях, хотя типологические классификации существуют, они не являются наиболее эффективным путем к установлению языковых универсалий.

Еще одно применение типологический анализ находит при изучении более широких аспектов изменений в родственных языках. Приемы сравнительно-исторического языкознания предназначены для того, чтобы объяснить конкретные и частные черты сходства в родственных языках с помощью процессов изменений⁵² из общего первоисточника. Однако они не приспособлены к решению таких проблем, как степень общности в направлении изменений в родственных языках, развившихся из общего языка — основы, но исторически независимо друг от друга называемая *проблема дрейфа*⁵³) или близких к этому про-

⁵² Дрейф как термин в значении «общитенденции внутрисистемного развития >иКа» был, по-видимому, введен Э. Сепиром в книге «Язык: Введение к изучению» (глава VII). - Прим. иерее.

блем, скажем, проблема инвариантных характеристик в сопоставлении случайным в эволюции этих языков. По здесь речь идет о степени и типе изменения типологических характеристик во времени. Поэтому типологическое сравнение отдельных языков одной семьи в разные исторические периоды может помочь в установлении общих тенденций изменения. Так, в индоевропейских языках наблюдалась общая тенденция к упрощению, а в некоторых случаях (например, во французском языке) — к утрате падежной системы существительных. Происходит изменение типа языка — переход из класса языков, имеющих падежные системы, в класс языков, падежных систем не имеющих. Конечно, компаративисты иногда обсуждают такие общие явления; однако, поступая так, они выходят за рамки своего традиционного подхода. Представляется поэтому целесообразным внести ясность в данные вопросы и рассмотреть их систематически, используя типологические и сходные с ними методы.

Выше уже было отмечено, что типологическая классификация, как она понимается здесь, является чисто синхронической: языки классифицируются типологически с помощью критериев, применимых только к синхронным состояниям языка. Но если мы не ограничиваем понятие классификации в лингвистике синхронными состояниями, тогда и диахронические процессы, подобные тем, что рассматривались в предыдущей главе, тоже позволяют применить к ним критерии, по сути своей типологические. Языковые изменения, которые подводятся под один процесс, потенциально могут встретиться в любом языке и в любое время, а также в исторически независимых случаях. Но тогда, конечно, однородные явления, которые относятся к одним и тем же типологическим классам, — это конкретные изменения, а не сами языки. Подобно тому, как синхронические типологические классификации имеют важное значение для синхронических обобщений о языке, точно так же и диахронические классификации процессов, как будет видно дальше, могут помочь в формулировании универсалий об изменениях.

Три очерченные выше подхода к классификации языков — генетический, ареальный и типологический — имеют наиболее важное значение в лингвистической практике, однако они не исчерпывают всех возможных методов классификации языков.

В лингвистической литературе встречаются некоторые широко известные термины, предполагающие другие принципы классификации языков. В отличие от трех указанных подходов эти классификации связаны с критериями исторического и социолингвистического характера, которые являются, строго говоря, внешними по отношению к языку. Такие обозначения, как *литературный язык*, *стандартный (нормированный) язык* и *пиджин* указывают на возможность еще и других классификаций — например, деления на языки, существующие в письменной форме, и языки бесписьменные. Выше уже было высказано предположение о том, что распространенное представление о различии между языком и диалектом относится к этой области явлений. Подобная классификация, совершенно очевидно, не имеет исторического характера — ведь отнесение языка к классу языков литературных или нелитературных ничего не говорит о его исторических связях. Имеет ли язык письменность или нет, не является, по крайней мере, по мнению профессионального лингвиста, фактом внутренне существенным для языка. Когда определяют значение подобной классификации для лингвистики как таковой, вопрос ставится именно так: можно ли обнаружить в языках, классифицируемых таким образом, собственно языковые общие характеристики, которые позволяли бы относить языки к одному классу в соответствии с внутренними лингвистическими критериями, использованными в некоей типологической классификации. Если дело обстоит так, тогда эмпирическое соотношение между внешним с точки зрения языка фактом наличия у него письменности и внутренними с точки зрения типологии фактами структуры представляет для лингвистики интерес. Так, можно было бы предположить, например, что положительные оценочные характеристики, которые приписывают литературным языкам специалисты в области литературы, — как правило без строгих доказательств, хотя некоторые из этих характеристик вероятно поддаются объективному следованию, — действительно основаны на некоторых фактах. Одним из возможных примеров является семантический признак — богатство квазисинонимов, одновременно с тщательным определением семантических различий между единицами сходными значениями. Если дело обстоит именно так, тогда

внешний критерий оказывается соотнесенным с не вызывающ[^] ми сомнения внутренними типологическими критериями.

Аналогичным образом в основе характеристик пиджинов и креольских языков также лежат внешние критерии социалингвистического и исторического характера. *Пиджин* — это ради-кально видоизмененная форма какого-либо языка, которая используется как чисто вспомогательная речевая форма и не является первым или единственным языком какого-либо народа. Когда язык такого типа все-таки становится первым языком какого-либо народа, его называют тогда креольским языком, — например, гаитянский креольский язык, представляющий собой креолизованную форму французского языка, или язык крио во Фритауне (Сьерра-Леоне), сложившийся на основе английского языка. И здесь снова проблема заключается в том — и это, по правде говоря, широко обсуждалось в литературе, посвященной пиджинам и креольским языкам, — обладают или нет языки, возникшие таким путем, какими-либо языковыми — то есть типологическими — характеристиками, которые отличали бы их от других языков. Критерии сравнения, которые обычно предлагаются, — это морфологическая простота, ограниченность словарного состава и относительная слабость фонологической закреплённости. Подобные качества, разумеется, вызывают негативную реакцию, совершенно так же, как характеристики, которые обычно приписывают литературным языкам, как правило, возбуждают положительные эмоции. Это наводит на мысль, что шкалирование языков с точки зрения такого внешнего факта, как оценочное или другое эмоционально-экспрессивное отношение (например, с точки зрения эффективности), может привести к единой системе. Помимо тех, явно не лингвистических последствий, какие имеют подобные исследования для межгрупповых отношений, языковой политики, планирования образования, они, вместе с тем, имеют существенное значение для изучения языковых контактов и языковых изменений, в той мере, в какой рейтинги престижности у говорящих относительно их собственных языков⁸ и других языков, которые им известны, являются факторами^{**1} определяющими степень и тип влияния каждого языка при взаимодействии.

Существует еще одна возможная **классификация** языков, основание которой предстоит изучить, чтобы определить его внешний или внутренний характер. Лингвисты неоднократно отвечали, что языки удовлетворяют потребность в создании новой терминологии в ответ на изменения в культуре и окружающей среде, используя четыре главных способа в разном соотношении, характерном для каждого языка. Эти четыре метода таковы: (1) новые сочетания уже существующих внутренних ресурсов путем словопроизводства и словосложения; (2) подражание чужим образцам, но при использовании своих внутренних ресурсов, как в немецком *Wblkenkrdtzer*, представляющем собой буквальный перевод английского *skyscraper* 'небоскреб'; (3) прямое заимствование из другого языка и (4) семантическое расширение существующих слов (например, когда в английском языке такие слова, как *captain* 'капитан', *steward* 'стюард', *embark* 'грузиться', расширив свое значение, употребляются теперь не только применительно к морскому транспорту, но и к воздушному). Обусловлена ли разная предрасположенность в этом отношении различных языков (например, предпочтение, которое английский язык оказывает заимствованию в отличие от немецкого языка, предпочитающего исконные сложные и производные слова) особенностями языковой структуры в соответствующих языках или она просто отражает неязыковой культурный набор ценностей? Если верно первое, тогда можно говорить о существовании значимого отношения между типологией, воплощающей эти структурные факты, и изменениями, произошедшими в ситуации контакта.

Таким образом, после рассмотрения различных классификаций, основанных на внешних критериях, поистине первостепенное значение внутренней типологической классификации языков. Для лингвистических исследований не только не уменьшается,^н еще больше возрастает. Это происходит потому, что некоторые важные вопросы, касающиеся отношения языка к социолингвистическим, культурным и историческим условиям, могут быть наиболее четко сформулированы в связи с изучением соотношения между такими внешними критериями и внутренними языковыми критериями, используемыми в типологических исследованиях.

VIII

СИНХРОНИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

Обсуждая условия, необходимые для создания адекватных описаний конкретных языков, в качестве фундаментального мы выдвинули следующее требование: методы описания должны быть в принципе применимы ко всем языкам, а получаемые описательные формулировки должны быть такого рода, чтобы обеспечивалась возможность межязыкового сравнения. Мы считали, что принципиальная соизмеримость категорий позволяет классифицировать языки исходя из их сходств и различий. Классификация, однако, это лишь средство для достижения цели! некий предварительный шаг на пути к формулированию общих положений относительно всех человеческих языков. При обсуждении типологической классификации мы имели это в виду, подчеркивая, что основная цель типологической классификации состоит в том, чтобы систематизировать ряды взаимосвязанных критериев и сделать тем самым возможными некоторые обобщения о человеческом языке. Было также показано, что такие обобщения часто носят обусловленный или имплицитивный характер — то есть они принимают следующую форму: если язык обладает предикатом *a*, он всегда обладает и предикатом *β*, но обратное верно не всегда. Иными словами, имея *β*, язык не обязательно будет иметь также и *a*. В данной главе наша задача заключается в том, чтобы более детально рассмотреть тему синхронических лингвистических универсалий — то есть проанализировать, какие типы возможных лингвистических утверждений сохраняют силу для всех языков, когда мы сравниваем результаты синхронных описаний.

В этой связи первостепенную важность приобретает разграничение двух типов обобщающих утверждений о языке. В первом типе таких формулировок мы утверждаем наличие ограни-

ченного набора универсальных категорий, исходя из которых возможно описать некоторые конкретные аспекты всех языков. Одним из примеров этого является современная теория бинарных различительных признаков в фонологии, согласно которой все различительные звуковые оппозиции во всех языках можно адекватно описать, указав на наличие или отсутствие каждого из очень ограниченного набора признаков, которых примерно двенадцать. (Во многом сходным образом, хотя и несколько менее убедительно, учитывая отсутствие определений и методов, основанных на сопоставлении языков, представители традиционной универсальной грамматики — *grommalre generate* — утверждали, что классификация слов по традиционным частям речи — существительным, прилагательным, глаголам, наречиям, предлогам — создает универсальную систему, достаточную для того, чтобы любое слово любого языка нашло свое место в одном из ее классов.) Обобщения такого типа, которые мы назовем здесь *категориальными (categorizing)*, по существу уже фигурировали в нашем изложении, когда мы обсуждали требования, которым должна отвечать адекватная теория описания языка, поскольку в том контексте адекватным признавался только тот принцип категоризации, который в идеале был приложим ко всем языкам. Это требование не является на практике столь уж суровым, как могло бы показаться из самой его формулировки. Иногда адекватными для формулирования таких категориальных Универсалий оказываются весьма существенно различающиеся между собой теории описания. Так, вполне успешно, по-видимому, выполняют задачу отнесения всех звуков человеческой речи к тому или иному из ограниченного количества типов и бинарная теория, и теория, которую можно назвать *традиционной Фонетикой*, использующая некоторые ряды категорий для определения звуков преимущественно на артикуляционной основе, а другие конкурирующие теории могут, разумеется, различаться в других отношениях, — например, с точки зрения принципа Аномии, — что побуждает нас оказать предпочтение из одной из них. Но в настоящий момент наиболее существенным для нас критерием является относительная полезность той или

теории для установления и формулирования обобщения, учаемых при сопоставительном изучении языков.

Некоторые из самых базовых формальных обобщений эд считать конститутивными для языка как такового. Они связаны с категориями, настолько фундаментальными по своей природе что их можно было бы считать дефиниционными (definitional) характеристиками языка, поскольку их отсутствие заставило бы нас исключить соответствующую систему из класса языков. Примерами таких характеристик могут служить наличие рекурсивного механизма, порождающего бесконечное множество сообщений и различие фонологического и грамматического уровней. В целом, те качества человеческого языка, которые в главе I нашей книги рассматривались как отличающие язык от других типов коммуникативных систем, можно признать потенциально дефиниционными. Таким образом, практически это равнозначно утверждению, что во всех человеческих коллективах существует институт языка, то есть одна или более систем, обладающих указанными дефиниционными характеристиками.

Другой тип универсалий — *сентенциальный* (*sentential*)*; именно он будет в первую очередь интересовать нас в этой главе. Для того, чтобы проиллюстрировать различие между категориальным и сентенциальным типами универсалий, обратимся снова к теории различительных признаков в фонологии. Категориальная универсалия представлена утверждением, согласно которому данная теория предоставляет адекватную классификацию, охватывающую все звуки всех языков. Если же подойти к этой теории как к теории чисто формальной, то она не содержит никаких утверждений о существовании явлений — о том, какие из возможных сочетаний реально обнаруживаются в некоторых языках, а какие, если они есть, встречаются во всех языках. Тем не менее, эта теория, в том виде, в каком она обычно излагается, все-таки содержит некоторые утверждения о существовании, — например, утверждение о том, что признаки вокальности и кон-

* Система терминов, обозначающих типы универсалий, использования Дж. Гринбергом в настоящей книге, отличается в целом от той системы, которая была представлена в статьях более раннего сборника «Universal» (1965) и в частности в статье Дж. Гринберга, Ч. Осгуда и Дж. Дженкинса, РУ пер. которой под названием «Меморандум о языковых универсалиях» был опубликован в сборнике «Новое в лингвистике (Языковые универсалии)». Вып. М.: Прогресс, 1970. — Прим. перев.

онантности являются универсальными, или, говоря более точно, то каждый язык содержит некий непустой класс фонетических сегментов, обладающих признаком консонантности, и какой-либо подобный класс сегментов с признаком вокальности.

Такие сентенциальные универсалии можно назвать неограниченными, в отличие от упомянутых ранее универсалий обусловленных, или имплицативных, потому что универсалии о существовании применимы ко всем языкам и не связаны никакими условиями. Логическая форма такой универсалии имеет вид $(x) x \in L \sim * \Phi(x)$ то есть «Для всех значений x , если x есть язык, тогда x имеет предикат ϕ ». Вернемся снова к приведенному выше примеру: если мы припишем переменной ϕ значение «имеющий вокалический признак», тогда нашу неограниченную сентенциальную универсалию можно сформулировать в указанном выше виде. С другой стороны, если мы захотим сформулировать универсалию имплицативную, — например, о том, что любой язык, имеющий словоизменительную категорию двойственного числа, имеет также и словоизменительную категорию множественного числа, но обратное верно не всегда — тогда нам, очевидно, потребуется более сложная формулировка, предполагающая использование двух предикатов, скажем, ϕ и $1p$, и получающая следующую логическую форму: $(x) x \in L \rightarrow (\phi(x) \rightarrow \Phi(x))$, что означает «для всех значений x , если x есть язык, тогда, если в нем имеется предикат ϕ , в нем также имеется и предикат $1p$ ». В данном примере ϕ — это свойство обладания двойственным числом как словоизменительной категорией, а $1p$ — свойство обладания множественным числом как словоизменительной категорией.

В предыдущей главе мы указывали, что любая подобная имплицативная универсалия, включающая два свойства, имеет связь с ней типологическую классификацию, в которой один из логически возможных типов неэкземплифицирован ни одним реально существующим языком. Для иллюстрации сказанного обратимся опять к примеру, приведенному выше. Мы можем классифицировать языки по двум критериям — наличия или отсутствия словоизменительной категории двойственного числа (0 и не-0 соответственно) и, аналогичным образом, по наличию или отсутствию категории множественного числа ($-\phi$ указывает наличие множественного числа, а $-\phi$ его отсутствие). Тогда

четыре возможных класса языков таковы: (1) $\sim \phi$, $\sim \text{tr}_i \wedge$, ни двойственного, ни множественного числа (например, китайский язык); (2) $\sim \phi$, ip , двойственное число отсутствует, но множественное число (например, английский язык); (3) $\phi\phi$ имеются и двойственное, и множественное число (например, классический греческий язык) и (4) ϕ , $\sim <\phi$, имеется двойственное число, но нет множественного (примеров нет). Отсутствие языков в четвертом типологическом классе, члены которого имеют двойственное число, но не имеют множественного, как совершенно очевидно, с логической точки зрения эквивалентно имплицативной универсалии, согласно которой если в языке есть! двойственное число, в нем всегда есть множественное число.

Теперь можно показать, что неограниченные универсалии, представлявшие, на первый взгляд, единственным оправданным типом универсалий, являются математически предельным случаем типологической классификации, основанной на одном лишь предикате. Так, если мы утверждаем в качестве неограниченной универсалии, что во всех языках есть гласные, тогда существует подразумеваемая ассоциированная типологическая классификация, построенная на основе одного предиката ϕ — свойства обладания гласными. В такой классификации имеются два типологических класса — класс языков, обладающих свойством ϕ , и класс языков, этим свойством не обладающих. Второй класс оказывается пустым, поскольку не существует языков, которые не имели бы свойства обладания гласными. Подобный результат аналогичен результату, полученному ранее в случае с двумя предикатами и четырьмя логически определяемыми классами языков, из которых один класс — пустой; это привело; к формулированию имплицативной универсалии.

Мы приходим к выводу, что существует достаточно оснований для признания имплицативных универсалий достоверными обобщениями о языке. Далее, можно отметить тот факт, что научные обобщения, как правило, имеют силу только при определенных установленных условиях, даже в таких передовых науках как физика, — например, в определенных пределах давления.Л

По ряду причин обусловленные обобщения действительны*я но имеют стратегическое значение для изучения общих свойств!

языков. Они гораздо более многочисленны, чем не-, -паниченные обобщения, ясно показывают взаимосвязи между языковыми переменными (например, двойственным и множественным числом) и устанавливают между категориями языка иерархические отношения. Например, тот факт, что двойственное число имплицитно подразумевает множественное число — иначе говоря, что двойственное число не может существовать в языке без наличия в нем множественного числа, тогда как обратное не имеет силы, позволяет нам сделать вывод, что в известном смысле множественное число является в человеческом языке более фундаментальной категорией, чем двойственное число. Что в высшей степени важно, как будет видно из дальнейшего, такие обобщения часто обнаруживают взаимосвязи и образуют структуру, по крайней мере в некоторых случаях, полноправную систему; это ведет к формулированию обобщений более высокого уровня, примерами реализации которых выступают конкретные импликации.

Как только мы расширяем логическую базу обобщений о языке, включив туда имплицативный тип, предполагающий отношение двух предикатов, нет никаких причин сводить универсалии только к неограниченному и обусловленному типам. Естественно, по-видимому, считать легитимной универсалией любое утверждение, имеющее в качестве своей логической сферы действия совокупность всех естественных языков. Если использовать символы, примененные раньше, можно сказать, что принимаются все утверждения, имеющие вид: $(x) \in L...$ «для всех значений x , если x есть язык, тогда имеет место...»

Среди дополнительных типов утверждений, которые называются приемлемыми в качестве универсалий на этой более широкой основе, некоторые можно назвать *статистическими* — то есть случаи, когда какое-то конкретное отношение имеет силу с вероятностью, значительно превышающей случайную, исходя из некоторых приемлемых и вызывающих доверие пределов. ^x называют *почти-универсалиями* (*near-twiversals*), потому что в большинстве случаев они возникают из неограниченных или винченных нестатистических универсалий, для которых обнаружено одно исключение или очень небольшое число исключений. Например, среди классов звуков, которые встречаются практически во всех языках, значатся носовые согласные. Как

обнаружилось, однако, небольшая группа америндских о в северо-западной части США (например, язык квиллиут) таких звуков не знает. Такая почти-универсалия предполагает обобщение о языке; это утверждение о неслучайном явлении, которое требует теоретического объяснения, и оно может выявить существенные связи с другими общими фактами о языке.

Подобные почти-универсалии могут также носить импlicative характер. Например, в целом верно, что если в языке имеется различие пола в местоимении 2-го лица единственного числа, то это подразумевает, что такое же различие есть также и в местоимении 3-го лица, но не наоборот. Однако в ННJJ герии существует небольшое число языков, для которых это правило, по-видимому, не имеет силы, в них существуют местоимения 2-го лица единственного числа мужского и женского рода, но только одно местоимение 3-го лица, обозначающее человеческое существо и того, и другого пола. Если подойти к этому с позиции ассоциированной типологической классификации, то в таких примерах, как данный, одна из ячеек будет не пустой, в отличие от не статистических универсалий, "но будет иметь очень незначительное, хотя и не нулевое значение. Очевидно, такие случаи можно анализировать о помощью хи-квадрата (chi-square) или других стандартных статистических измерений..

Вместе с тем мы сталкиваемся здесь с проблемой, которая является фундаментальной для любого применения статистических методов в сопоставительном исследовании культур, а именно, — что следует считать единственным независимым случаем) Б большинстве ситуаций, с которыми мы имеем дело в лингвистике, эта трудность является чем-то вроде софизма: число исключений обычно настолько мало, что дистрибуция остается статистически значимой.

И тем не менее, статистические универсалии являются не сомненно менее удовлетворительными, чем их не статистическая разновидность, и не только из-за указанной выше технической трудности. Сами исключения представляют собой феномены, нуждающиеся в объяснении. Предпочтительнее, поэтому не довольствоваться простым статистическим преобладанием¹ — каким бы внушительным оно ни было, но исследовать в этих случаях исключения и другие факторы, чтобы, если возможно»

формулировать обобщение в более сложной, но не статистической форме, — иначе говоря, объяснить исключение каким-то дополнительным фактором.

Другие важные классы универсалий исходят из распределения частотностей, и единицами здесь выступают сами языки. Такое распределение частотностей возникает, когда языкам приписываются числовые предикаты. Например, если существует возможность с помощью какого-то метода, применимого в сопоставительном исследовании языков, точно определить для любого языка число фонологических единиц (фонем), тогда распределение языков по отношению к числу фонем можно представить в виде диаграммы, и различные статистические измерения основной тенденции, дисперсии, пределов и т.д., относящихся к этому распределению, можно рассматривать как универсальные факты о языке, — например, что число фонем в различных языках мира имеет своим нижним пределом приблизительно 10, верхним пределом — 70, а их среднее число — около 35.

Однако не все количественные измерения языка можно применять подобным образом. Зачастую такая процедура в действительности кажется интуитивно неприемлемой. Например, в тех языках, где у существительных есть окончания единственного и множественного числа, имеющиеся в настоящее время данные показывают устойчиво более высокую частотность в тексте единственного числа. Свойство иметь большую частотность в тексте для единственного числа, чем для множественного, в соответствии с некоторым общепринятым статистическим стандартом значения, можно рассматривать как категориальный предикат, который либо присущ языку, либо нет, и универсалию можно сформулировать, не прибегая к распределению частотности по языкам. Сказанное справедливо также по отношению к утверждениям об определенных видах пределов, — например, к утверждению о том, что ни в одном языке не существует более пяти фонематически значимых уровней высоты тона. В этом случае возможно либо сформулировать категориальные универсалии, подобные только что приведенной, либо проанализировать число языков, имеющих тоновые системы двух, трех, четырех и пяти уровней.

Метрические (metrical) характеристики, если к ним с точки зрения распределения частот и в некоторых других случаях (например, при числовых пределах), можно назвать *неизбежными* (inevitable) универсалиями. Под неизбежной универсалией мы понимаем такую универсалию, которая представляет собой ответ на вопрос, неизбежно имеющий ответ, при условии, если используемые термины операционально адекватны. Например должно существовать какое-то наибольшее количество уровней тона, которые встречаются в языке; должно быть среднее число фонем в языке. В таких случаях, если дополнительные данные опровергают обобщение, сформулированное ранее, они также позволяют создать, благодаря самому факту опровержения, новое обобщение, которое займет место прежнего. Так, если будет обнаружен язык с шестью фонематическими уровнями высоты тона, мы заменим старую универсалию, согласно которой максимально возможными были пять уровней, новой универсалией, которая установит предельное число уровней тона шесть! С другой стороны, если, обратившись снова к приведенному выше примеру неизбежной универсалии, будет обнаружен язык, обладающий словоизменительной категорией двойственного числа при отсутствии категории множественного числа, наша универсалия, гласящая, что двойственное число предполагает наличие в языке множественного числа, будет просто заменена ил же, что вероятнее, превратится в универсалию статистическую. По этой причине неизбежные универсалии представляют сами по себе меньший интерес, чем неизбежные универсалии. Они, приобретают важность только тогда, когда становятся предсказуемыми исходя из других соображений — если, например, может быть предъявлен некий теоретический аргумент, доказывающий, что в языке число фонем не должно быть меньше десяти.

Работа, проделанная в области синхронических универсалий до настоящего времени, свидетельствует, что возможно создать очень значительное количество утверждений (несколько сотен) для которых пока не найдено ни одного исключения или число, таких исключений очень невелико и которые, следовательно, принимают форму неограниченных или, что чаще, имплицитивных универсалий. Большинство из них относится к достаточно четко очерченным аспектам языка, таким как структур

логических систем, типы звуковых последовательностей, графологические категории, порядок слов и семантическая организация некоторых сторон словарного состава, — например, систем родства. Оставшуюся часть данной главы мы посвятим рассмотрению образцов таких универсалий, отобранных чтобы продемонстрировать их главные логические типы, а также анализу основных аспектов структуры языка, к которым эти универсалии относятся. Эти универсалии отобраны таким образом, чтобы, кроме того, создать своеобразный фон, исходя из которого можно было бы предварительно решать проблемы дедуктивных связей между обобщениями, несколько предвосхищая более систематическое освещение этой темы, перенесенное нами в последующие главы.

Обратимся сначала к обобщениям, относящимся к фонологической структуре языка. Большое и важное подмножество этих обобщений составляют универсалии, посвященные иерархическим отношениям между фонетическими явлениями. Как правило, мы находим ряд отдельно формулируемых универсалий, которые содержат указание на некоторое отношение «главный — подчиненный» между одними и теми же явлениями.

В качестве первого примера рассмотрим гласные носовые и носовые и их статус в языках. С фонетической точки зрения, носовые гласные — это такие гласные, при произнесении которых мягкое небо поднято, так что проход в носовую полость закрыт и воздух выходит только через рот. При носовых гласных мягкое небо опущено, воздух выходит и через рот, и через нос. Если другие артикуляционные признаки одинаковы, важнейшие из них — это положение языка и отсутствие или наличие округления губ, тогда два гласных могут различаться только за счет противопоставления по признаку носовости и носальности. В английском языке, например, нет носовых гласных, ^{Итаг}Фотив, французский язык — это широко известный пример ^{Яз}Языка с носовыми гласными.

Подчиненный статус носовых гласных можно продемонстрировать разными способами. Можно начать с построения типологической классификации, связанной одновременно с двумя ^{Рте}критериями — наличием или отсутствием носовых гласных и наличием или отсутствием носовых гласных, что

дает четыре логически возможных типологических класса языков: (1) языки, имеющие и ртовые, и носовые гласные; (2) языки, не имеющие носовых гласных; (3) языки, не имеющие ртовых гласных и (4) языки, в которых нет ни носовых, ни ртовых гласных.

Однако языков, в которых не встречались бы ртовые гласные, не существует, и это дает нам неограниченную универсалию. С другой стороны, языки без носовых гласных существуют, и это позволяет сформулировать имплицативную универсалию, о том, что существование носовых гласных в языке предполагает существование ртовых гласных, но не наоборот. Нетрудно увидеть, что в таких имплицативных утверждениях имплицитный член — в данном случае ртовые гласные — является тем более фундаментальным, поскольку имплицитный член (носовые гласные) не может существовать без имплицитного (ртовые гласные), тогда как имплицитный член (ртовые) вполне может существовать (как в английском языке) без имплицитного члена (носовые гласные).

Возможен еще более убедительный аргумент. Существует значительное количество языков, в которых число носовых гласных и число ртовых гласных одинаково, но известно также много случаев, когда в языках, как во французском, число носовых гласных фонем меньше числа ртовых гласных. Но вот что, по-видимому, никогда не встречается (по крайней мере, ни один пример подобного рода никогда не приводился), это язык, в котором носовые гласные количественно превосходили бы ртовые гласные. Мы можем, следовательно, сформулировать неограниченную универсалию о том, что в любом языке в мире числе ртовых гласных либо равно, либо больше числа носовых гласных. Это утверждение сохраняет силу и для языков, не имеющих^{11*} носовых гласных, поскольку в этих случаях мы можем сказать, что число носовых гласных равно нулю.

На первый взгляд, можно было бы подумать, что поскольку*) мы добавили случай с отсутствием носовых гласных в качестве особого случая, когда число носовых гласных равно нулю, наше второе утверждение должно быть достаточно и что оно включит первое. Дело, однако, в том, что они покрывают одно и то же пространство лишь частично, и это можно продемонстрировать³

помощью гипотетических ситуаций, в которых будет нарушаться наше первое обобщение, но не второе, и наоборот. Так, существование языка с шестью носовыми гласными и пятью ртовыми гласными сделало бы недействительным второе из наших обобщений, но не первое. Если бы на земле не существовало языков без носовых гласных, второе наше обобщение по-прежнему сохраняло бы силу, поскольку число носовых гласных не превышало бы числа ртовых гласных. Что же касается нашего первого обобщения, то хотя при этом оно не было бы опровергнуто, строго говоря, оно утратило бы смысл своего существования. Носовые гласные все равно по-прежнему имплицитовали бы ртовые гласные, но и ртовые гласные теперь, в свою очередь, тоже имплицитовали бы носовые гласные; импликация становится взаимной, и иерархическое отношение разрушается.

Мы можем пойти еще дальше и рассмотреть частотность ртовых и носовых гласных в тексте. Насколько можно судить по все еще немногочисленным исследованиям, частота встречаемости носовых гласных всегда меньше — по правде говоря, гораздо меньше — частотности ртовых гласных. Результаты, которые пока имеются в нашем распоряжении, представлены в таблице 2'*. В этом случае логическая независимость результатов от указанных выше универсалий еще более очевидна, — ведь существует возможность того, что число носовых гласных в языке Рапно или меньше числа ртовых, но тем не менее их частотность в тексте была бы выше, чем у ртовых, а это, по-видимому, в действительности никогда не наблюдается. В целом возможно еще сильное утверждение. Там, где, как это чаще всего бывает,

Источники приведенных подсчетов следующие: для французского языка 1 000 гласных в романе: *Stendal. Le rouge et le noir*. Paris: Champion, 1933; Гринберг; для португальского языка 1 000 гласных на с. 11, 21, 31 книги *E. 'wdo Celso. Formagao economic;! do Brasil*, 4 '■ ed. Rio de Janeiro: Editora Fundo <-ultura, 1961 — Гринберг; для языка тикуну (Южная Америка) 500 гласных IQ,S ^ книги *Anderson Doris G Conversational Ticuna*. Peru: Yarinacoelia Press, p z, ~ Гринберг; для языка мунду (Африка) 500 гласных на с. 179 книги *Vandame • iciHes*. Le Ngambay-Moundou. Dakar: Institut Frangais d'Afrique Noire, 1913 — //> . ' " " ' Ю1Я языка чирикахуа: первые 1 000 гласных на с. 5, 10, 15 книги *Hoijer 19W^u ^1^meatlat* and *Mescalero Apache Texts*. Chicago: University of Chicago Press, /f . " ~ Гринберг; для языка бенгали; из статьи *Ferguson Charles A. and Chowdhury *101-* The Phonemes of Bengali // *Language*, 36, January-March, 1960. P. 22-59.

Таблица 2

	Ртовые гласные	Носовые гласные
Бенгальский язык	98,1	01,9
Чирикахауа	92,6	07,4
Французский язык	82,5	17,5
Мунду	81,6	18,4
Португальский язык	86,0	14,0
Тикуна	89,0	11,0

каждому носовому гласному соответствует гласный ртовый, для каждой конкретной пары гласных звуков частотность носового гласного как правило меньше, чем частотность его ртового соответствия. Имеется, однако, по крайней мере одно исключение. Во французском языке, по данным Вальдмана, частотность ²⁾ превосходит частотность его неносовой пары *o*

Мы можем суммировать полученные нами результаты, указав, что возможно сформулировать ряд универсалий об отношении ртовых и носовых гласных, и эти полностью или частично логически независимые друг от друга универсалии все указывают на то, что ртовые гласные имеют относительно более фундаментальный статус в человеческой речи, чем гласные носовые.

Случай с ртовыми и носовыми гласными отнюдь не является изолированным. Существуют и другие ряды фонетических явлений, для которых можно сформулировать несколько лингвистических обобщений; и в каждом случае они ведут к установлению аналогичным путем лежащего в основе иерархического отношения. В качестве еще одного примера возьмем отношение между согласными, произносимыми при одновременной смычке голосовой щели в гортани (так называемые глоттализированные согласные), и их неглоттализированными соответствиями. Глоттализированные согласные не встречаются в языках Европы, но зато они широко распространены в других регионах, — например¹⁾

¹⁾ *Valdman Albert. Les Bases statistiques de l'antériorité articulatoire du français moderne. Paris: Editions D'Artrey, 27 (April 1955). P. 102-110.*

американских языках, на Кавказе и в Эфиопии. Об отношении между глоттализированными и неглоттализированными согласными можно сформулировать ряд обобщений, которые сходны с обобщениями о носовых и ртовых гласных; в этом случае базовыми предстают неглоттализированные согласные по сравнению с глоттализированными. Так, наличие в языке глоттализированных согласных имплицитно подразумевает присутствие в нем неглоттализированных согласных, но не наоборот. По существу, во всех языках обнаруживается некоторое количество неглоттализированных согласных, подобно тому как во всех языках есть некоторое количество ртовых гласных. Число глоттализированных согласных фонем никогда не превышает числа неглоттализированных согласных, и общая частотность в тексте неглоттализированных согласных во всех случаях, которые были до сих пор изучены, значительно выше частотности глоттализированных согласных. И опять, за редким исключением, это имеет силу и для любой пары, состоящей из глоттализированного согласного и его неглоттализированного соответствия.

Отношения, аналогичные только что описанному противопоставлению носовых/ртовых у гласных и противопоставлению глоттализированных/неглоттализированных у согласных, сохраняют силу и для некоторых других явлений.

Еще более высокой степени обобщенности можно достичь, если рассмотреть артикуляционную и акустическую природу для каждой пары звуковых явлений — менее базового и более базового. Менее базовые явления всегда оказываются более сложными, и это можно определить тем или иным объективным способом. Так, носовые гласные имеют резонансную камеру — носовую полость — в добавление к полости рта, где образуются ртовые гласные. Глоттализированные согласные образуются при смыкании голосовой щели в качестве дополнительной артикуляции при их произнесении. В терминологии Пражской школы более сложные явления называются *маркированными*, а более простые — *немаркированными*. Таким образом, мы можем в общих чертах представить обобщение о более базовом статусе менее сложных артикуляций. Более того, операция, которая здесь используется, Дишана от традиционного обвинения в порочном круге, которое обычно выдвигают против теорий, исходящих из понятия Ростоты, иначе говоря, против теорий, в которых утверждает-

ся, что некоторые варианты решения проблем предпочтительнее других, потому что они являются более простыми. Наличие по*рочного крута в рассуждении можно показать следующим образом: «Более простые варианты являются предпочтительными. Мы знаем, что они более просты, потому что они в действительности являются предпочтительными». Однако в той процедуре, которая была описана здесь, исследуются определенные объективные отношения между звуковыми явлениями, без какого-либо обращения к предполагаемой простоте или сложности. И только затем обнаруживается, что базовое явление в каждой из оппозиций является более простым*, причем это можно сформулировать объективно на основе физиологических и акустических факторов, независимо от ранее индуктивно созданных обобщений.

Термины *маркированный* и *немаркированный* были применены также и к грамматическим категориям. Такое использование терминов оправданно, поскольку там, в общем-то аналогичным образом, обнаруживаются иерархические отношения равно далеко идущего характера. В качестве примера возьмем категорию числа в ее наиболее обычном виде — как различие между единственным и множественным числом. У существительных, как и у местоимений, прилагательных и глаголов, единственное число, по-видимому, всегда является базовым, или немаркированным членом, а множественное число — маркированным и небазовым. Это отношение обнаруживает себя разными способами. Частотность единственного числа в тексте всегда значительно выше, чем множественного. В тех языках, где другие категории, такие как род и падеж, сосуществуют с категорией числа, множественное число всегда обнаруживает меньшую чем в единственном числе, или равную с ним дифференциацию в отношении взаимодействующей категории или категорий. Например, у прилагательных в русском языке различаются три рода — мужской, женский и средний — в единственном числе и только один ряд форм, безразличных к роду, имеется в множественном числе. В латинском языке два падежа — Д^атив и аблатив — во множественном числе всегда тождественно по форме, тогда как в единственном числе они обычно

В оригинале здесь: *more complex* — по-видимому, опечатка. — Прим. №

тся. Далее, для немаркированной категории типично отсутствие внешне выраженного показателя. Так, в английском языке у существительных единственное число указывается просто нулем, тогда как множественное число, за исключением небольшого числа нерегулярных форм, выражается одним из трех вариантов *v*, *A* или *I^{Xb}I* (на письме *s* или *-es*). В тех случаях, когда нуль не используется, у немаркированного члена категории обнаруживается обычно большая степень нерегулярности. Например, у немецких существительных все формы датива множественного числа единообразно имеют *-n* или *-en*, в зависимости от чисто механических фонологических факторов, тогда как дативный падеж единственного числа варьирует в зависимости от рода и от класса склонения.

Распространенной семантической характеристикой маркированной категории можно считать *факультативность ее выражения*. Примером может служить выражение множественности при помощи суффикса *-till* у существительных в корейском языке. Его употребление не является обязательным. Так, форма, имеющая нулевое выражение и называемая в корейских грамматиках единственным числом, может быть в одних случаях интерпретирована как единственное число, но в других случаях — как множественное. Было бы вероятно правильнее сказать, что Форма, которую обычно определяют как «единственное» число, занимает, если нет уточнения, место либо члена единственного числа в этой оппозиции, либо выступает как категория единственного/множественного числа в целом, в то время как «множественное число» может выступать только как множественное число. Совершенно так же, если взять не грамматический пример, а лексический, в английском языке *man* — немаркированный член противопоставления «*man* 'человек, мужчина'/и'отй/? 'женщина'» символизирует либо *man* 'человеческое существо' (категория, включающая и мужчин, и женщин), либо *man* 'человеческое существо мужского пола', в то время как *woman*, маркированный член противопоставления, может означать только 'женщина'.

Иерархическое отношение маркированного и немаркированного членов является лишь одной из ряда очень общих закономерностей такого рода, каждая из которых лежит в основе той серии конкретных универсалий. Если снова обратить-

ся к фонологии, то существуют определенные характеристики связанные со способом организации физиолого-акустической непрерывности, из которых наиболее разительной является несомненно тенденция к бинарной поляризации, что стало основой фонологической теории бинарной школы. Как правило, когда дается такой континуум, из всех теоретически возможных членений гораздо более распространенным является деление именно на два члена, и в качестве реализации выбираются два физических полюса, а не какие-либо промежуточные точки. Например, хотя возможны разные степени округления губ и все они производят акустически различаемые стимулы, насколько известно, нет ни одного языка, в котором различительно использовалось бы больше двух степеней округления губ: крайние точки — наличие и отсутствие лабиализации. Или еще, гласные можно произнести с различной долготой, так что получится значительное число степеней долготы, однако ни в одном языке не обнаружено более, чем две противопоставленных степени долготы.

С другой стороны, в тех случаях, когда круг различаемых звуков более широк, как для высоты подъема языка или уровня высоты тона у гласных, наиболее часто встречаются три различительных качества, представляющих собой стремление к оптимальному членению пространства: два крайних полюса и приблизительная средняя точка. Так, ни в одном языке, где существуют гласные трех ступеней подъема языка, не встречаются, скажем, гласные верхнего подъема, гласные средне-верхнего подъема и -гласные среднего подъема, то есть использующие только одну сторону континуума, но встречаются, как правило, гласные верхнего, среднего и нижнего подъема.

Еще одна закономерность, связанная с членением непрерывности, представляет больший интерес для грамматической и семантической категоризации: в целом, мы наблюдаем стремление избежать прерывности. Иллюстрацией может послужить следующее. Ни в одном языке, имеющем категорию числа, не встречается, например, такая система, в которой ряды с одним или членами принадлежали бы к одной категории, а ряды с четырьмя и более членами принадлежали бы ко второй. Наиболее распространенные системы — это «один/два/три или более», «один/два/три или более» и гораздо реже встречающиеся

«один/два/три/четыре или более» и «один/два/три/четыре/пять или более».

Аналогичную закономерность можно увидеть в действии в семантике терминологии родства. В типологической классификации терминологий родства, которая стала к нашим дням традиционной, системы родства классифицируются на основе имеющих в них обозначений близких родственников мужского пола первого восходящего поколения. Имеются в виду следующие типы родственников — отец, брат отца и брат матери. Существуют пять логически возможных типов таких терминологических систем: если мы обозначим указанные типы родственников буквами А В и С, тогда первый тип терминологической системы — это такой тип, в котором все три родственника обозначаются одним термином; возможны три типа систем, в которых существуют два термина: в первой одним термином обозначаются А и В, вторым — С; во второй системе один термин называет А и С, а второй — В; в третьем случае одним термином обозначаются В и С, а вторым А; наконец, возможна система с тремя терминами, в которой каждый тип родственника А, В и С обозначен отдельным термином. Первый тип терминологий родства, при котором одним термином обозначаются отец, брат отца и брат матери, называется *поколенческим (generational)*. Система, в которой один термин обозначает отца, а другой — брата отца и брата матери, называется системой *прямого-бокового родства (lineal)*. Английская система родства принадлежит к типу прямого-бокового родства, поскольку в ней противопоставляются только *father* 'отец' как родственник по прямой линии и *uncle* 'дядя' как родственник по боковой линии. Широкое распространение имеет тип систем, при котором существует один термин для отца и брата отца и другой для брата матери; это *раздвоенно-слитный тип (bifurcate >ne/ging)*, разграничивающий родство по линии отца и полиции матери, и тип, в котором для А, В и С используются отдельные обозначения, — он называется *раздвоенно-коллатеральным (bifurcate collateral)*.

Однако одна из логически возможных систем никогда не встречается — это система, в которой одним термином обозначаются отец и брат матери, и другим — брат отца. Такая система предполагала бы некий вид логической дизъюнкции или

разрыва непрерывности, что обнаруживается при анализе общего признака, который может либо объединять, либо разделять различные типы родственников. Так, мы можем разделить родственников по линии: прямое родство (отец) / боковое родство (брат отца, брат матери). В таком случае в несуществующей системе родственник по прямой линии объединялся бы только с одним из двух родственников по боковой линии, и тем самым принцип деления был бы нарушен. Второй принцип разграничения родственников основан на принадлежности к одной линии наследования (*unilineal affiliation*), и он объединяет отца и брата отца — родственников по отцовской линии, в противопоставление брату матери — родственнику с материнской стороны. Как можно видеть, указанная гипотетически возможная система нарушала бы и этот принцип деления. Таким образом, не существует признака, основанного на родстве по крови или по браку, который позволял бы отнести к одному классу отца и брата матери и исключал бы брата отца^{3*}.

Из этих и других сходных примеров можно видеть, что конкретные синхронические универсалии во многих случаях являются не изолированными, но частью более всеобъемлющих структур, хотя, возможно, в настоящее время мы находимся только на начальной стадии их точного определения. Если допустить существование таких более широких закономерностей, тогда, поскольку язык — явление динамическое, из этого следует, что структурные ограничения предполагают и ограничения на те виды изменений, которым системы могут подвергнуться. Что бы ни происходило в процессе исторического развития, существуют определенные инварианты — а именно универсальные свойства языков — которые должны сохраняться в ходе изменения. А это значит, что должны существовать закономерности диахронического процесса, подобно тому, как существуют

³ Это не просто проблема понятийной классификации. Дело в том, что категории, как мужской пол, восходящее поколение, линия наследования азы с определенным структурированием родственников, что предполагает различия с их поведением, отношениях друг с другом, членстве в родственных группах и т. п. Отсюда следует, что отсутствие основополагающего признака, который позволил бы объединить отца в один класс с братом матери и при этом ^ включать туда брата отца, имеет соответствие в особенностях поведения

закономерности статического сосуществования; и эти два ряда закономерностей должны быть взаимосвязаны. И по существу тот (факт, что вопрос о синхронии обычно возникает раньше вопроса о диахронии, является, по всей видимости, результатом глубоко укоренившегося к нашему времени обыкновения, порожденного полувековым господством структурализма. С точки зрения логики мы могли бы с таким же правом рассматривать регулярные черты процессов как первичные, а их результаты в синхронии как предсказуемые последствия. И действительно, как будет показано в следующей главе, имеются конкретные случаи, когда естественным и интуитивно предпочтительным представляется подход, при котором процесс является первичным, и из него возникают регулярные явления состояния языка.

IX

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ

В предыдущей главе мы рассмотрели возможности создания совокупности упорядоченных общих закономерностей относительно языка путем систематического сравнения синхронических описаний; теперь мы обращаемся к соответствующим проблемам в области языковых изменений. В этой связи, те конкретные случаи изменения, которые обнаруживаются с помощью прямого исторического метода и метода реконструкции классического сравнительно-исторического языкознания, предстают как индивидуальные проявления нашего мира, сопоставимые с типологическими характеристиками отдельных языков *n* сравнительных синхронических исследованиях. Подобно тому как можно попытаться обобщить исторически не связанные синхронические явления, совершенно так же можно попытаться обобщить и исторически независимые случаи *процессов*, — иначе говоря, изменения, сходные типологически.

Выбирая такой подход, мы в какой-то степени вступаем в противоречие с некоторыми распространенными в лингвистических исследованиях пресуппозициями. Считается, например, что соответственно двум основным типам классификации языков — генеалогической и типологической — существуют и два типа сравнения: генетическое, которое является частным и историческим, и типологическое, которое является обобщающим и синхроническим. Такой взгляд во многом совпадает с широко известной дихотомией истории и науки, восходящей к традициям немецкой философии XIX века, как они представлены в трудах* таких ученых, как Виндельбанд и Риккерт¹.

¹Это различие выражено в широко известных терминах Виндельбанд и Риккерт в противопоставлении дисциплин, имеющих дело с законами (nomothetic, наУ

Взгляд на диахроническую лингвистику как на науку частную, по-видимому, подкреплялся преимущественным употреблением термина *сравнительный* применительно к конкретным генетическим реконструкциям и истории конкретных языков. Это вполне естественно, поскольку такие исследования уже предполагают сравнение результатов синхронных исследований. Казалось, поэтому, что хотя у диахронической лингвистики тоже есть свой сравнительный метод, он ведет только к установлению конкретных исторических событий, в отличие от синхронического типологического сравнения, которое стремится к установлению общих законов.

Эта концепция поддерживалась также и представлением остром разделении диахронического и синхронического аспектов лингвистики, что составляло самую суть доктрины де Соссюра, предтечи современного структурализма. Обратив внимание лингвистов на самостоятельное значение синхронных исследований и на существование упорядоченных структурных отношений на оси одновременности языка, Соссюр сделал важное и необходимое дело. Если какая-то идея и была общей у различных структуральных школ, которые играли доминирующую роль в лингвистике в постсоссюровский период, то это была убежденность в огромном значении и ценности внутриязыковых синхронных отношений. И надо сказать, триумф подобных идей был настолько полным, что в отличие от ситуации в XIX веке Диахроническая лингвистика, хотя она все еще признавалась занятием, достойным восхищения, перестала занимать центральное место на теоретической сцене.

Было поэтому вполне естественно, что когда лингвисты снова стали обращаться к проблемам языковых универсалий, они пользовались при этом главным образом языком синхронии, к которому они привыкли за прошедшее с тех пор время. В дальнейшем изложении мы постараемся не столько опровергнуть сложившееся мнение, используя общие аргументы, сделаем попытку на конкретных примерах показать, можно достичь диахронических обобщений и, что быть мо-

¹*) и дисциплин, изучающих единичные, неповторимые явления
Ист. (idiographic),
²Г>ических дисциплин.

жет еще более важно, продемонстрировать, как диахронические и синхронические закономерности во многих случаях тесно связаны между собой и проливают свет друг на друга. Дело следовательно, заключается не в том, чтобы отдать первенство диахронической или синхронической, лингвистике, но в том чтобы изучить их взаимосвязи.

Может показаться, что известный приоритет все же следует отдать синхроническим исследованиям, поскольку диахронические выводы можно делать только из сравнения описаний уже осуществленных с помощью синхронического метода. Такое мнение в известной мере верно, но при этом не следует забывать, что понятие чисто синхронического описания является само по себе некой идеальной фикцией, несомненно в высшей степени полезной и даже необходимой в научном исследовании, но об идеальном характере подобных исследований нужно всегда помнить. Мы уже видели, обсуждая выше вопросы фонологии, что свободное варьирование звуков, таких, например, как *ʒ* и *h*, не образующих эксклюзивного класса с точки зрения синхронической классификации, может вторгаться в синхроническое описание и что указание направленности происходящего изменения является основополагающим фактом в динамически организованном синхронном описании.

В дальнейшем изложении выбор тех или иных возможных типов диахронических универсалий не имеет принципиального значения для рассмотрения отношений диахронии и синхронии, и мы начнем с некоторых дополнительных соображений, возникших в связи с типом синхронических обобщений, обсуждавшихся в предыдущей главе.

Как было показано, иерархические имплицативные отношения в фонологии можно установить на основе типологических классификаций, в которых один или более логически возможных классов не имеют, как оказывается, эмпирической экзemplификации и не представлены реальными языками. Так, если вернуться к первой из рассмотренных проблем — отношению между носовыми и ротовыми гласными — то выяснилось, что только O^c из четырех логически возможных типов языков, определенны* на основе наличия или отсутствия соответственно ртовых и вых гласных, обнаружены в действительности, — а именно о

тип, ^B в котором встречаются только ртовые гласные и который мы назовем типом А, и другой тип, в котором имеются и ртовые, и носовые гласные и который мы обозначим как тип В.

Как мы уже указывали, обсуждая различие между типологическими и генетическими критериями, типологически сходные языки могут возникать неоднократно и в исторически не связанных друг от друга случаях, тогда как родственные языки в процессе развития от генетически единообразной основы могут типологически изменяться по-разному. Из этого следует, что должны существовать случаи, анализируя которые с помощью прямого исторического или сравнительно-исторического метода, мы могли бы проследить изменение от типа А к типу В или наоборот. В обычном случае мы можем утверждать, что для любой типологической классификации, в которой использован один или несколько критериев, возможно поставить вопрос об изменении между любыми двумя существующими типами и в любом из двух направлений. Таким образом, мы можем для каждой типологической классификации построить диаграмму «состояние — процесс», которая иллюстрирует наиболее простой случай отношения типов языков, связанный с наличием или отсутствием ртовых или носовых гласных (см. рис. 3).

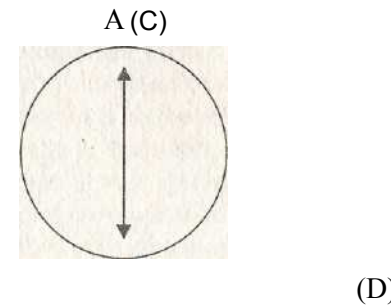

Рис.3

Поскольку, как мы уже видели, ртовые гласные являются базовыми — они присутствуют во всех языках и, таким образом, ^{OH} и имплицитно являются наличием носовых гласных, — носовые гласные можно считать неким дополнительным явлением. Это ведет

к необходимости переформулирования нашего вопроса в следующей форме: посредством какого процесса или процессов язык в котором были только **ртовые** гласные, приобретает носовые гласные (иначе говоря, как языки переходят из типа А в тип В)¹⁾ Теорию, которая дает ответ на такого рода вопрос, можно назвать *теорией соотносительного происхождения* (*o theory of relative origin*), поскольку она указывает, как возникли носовые гласные в независимых друг от друга случаях в разное время и в различных местах. И точно так же мы могли бы задать вопрос, каким образом языки, имеющие и ртовые, и носовые гласные, утрачивают носовые гласные и изменяются снова из типа В в тип А. Такой способ формулирования вопроса, исходя из соотносительного происхождения и исчезновения носовых гласных, отдалека должно нашей интуиции, ведь поскольку ртовые гласные встречаются во всех языках, не требуется никакой диахронической теории для объяснения их существования в каком-либо конкретном случае, тогда как для носовых гласных, наличие которых в том или другом языке не является обязательным, такая теория действительно имеет смысл.

Отметим теперь, что когда мы задаемся вопросом о соотносительном происхождении носовых гласных, то чтобы получить на него ответ, мы должны будем сопоставить результаты конкретных исторических и генетических сравнительно-исторических исследований, которые сами по себе независимы друг от друга, то есть относятся к разным языковым семьям и различным хронологическим периодам. Иными словами, точки зрения методологии, мы движемся к более широкой форме сравнения, когда фигурирующие в сравнении индивидуальные случаи сами являются результатом применения сравнительно-исторического метода использованного в более узком, традиционном его полимании.

Как представляется, удовлетворительная теория происхождения носовых гласных была сформулирована в виде универсалии Фергусоном: «Носовые гласные, если оставить в стороне заимствования и образования по аналогии, всегда являются следствием утраты первоначальных носовых согласных»²⁾.

¹⁾ Ferguson C. A. Assumptions About Nasals: A Sample Study in Phonologic Universal; / in Joseph H. Greenberg, ed. // Universals of Language. Cambridge, M

В данной формулировке в скрытой форме содержится указание на обычную последовательность событий, из которых утрата I носового согласного выступает последним и решающим событием — придающим носовым гласным статус самостоятельных фонем. Начинается же все с того, что в языке, обладающем только ртовыми гласными, у этих гласных иногда появляются носовые аллофоны в тех случаях, когда за ними следует или им предшествует носовой согласный. Поскольку носовые согласные встречаются почти во всех языках мира и поскольку последовательности CV и VC (где C — согласный, а V — гласный) являются универсальными, почти во всех языках имеются последовательности типа NV и VN (где N — носовой согласный). Если нефонематическая — то есть предсказуемая — назализация происходит в последовательностях NV или VN или и в той и в другой одновременно, получаются NV или VN или и то и другое (где V обозначает назализованный гласный). В тех случаях, когда рядом с гласным нет носового согласного, гласный сохраняет свой оральный характер. Если же впоследствии происходит событие, указанное Фергусоном, — а именно, утрата носового согласного в этих окружениях, — ртовые и носовые гласные оказываются в прямом противопоставлении. Например, если речь идет о VN, тогда на первом этапе такая последовательность, как **ant* превращается в **ant*, тогда как **at* сохраняется без изменения. На втором этапе происходит утрата *n* и **al* (дает **at*, которое теперь прямо противопоставляется **at*

Теорию соотносительного происхождения, которую мы только что кратко обрисовали, можно считать диахроническим аналогом синхронических имплицитивных универсалий. Однако вместо двух признаков в одном синхронном состоянии здесь имплицитивное явление выступает как свойство данного языка в какой-то определенный период времени, а имплицитивное свойство — это свойство того же языка в более ранний период. Если представить это в формальном выражении, мы получим: $(\$)\mathbf{f}_t^* \sim^* W)Lt_2$, где t_j — время более раннее, чем B . В нашем примере ϕ —

²⁾ T. Press, 1963. P. 42-47. (Рус. пер.: Фергусон Ч.А. Допущения относительно носовых: к вопросу о фонологических универсалиях. Новое в лингвистике. Вып. V. М.-П., Прогресс, 1970. С. 105-113. — Прим. персе.)

это свойство обладания носовыми гласными фонемами, а *-ф* Л свойство обладания назализованными аллофонами, которые обусловлены наличием носовых согласных. На самом деле требуется нечто большее, чем данное выражение, но для этого существуют системы логических символов оказываются неудобными. Мы не просто утверждаем, что в более раннем состоянии языка назализованные аллофоны гласных существовали в указанных условиях, но постулируем также, что в языке имеются внутренние родственные формы, в которых назализованные впоследствии гласные фонемы являются историческим продолжением более ранних назализованных аллофонов. Поскольку обобщающая формулировка такого рода, как мы видели, представляет собой констатацию регулярного звукового изменения, здесь утверждается, что звуковое изменение произошло раньше, или точнее, утверждается последовательность таких изменений: (1) появление носовых аллофонов и (2) утрата носовых согласных.

Для синхронических универсалий имплицитный член является базовым элементом. Для соответствующих диахронических универсалий имплицитный член — это свойство более раннего состояния языка. Сказанное согласуется с нашим интуитивным представлением о том, что в исторических процессах более ранние явления объясняют явления более поздние, а не наоборот.

Выдвигая теорию соотносительного происхождения носовых гласных, мы вместе с тем должны признать ограниченность того, что утверждается. Так, ничего не говорится о временном интервале между *t* и *ti*, не утверждается также, что в языке, не имеющем носовых аллофонов они в конечном счете обязательно возникнут или что, если они возникнут, в конце концов они станут самостоятельными фонемами. Иными словами, здесь нет элемента предсказуемости. По существу утверждается только, что в каком бы языке мы ни находили назализованные гласные, они везде появились в результате последовательности двух изменений типа описанных выше.

Теперь можно рассмотреть отношение между только что приведенной диахронической универсалией и рядом синхронных обобщений относительно ртовых и носовых гласных. Как представляется, некоторые из этих синхронических обобщений *МОЩ*

ить выведены логически с помощью аргументов, в которых диахронические универсалии фигурируют (хотя и не исключительно) в посылках.

Уже отмечалось, что частотность в тексте носовых гласных всегда меньше частотности ртовых гласных. Обратимся к происхождению назализованных гласных из последовательностей типа VN (та же самая аргументация с соответствующими поправками сохраняет силу и для других типов последовательностей). Если назализованные гласные возникают из более древних последовательностей «гласный плюс носовой согласный», тогда по завершению изменений общая частотность носовых гласных должна соответствовать более ранней относительной частотности, с которой за ртовыми гласными следовали носовые согласные, сравнительно с теми случаями, когда за ртовыми гласными не следовали носовые согласные. То, что это действительно так, представляется а priori правдоподобным в качестве синхронического обобщения. Если мы допускаем, что некоторые другие обстоятельства — устаревание форм, появление новых единиц словарного состава и морфологическая аналогия — оказывают случайное воздействие, тогда синхроническую универсалию о большей частотности в тексте ртовых гласных можно будет вывести из теории диахронического происхождения в сочетании с синхронической гипотезой о частотности — о большей частотности гласных, за которыми не следуют носовые согласные, по сравнению с теми гласными, за которыми носовые согласные следуют.

Хорошую возможность проверить эту теорию дают латынь и Французский язык³¹, поскольку латинские гласные, за которыми следовали носовые согласные, являются историческими предшественниками назализованных гласных французского языка^{ка}. В классической латыни частотность гласных, за которыми^в том же слоге следовали носовые согласные, составляла 14,7^{по} сравнению с 85,3 для гласных, не сопровождаемых носовыми

Источник материала для французского языка указан в главе VIII (сноска I) 'Стоящей книги; данные, касающиеся латинского языка, основаны на произведенном лично автором подсчете первой 1000 гласных в «Письмах» Цицерона^{ТВк}-Н1. Letters I, 3, 5, 7, 9).

согласными; во французском языке относительная частотность носовых гласных — 17,5, а ртовых гласных — 82,5.

Диахронические соображения помогают также при выведении синхронической универсалии, согласно которой [число] носовых гласных фонем никогда не превышает числа ртовых гласных фонем. Для этого мы снова используем пример с происхождением носовых гласных из последовательностей типа VN. Обычно ряд гласных, встречающихся в сопровождении носового согласного, совпадает с рядом гласных, появляющихся во всех других окружениях. Если это так, тогда в то время, когда возникли носовые гласные, каждой носовой гласной должна была соответствовать ее пара — ртовая гласная, отличавшаяся от нее! только отсутствием назальности; число тех и других гласных должно было быть одинаковым.

Насколько можно судить, не существует языков, в которых разнообразие гласных перед носовыми согласными было бы больше, чем в других окружениях. Если это наблюдение справедливо, тогда при возникновении носовых гласных их число может совпадать с количеством ртовых гласных или быть меньше, но никогда не превышает числа ртовых гласных. К этому можно добавить еще один диахронический факт, — а именно, что слияние, по-видимому, чаще наблюдается у носовых гласных, чем у ртовых. Мы могли бы предложить здесь диахроническую универсалию такого содержания: слияние любой пары ртовых гласных предполагает предшествующее слияние соответствующей пары носовых гласных там, где есть их соответствие. Например, в современном парижском диалекте французского языка носовая гласная *сё* сливается с *е*, тогда как соответствующие ртовые гласные *се* и *с* продолжают различаться. Представляется, таким образом, что существует некий механизм уменьшения числа носовых гласных относительно числа ртовых гласных, но нет соответствующего механизма, который действовал бы в противоположном направлении. Если суммировать сказанное: синхроническая универсалия о том, что число носовых гласных никогда не превышает числа ртовых гласных, выводится из двух диахронических универсалий: теории происхождения носовых гласных из последовательностей, включающих носовые согласные, а также из теории о более частом слиянии носовых гласных по сравнению

с ртовыми, а кроме того, из одной синхронической универсалии, утверждающей, что число различных гласных фонем, за которыми следуют носовые согласные, меньше, или, в самом крайнем случае, равно количеству гласных в других окружениях.

Как мы уже отмечали, наше наблюдение о частотности носовых и ртовых гласных имеет только статистическое значение. Хотя частота встречаемости той или иной конкретной носовой гласной почти всегда ниже, чем частотность ее ртовой пары, существует небольшое число примеров обратного характера. Возможность подобных исключений выводится из диахронического обобщения относительно более частых случаев слияния, наблюдающихся у носовых гласных. Это явление вполне объяснимо; когда какие-то носовые гласные сливаются, получившийся в результате этого гласный, который наследует теперь общую частотность всех своих отдельных предшественников, должен превосходить по частоте встречаемости соответствующий ртовый гласный, частотность которого не возросла за счет слияния с другим гласным в течение того же периода времени.

Мы еще не рассматривали обратный процесс, то есть процесс, в результате которого язык типа В, имеющий и ртовые, и носовые гласные, переходит в тип А — становится языком без носовых гласных. Такой процесс представляется просто как утрата назализации. Если в языке имеется ртовая гласная, которая совпадает с носовой гласной по всем признакам кроме назальности, тогда мы имеем дело с поглощением (*coalescence*). Можно сформулировать как диахроническую универсалию, что если происходит необусловленное слияние носовой и ртовой гласной, результатом всегда является ртовая гласная. Ввиду того, что носовая гласная обычно имеет низкую частотность, число значимых форм, различаемых противопоставлением оральной назальности в конкретном языке, скорее всего невелико. Это является, как в случае слияния носовых гласных с другими носовыми гласными, вероятным фактором, благоприятствующим слиянию. Такое предположение обычно называют *теорией функциональной нагрузки* (*theory of functional yield*)⁴. Однако, как

⁴ И в кратком изложении теория функциональной нагрузки заключается и том, что. "При прочих равных условиях, тенденция к слиянию двух звуков тем сильнее,

будет показано ниже, всегда наблюдается действие и других факторов, — например, большее перцептивное сходство носовых гласных друг с другом, чем сходство между собой ртовых гласных, — что затрудняет верификацию этой теории опытным путем.

Отношение между носовыми и ртовыми гласными было рассмотрено выше как пример общей синхронической закономерности отношения между маркированной и немаркированной категориями. Результаты наших диахронических наблюдений также, по крайней мере предварительно, можно представить в виде обобщений исходя из того же класса оппозиций. Как правило, маркированное явление возникает в результате первоначально нефонематического изменения обширного класса звуков (называемого здесь *базовым классом*); этот класс соседствует с одной конкретной фонемой или с более ограниченным классом фонем (который можно назвать *независимой сегментной формой* {*independent segmental form*}) маркированного явления. Так, при возникновении назализованных гласных класс ртовых гласных является базой, тогда как более ограниченный класс носовых согласных — это независимая сегментная форма маркированного признака назальности. Назализованные гласные возникают путем инкорпорирования признака назальности независимого сегмента (носовых согласных) в базу, а сам независимый сегмент в ходе этого процесса утрачивается. Аналогичным образом оппозиция между маркированным явлением палатализованности и немаркированным явлением непалатализованности может возникать из-за соседства базового класса, состоящего из всех согласных или некоторого подкласса согласных, с независимым сегментом. Однако независимый сегмент исчезает не всегда. Например, при палатализации независимым сегментом, может быть и гласный переднего ряда /, который обычно не утрачивается, но в конечном счете сливается с другим гласным.

чем меньше число значимых пар, в которых эти звуки являются единственным источником различия. Наложение этой теории см., в частности, в книге: *Штиртинет Андре. Economic des changements phonétique: traité de phonologie diachronique*¹⁴ Berne: A. Francke, 1955. (Рус. пер.: *Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях*. М.: ИЛ, 1960. — *Прим. персе.*)

Из примера с носовыми и ртовыми гласными, казалось бы, было путем обобщения вывести противоположный по направлению процесс — предположить утрату немаркированного явления в результате слияния с соответствующим маркированным явлением. Однако, в действительности, если бы процесс протекал в таком направлении, чтобы, например, все ртовые гласные превратились бы в носовые, получилась бы система, противоречащая синхронической универсалии, на которой было основано первоначальное понятие иерархии — и именно в этой новой системе существовали бы носовые гласные, но не было бы гласных ртовых. Мы видим, следовательно, что синхронические и диахронические закономерности, несомненно, связаны между собой, поскольку никогда в процессе изменения не может появиться система, нарушающая синхронические нормы.

Если вновь вернуться к отношению ртовых и носовых гласных, то можно увидеть, что теория происхождения носовых гласных путем назализации ртовых гласных в окружении носовых согласных находит мощную поддержку в соответствующей синхронической универсалии. В различных частях мира существует ряд языков, в которых наблюдается аллофоническое чередование ртовых и носовых гласных. В каждом таком случае, насколько нам известно, условием для появления у гласного назализованного аллофона является соседство носового согласного. Вообще каждый постулируемый тип исторически обусловленного звукового изменения обычно получает отражение в аллофоническом варьировании в каком-либо из огромного количества языков, имеющих синхронические описания. Гипотезы об исключительном происхождении опровергаются существованием в языках чередования аллофонов, которое предполагает наличие обуславливающего фактора, а это несовместимо с указанной теорией.

Важное значение диахронической теории для объяснения исключений в системе иерархических отношений маркированного и немаркированного явления в синхронии уже было проиллюстрировано примерами, в которых тот или иной конкретный носовой гласный имеет более высокую частотность, чем соответствующий ему ртовый гласный, потому что он получился в результате совпадения нескольких до того различавшихся носовых гласных. Другой пример связан с различительной долготой

гласных. В целом, в тех языках, где в системе гласных существуют две противопоставленные долготы — краткость и долгота — именно долгим гласным присущи характеристики маркированного или подчиненного явления. Так, общая частотность долгих гласных всегда, по-видимому, ниже, чем у кратких гласных и это соотношение обычно сохраняет силу для каждой пары! Далее, можно с уверенностью утверждать, что дополнительная долгота есть следствие некоторого дополнительно добавленного признака, такого как назализация, глоттализация и т. п. Однако в отличие от закономерностей, наблюдаемых в других случаях здесь замечено, что достаточно часто встречаются языки, в которых долгие гласные фонемы более многочисленны, чем краткие. Данная особенность становится понятной, если мы вновь! обратимся к диахроническим теориям соотносительного происхождения. Существует значительное многообразие диахронических процессов, благодаря которым могут возникнуть системы, в которых гласные противопоставляются по долготе. В отличие от ситуации с ротовыми и носовыми гласными, в данном случае у нас нет теории эксклюзивного — то есть единого — происхождения. Например, долгота может возникнуть в просодической системе слов, у которых ударные гласные произносятся[^] более долго, чем безударные, и последующие изменения делают противопоставление по долготе фонематическим. Кроме этого, утрата некоторых согласных на конце слога может привести к появлению дополнительной долготы у гласной, которая непосредственно предшествовала этому согласному. Выпадение интервокальных согласных может иметь результатом появление[^] последовательностей гласных там, где их раньше не существовало; позже они могут стянуться в долгие гласные в составе единого слога. Этот последний процесс особенно часто приводит к тому, что в языке оказывается больше долгих гласных, чем кратких-^j Рассмотрим следующую простую модель. На первом этапе в языке существуют три гласных &, i, u; скопления гласных на стыках"; слогов не встречается и отсутствуют какие-либо различия по долготе, которые возникли бы в результате предшествующей утраты согласных в интервокальном положении. На втором этапе в результате стяжения $a+a > a$; $/+/ > /$; $u+u \rightarrow u$; $a+i > e$; $i+a = \&$ $\ddot{y}+u > o$; $u-|a = o$; $i'+U > u$; $(/+/ > u$: — в языке оказывается во-

емь долгих гласных и три кратких. С другой стороны, когда долгота развивается в результате утраты конечной согласной слога, более точно соответствует ситуации с носовыми и рто-^{ми} гласными, и можно ожидать, что, по крайней мере вначале, число кратких и долгих гласных фонем будет одинаковым.

Все это указывает не только на то, что различия в типах универсалий, действительных для маркированных и немаркированных явлений, можно иногда объяснить исходя из диахронии, но также и на то, что в тех случаях, когда существует несколько возможных путей возникновения маркированных — немаркированных явлений, в одном и том же типологическом классе языков обнаружатся, соответственно, различные связанные с ними характеристики. Так, можно ожидать, что в языках, где долгота возникла у гласных, на которые первоначально падало ударение, или в результате стяжения гласных, или вследствие утраты конечной согласной в слоге, обнаружатся регулярные различия, которые приведут к установлению на этом основании различных синхронических подтипов языков.

Еще одну разновидность сложного сравнения, связанную одновременно и с синхроническими, и с диахроническими факторами, можно уподобить последовательным снимкам при фотографировании, что создает впечатление движения, как в кино. По существу, как будет показано дальше, это тот же метод, что был использован для установления динамической взаимосвязи типологических классификаций и продемонстрирован в начале этой главы. Различие носит прагматический характер. Вместо того, чтобы начинать с синхронических универсалий, уже установленных и связанных с типологическими классификациями, мы начинаем с выделения одного типа и изучаем свойства, связанные с типологическим определяющим фактором. Вполне естественно, что мы выбираем некоторое свойство языка произвольно, желательно такое, какое встречается в ограниченном числе случаев, чтобы исследователь имел дело с обозримым корпусом.

Проиллюстрировать этот метод можно при обсуждении проблемы глухих гласных. Подобно назализованным, глухие гласные встречаются только в ограниченном числе языков, тогда как звонкие гласные существуют во всех языках мира. Однако, в отличие от носовых гласных, глухие гласные почти никогда не достигают

статуса фонем⁵¹. Наши выводы основаны на неполной выборке из 50 языков, среди которых большинство составляют языки америндские. Выводы, поэтому, следует считать предварительными. Изучение материала позволило сделать следующие заключения: (1) глухие гласные обычно встречаются на конце высказываний, иногда также на конце слов — конечной позиции обычно оказывается предпочтение по сравнению с неконечной; (2) в тех языках, где гласные противопоставляются по долготе, глухими обыкновенно являются краткие, а недолгие гласные; (3) в языках, где существует ударение, глухими обычно являются безударные, а не ударные гласные; (4) гласные обычно оглушаются, когда за ними следуют глухие согласные, в частности шумные (то есть взрывные, фрикативные, аффрикаты) и (5) гласные, произносимые с минимальным раствором рта, — например, гласные верхнего подъема / и *u* — имеют тенденцию оглушаться чаще, чем гласные нижнего подъема, например, *a*.

Ниже приводятся примеры типичных правил, относящихся к глухим гласным. В языке кампа (аравакская семья языков Южной Америки), в котором существуют четыре гласных / *e, o, a*, только *i* бывает глухим и только в позиции конца слова, где он находится в свободном чередовании со звонким гласным / *i*. В языке тотонак, на котором говорят в Мексике, существуют краткие и долгие *a, i* и *u*, и все краткие гласные в конце высказывания произносятся глухо. В гавайском языке все гласные в конце высказываний являются глухими. В языке ирокезской семьи онейдо, где существует долгота гласных, все краткие гласные в конце высказываний произносятся глухо. I

Исходя из этих и аналогичных фактов, можно предварительно вывести следующие универсалии: (1) наличие долгих глухих гласных предполагает наличие в языке кратких глухих гласных; (2) наличие в языке ударных глухих гласных подразумевает существование безударных глухих гласных; (3) наличие глухих гласных на конце слов предполагает наличие в языке глухих гласных в конце высказываний; (4) наличие глухих гласных

⁵¹Существуют, однако, некоторые америндские языки, в которых противоя поставлена звонких и глухих гласных имеет, по видимому, фонематический статус, — например, команчский, чонтал (семья майя) и санта ана.

рядом со звонкими согласными предполагает наличие в этом языке глухих гласных рядом с глухими согласными и (5) наличие в языке глухих гласных неверхнего подъема предполагает существование и глухих гласных верхнего подъема.

К этому можно добавить еще статистическую универсалию (почти-универсалию), согласно которой почти всегда наличие глухих гласных в середине высказывания предполагает их наличие и в конце высказывания. Из этой универсалии есть три исключения — языки чатино, чонтал и японский; в этих языках глухие гласные встречаются в середине высказывания, но не в конечной позиции. Позднее мы вернемся к японскому языку, потому что в этом отношении он является особенно поучительным примером.

Если глухие гласные рассматривать с точки зрения их происхождения, то здесь обнаруживаются два независимых фактора. Первый фактор — это тенденция к оглушению гласных в конечной позиции, особенно в позиции конца высказывания. Этот фактор оказывает более сильное влияние на гласные, которые относятся к одной из групп «слабых» категорий, — например, к гласным верхнего подъема (которые произносятся при минимальном растворе рта и потому являются менее сонорными), к безударным, кратким, неназализованным и т. п. Ослабление гласных в конечной позиции является наиболее частой причиной появления глухих гласных. В свою очередь эту тенденцию нужно связать с широко распространенной тенденцией оглушения согласных в конце высказываний, а также с падением высоты тона и иными проявлениями ослабления артикуляции в конечной позиции.

Другой (менее распространенной) причиной появления глухих гласных является положение гласных после глухих согласных или перед ними. Здесь также в первую очередь затрагивается «более слабый» тип гласных — гласные, произносимые с минимальным раствором рта, безударные гласные и т. п. Если это Единственный фактор, вызывающий появление в языке глухих гласных, то рядом с паузой гласные не оглушаются, поскольку Глухость в данном случае возникает, как мы видели, только если за гласной следует глухой согласный.

«более часто» и отождествить медленную и тщательную речь, с *lento*, как этот стиль был описан выше, наблюдение, сделанное Блоком, можно перефразировать таким образом: гласные верхнего подъема имеют глухие и звонкие варианты, находящиеся в свободном чередовании и в стиле *lento*, и в стиле *allegro*, но доля глухих гласных в стиле *lento* меньше, чем в стиле *allegro*.

Что касается гласных нижнего подъема, то, как и следовало ожидать, окружения, в которых встречаются эти глухие гласные, гораздо более ограничены, чем окружения, в которых встречаются глухие гласные верхнего подъема, — а именно, это окружения, когда гласным одновременно и предшествуют, и за ними следуют />, *t*, *к*. И тем не менее, даже среди этих немногочисленных окружений есть некоторые окружения, в которых глухие варианты гласных верхнего подъема *не встречаются*, как показывает сравнение с предыдущим утверждением, — а именно, когда гласному предшествует *//, а следует за ним *p*, *t* или *Щ*. Если же к этому парадоксу подойти динамически, он разрешается с помощью наблюдения, показывающего, что в подобном окружении звонкие гласные также не встречаются. Другими словами, причина, по которой мы не находим в этих окружениях глухих гласных / и *и*, состоит именно в том, что в этих окружениях наиболее регулярно происходило оглушение гласных, но процесс уже зашел далеко — бывшие глухие гласные к тому времени уже были утрачены и оставили свой след только в удлинении согласных. Это подтверждают прямые исторические факты. Так, несмотря на то, что глухая форма гласного нижнего подъема *o* встречается в позиции между *t* и *к* в *tokoro* 'сила', имеется также форма *tS-kara*, о которой известно, что она исторически происходит от **tikara*. Так, достаточно убедительное объяснение получает исключение из обоснованного синхронического утверждения о том, I что в любом окружении, где встречаются глухие гласные нижнего подъема, встречаются также и глухие гласные верхнего подъема, но обратное верно не всегда. Оказывается, что в окружении, которое казалось исключением, процесс просто уже завершился, и за ним наступил следующий этап (утрата гласного).

Что касается глухих гласных нижнего подъема, то они, как видно, обнаруживаются только в быстрой речи, но даже здесь они менее распространены, чем их звонкие варианты. Отсюда

мы делаем вывод о том, что оглушение гласных верхнего подъема — явление более древнее, потому что оно уже продвинулось за пределы стиля *allegro*, в котором оно к нашему времени господствует, в стиль *lento*, где оно встречается еще не столь часто, как в стиле *allegro*. С другой стороны, глухие гласные нижнего подъема все еще ограничены формой *allegro*, и даже в этом стиле они еще не столь частотны, как их звонкие варианты.

Выше было отмечено, что если к японскому языку подойти с позиции синхронии, он является одним из исключений из закона о том, что если в языке глухие гласные встречаются в позиции середины слова, они также встречаются в позиции конца слова. Однако и в этом случае объяснением служит то, что процесс в конце слов зашел уже очень далеко и прежние глухие гласные были здесь утрачены. Старые последовательности **ti*, **u* *H*si*, **su* на конце слов превратились в долгие согласные *ts-*, *ts-*, *s-* и *s-* соответственно. Так, мы имеем *arimas-* '(он) есть' (вежливая форма), из более старого *arimasu*, вероятно через промежуточную ступень, когда конечное *w* было глухим^{7*}.

Мы можем проиллюстрировать эти закономерности примером из области грамматики, который введет еще один тип сравнения — сравнение, связанное как с синхроническими, так и с диахроническими моментами. Выше при обсуждении маркированных и немаркированных категорий мы отметили, что в морфологии именно единственное, а не множественное число является немаркированной категорией. К этому здесь можно добавить, что так называемые прямые падежи — падеж подлежащего (номинатив) и падеж дополнения (аккузатив) — обнаруживают признаки немаркированной категории, когда они противопоставляются косвенным падежам, таким как генитив, датив и локатив. Кроме того, мы видели, что при наличии в морфологии отношения «маркированный — немаркированный», часто случается, что немаркированная, или доминирующая, категория не имеет показателя (например, единственное число существительных⁸ в английском языке), тогда как у маркированной категории этого

Я следую здесь за Блоком (см. сн. 6). Однако такие конечные гласные отмечены и предыдущими исследователями, и вполне возможно, что они встречаются в речи некоторых японцев и в настоящее время.

не наблюдается почти никогда. Изданного правила есть исключение — так называемое твердое (*непалатализованное*) склонение существительных женского и среднего рода в некоторых славянских языках, в котором косвенный падеж множественного числа, а именно генитив, имеет нулевое окончание. Например, в русском языке слово *жена* в именительном падеже единственного числа имеет форму *жена*, но в родительном падеже множественного числа — форму *жен*. Данный факт не является исключением из правила, сформулированного в другом месте, — а именно, что у маркированной категории нуль никогда не должен быть *едут* *ственным* алломорфом или вариантом. Известно, что в русском языке существуют целые классы существительных, включая слова женского и среднего рода, у которых в родительном падеже множественного числа есть материально выраженный показатель, — например, у слов мужского рода почти во всех случаях (им., ед.ч. — *город* : родит., мн.ч. — *городов*), у слов женского¹ рода старого склонения основ на *-i* (им., ед.ч. — *кость* : родит., мн.ч. — *костей*) и у существительных среднего рода с ос но-¹вой на мягкую согласную (им., ед.ч. — *море* : родит., мн.ч. — *морей*). Тем не менее, отсутствие показателей у маркированной категории в столь многочисленных случаях требует объяснения.]

Изучение истории славянских языков показывает, что в течение раннего периода церковнославянского языка родительный падеж множественного числа всегда имел материально выраженное окончание. Так, известно, что существительное *жена* (и ему подобные), которое в литературном русском языке в родительном падеже множественного числа имеет форму *жен*, в древнецерковнославянском имело форму *женѣ*. На последних этапах существования древнецерковнославянского языка в результате регулярного звукового изменения два кратких гласных *ъ* и *и*, произносимые при самом узком растворе рта, были уже утрачены на конце слов, а также в некоторых окружениях в позиции середины слова.

Таким образом, регулярное звуковое изменение, явно действовавшее независимо от грамматической системы, привело к появлению нулевого окончания в родительном падеже множественного числа, где раньше нуля не было. Важно отметить, что в результате того же звукового изменения остались без внешне выраженного показателя также именительный и винительный па-

лежи единственного числа существительных мужского рода. Так, слово *нос* имело в древнецерковнославянском языке в именительном и винительном падежах единственного числа форму *nosii*, которая позднее вследствие утраты конечного *i* превратилась в *nos*. Гораздо важнее, однако, не просто отметить отсутствие в родительном падеже множественного числа внешнего показателя, но проследить динамику того, что является поистине лабораторной ситуацией. В результате одного и того же звукового изменения без окончания остались и немаркированные именительный [и винительный падежи единственного числа, и маркированный родительный падеж множественного числа. Вся последующая история славянских языков свидетельствует, что в первом случае нулевое окончание оставалось стабильным. Так, ни в одном славянском языке слова типа *nos* не приобрели нового окончания путем распространения по аналогии окончаний других форм. Напротив, на протяжении всей истории славянских языков формы родительного падежа множественного числа получали в результате распространения по аналогии внешние показатели других форм. Так, в серболужицком языке первоначальный генитив множественного числа основ мужского рода на *-u* (древнецерковнослав. *-ovii*), который почти везде заменил старую нулевую форму основного склонения существительных мужского рода 1С твердой основой, распространился на все существительные. Во многих нелитературных диалектах русского языка это же *-ov* (первоначально принадлежавшее словам мужского рода) распространилось сейчас на существительные женского и мужского Рода с твердой основой и в результате практически во всех формах родительного падежа множественного числа теперь имеется Окончание. В литературном сербско-хорватском языке **окончание** *-a*, происхождение которого не вполне ясно, в настоящее время единообразно добавляется ко всем существительным за исключением слов женского рода с основами на *-i*, которые уже имеют внешне выраженное окончание, унаследованное от древнецерковнославянского периода. Даже когда, как в стандартном Русском языке, процесс еще не завершился, мы видим тенденцию к распространению окончаний остальных склонений на родительный падеж множественного числа, но никакой подобной

тенденции в отношении именительного/винительного единственного числа мы не наблюдаем.

Сравнительное исследование проводится при изучении вопросов такого рода в пределах ограниченной генетической группы языков, в данном случае славянской. На основе синхронически выведенных универсалий мы сформулируем гипотезу используя чисто славянские термины.

Можно, например, сформулировать следующую диахроническую гипотезу для славянских языков относительно нулевых и ненулевых окончаний у маркированных и немаркированных категорий существительного. Окончание *-a* в именительном падеже единственного числа существительных с основой на *-a* (почти все из них относятся к женскому роду) не распространяется на первоначальные *-/* основы (также почти все женского рода), которые в именительном падеже единственного числа имеют нуль. Однако изменение в обратном направлении — то есть замена по аналогии окончания *-a* нулем — может произойти в (немаркированной) категории именительного падежа единственного числа. В славянских языках не известно ни одного случая изменения *-/* основ по аналогии с *-a* основами в именительном падеже единственного числа. С другой стороны, в чешском и словацком языках имело место явление аналогии, противоположное по направлению, и в некоторых случаях существительные женского рода с основой на *-a* переняли нулевое окончание у существительных с основой на *-/*.

Для диахронических гипотез можно использовать и другие закономерности, помимо тенденции выражать внешними показателями маркированные категории и нулевыми показателями немаркированные категории. Например, окончание родительного падежа множественного числа *-ov*, первоначально присущее существительным мужского рода с основой на *-и*, вероятно будет скорее воспринято по аналогии мужским склонением, чем склонением существительных женского или среднего рода. Распространение *~ov* (*-ов*) в качестве окончания родительного падежа множественного числа мужского рода на склонение существительных женского или среднего рода предполагает, что это окончание U^{*e} раньше распространилось на определенное мужское склонение. Это тоже подтверждается фактами славянских языков.

Как было отмечено раньше, подобное объяснение, основанное на аналогии, как его обычно формулируют, является неполным в том смысле, что явление аналогии может зачастую принять за образец несколько разных моделей, из которых в действительности реализуется только одна. Гипотезы, подобные тем, что были предложены нами здесь, дают основу для предсказания направления изменения или того, какая из двух возможных моделей будет вероятнее всего реализована.

Хотя данные гипотезы сформулированы применительно к славянским языкам, они только кажутся частными. Например, если в какой-либо другой группе языков нам встретилась бы сходная ситуация с нулевым выражением той или иной маркированной категории, мы могли бы вывести из нее ряд конкретных гипотез относительно диахронического хода событий в этой определенной семье языков.

Мы видели, таким образом, что диахронические процессы поддаются обобщению, что диахронические и синхронические закономерности нередко тесно связаны между собой, а то, что кажется исключением из некоторых широко распространенных синхронических универсалий, по крайней мере иногда, является на самом деле вполне ожидаемым побочным продуктом лежащих в их основе диахронических процессов, которые порождают указанные закономерности.

ОБЪЯСНЕНИЯ БОЛЕЕ ВЫСОКОГО УРОВНЯ

Формулирование синхронических и диахронических закономерностей и взаимосвязей между ними несомненно относится к самым фундаментальным задачам лингвистической науки. Следует/вместе с тем, четко понимать, что мы находимся сейчас лишь на самой начальной стадии этого процесса. Гипотезы, приведенные в двух предыдущих главах, нужно рассматривать как некие предварительные догадки, из чего следует очевидный вывод о том, что они нуждаются как в развертывании, так и в более строгой проверке в свете необходимого эмпирического материала.

Рассмотрим теперь, как следует оценивать выводы, полученные с помощью указанных методов, в контексте общей стратегии лингвистики как науки. Задачи отдельных наук обычно определяются исходя из таких понятий, как научное объяснение явлений данной конкретной области и установление некоторой совокупности теоретических принципов или, как их иногда называют, «законов». Эти и другие, связанные с ними понятия, были, разумеется, предметом давнишних дискуссий и споров в традиционной философии, а в относительно недавнее время в философии науки, причем часто с неубедительными результатами. Взгляды, высказанные мной по данным вопросам в настоящей книге, — это взгляды лингвиста-практика, они не претендуют на то, чтобы внести теоретический вклад в решение этих мучительных проблем. Известным утешением может, правда, служить тот факт, что результаты, всеми признаваемые как подлинно научные, достаточно часто бывали получены учеными, весьма мало искушенными в подобных теоретических вопросах, и что актуальная задача философии науки как раз и заключается в объяснении общих черт таких общепризнанных результатов. По правде говоря, нелегко найти бесспорный случай, когда бы ученый достигал

с[воих целей с помощью «применения некоторого научного метода», как это характеризуется в философски ориентированных трудах по данному вопросу. Тем не менее, как нечто положительное, можно утверждать, что некоторые общие понятия, которые, обычно считают связанными с конечными задачами науки, действительно присутствуют в трудах ученых, по крайней мере имплицитно, в качестве отдаленного ориентира, направляя их усилия" даже при отсутствии четких формулировок.

Одна из задач науки, как уже говорилось, — это объяснение. Каждая конкретная наука стремится объяснить явления, относящиеся к сфере ее компетенции. Понятие научного объяснения, подобно многим другим понятиям, представляет собой лишь уточнение основанных на «здоровом смысле» понятий нашей повседневной жизни. В обыденной жизни мы часто задаем вопросы; по крайней мере иногда получаем на них ответы, которые принимаем как объяснения, в том смысле, что они доставляют нечто вроде удовлетворения, и в дальнейшем мы уже больше не задаем тех же самых вопросов. Эти объяснения представляются убедительными, исходя из некоторых приблизительных стандартов, подобно тому, например, как я объясняю свое отсутствие на каком-то общественном мероприятии, ссылкой на болезнь, реальность которой в данном случае можно проверить с помощью определенных типов общепринятых свидетельств. Понятие «научного объяснения» возникает, по всей вероятности, из попытки более строго сформулировать критерии приемлемости для таких ответов, которые, как можно считать, делают ненужными Дальнейшие вопросы в том же направлении.

Как представляется, в основе понятия объяснения лежит асимметричное отношение, существующее между явлениями: тем, которое объясняет (*explanans* 'объясняющее'), и тем, которое объясняют (*explanandum* 'объясняемое'). *Explanans* должно быть более общим, в том смысле, что оно может быть использовано и в других случаях для объяснения других конкретных Фактов. Так, мое конкретное уклонение от выполнения некой социальной функции «получает объяснение», исходя из закономерности, которая связывает болезни в целом со случаями моего отсутствия в целом. Если подойти к этому логически, то именно

explanans позволяет задающему вопросы обоснованно отказаться от дальнейших попыток упорно задавать один и тот же вопрос.

Объяснения, традиционно предоставляемые исторической лингвистикой, — это лишь один пример из привычного класса исторических объяснений, которые встречаются и в других областях знания, таких как геология, эволюционная биология и сама история. Допустим, наше любопытство вызвал маргинальный тип английских форм множественного числа, образуемый внутренним изменением гласного: *tooth* — *teeth* 'зуб — зубы', *mouse* — *mice* 'мышь — мыши', *man* — *men* 'человек — люди'. В этом случае убедительным объяснением было бы показать, что, с исторической точки зрения, каждый из таких явно различных случаев, как и другие, здесь не приведенные, является индивидуальной манифестацией одного и того же процесса. В «доисторический» период суффикс множественного числа *-l* был обуславливающим фактором для изменения гласного в предшествующем слоге — гласный становился более передним, предвосхищая качество «переднего ряда» самого *-l* (так называемый умлаут). Этим и был вызван переход старых **topi*, **mɔsi*, **munni* в **topi*, **musi*, **menni*, за которым последовало отпадение конечного *-l* и утрата лабиализации звуками *o* и *n*, а затем их превращение соответственно в *e* и *i*, что дало *tep*, *mis*, *men* и в конечном итоге современные английские *teeth*, *mice*, *men*. Все указанные изменения носили регулярный характер в том смысле, как мы его описали выше. И поскольку умлаут гласного под действием *-l* в последующем слоге никак не был обусловлен тем, что *-l* — суффикс множественного числа, мы можем под то же самое общее объяснение подвести и другие случаи, — например, нерегулярные формы сравнительной и превосходной степени прилагательного *elder* 'старший (в семье)' и *eldest* 'самый старший (в семье)' по сравнению с положительной степенью *old* 'старый'.

Конечно, получив объяснение, мы можем, подобно Декарту, почему-то, пойти дальше и сформулировать вопрос на более высоком уровне, попросив объяснить уже само объяснение. Почему произошли такие звуковые изменения, а не иные? Почему сохранились именно эти конкретные формы множественного числа, тогда как другие под воздействием аналогии подчини-

лись сильной модели образования множественного числа на *-s*? Почему собственно, модель на *s* оказалась настолько более способной к распространению? И так далее, целый град вопросов. Но тем не менее, тот вид исторического повествования, который был приведен в предыдущем параграфе, с полным правом можно считать объяснением, поскольку после него мы уже больше не будем задавать вопрос о конкретном случае *tooth* — *teeth*. Вопрос теперь переместился на более высокий уровень и относится к целому классу форм, частным случаем которых является пример *tooth* — *teeth*. И здесь, как всегда, объяснение предполагает подведение конкретного события или класса событий под более обширный класс.

Между тем, в описательной лингвистике даже грамматические правила обычного рода являются объяснительными по отношению к конкретным явлениям с тем, однако, отличием, что обобщающие формулировки этого типа относятся исключительно к явлениям, синхронным с *explanandum*, а не содержат ссылок на прошлое. Если, например, человеку, изучающему турецкий язык, скажут, что множественное число от *diş* 'зуб' — *dişler*, а такая же форма от *kus* 'птица' — *kuslar*, он, возможно, спросит, почему первое слово образует форму множественного числа прибавлением суффикса *-k*, а второе добавляет в этом случае *-lar*¹. Очевидно, ему сообщат, что всякое слово, в котором последним гласным является *-l*, принимает во множественном числе *~ler*, а всякое слово, в котором конечный гласный *-e*, принимает *-lar*. Это можно считать объяснением, поскольку в дальнейшем вопросы будут уже относиться к классам, имеющим в последнем слоге *-l* или *-e*, а не к конкретным формам *diş* и *kus*. Если Ученик спросит об этих двух классах слов, ему могут привести еще более общее правило, согласно которому *-l* является лишь одним из членов класса гласных */, e, u* и *ɔ*, которые имеют общий признак передней артикуляции, и все эти гласные, если

¹ Напомним, что даже «индивидуальные формы», подобные *kuslar* 'птицы', сами являются массами конкретных реализаций, — иначе говоря, типами, по отношению к которым их конкретные примеры в реально произносимых турецких разложениях являются экземплярами. Отношение *explanans* и *explanandum* — это вопрос их относительной обобщенности.

explanans позволяет задающему вопросы обоснованно отказаться, от дальнейших попыток упорно задавать один и тот же вопрос.

Объяснения, традиционно предоставляемые исторической лингвистикой, — это лишь один пример из привычного класса исторических объяснений, которые встречаются и в других областях знания, таких как геология, эволюционная биология и сама история. Допустим, наше любопытство вызвал маргинальный тип английских форм множественного числа, образуемый внутренним изменением гласного: *tooth* — *teeth* 'зуб — зубы', *mouse* — *mice* 'мышь — мыши', *man* — *men* 'человек — люди'. В этом случае убедительным объяснением было бы показать, что, с исторической точки зрения, каждый из таких явно различных случаев, как и другие, здесь не приведенные, является индивидуальной манифестацией одного и того же процесса. В «доисторический» период суффикс множественного числа *-l* был обуславливающим фактором для изменения гласного в предшествующем слоге — гласный становился более передним, предвосхищая качество «переднего ряда» самого *-l* (так называемый умлаут). Этим и был вызван переход старых **topi*, **musi*, **munni* в **topi*, **musi*, **menni*, за которым последовало отпадение конечного *-l* и утрата лабиализации звуками *o* и *n*, а затем их превращение соответственно в *e* и *y* / *i*, что дало *tep*, *mis*, *men* и в конечном итоге современные английские *teeth*, *mice*, *men*. Все указанные изменения носили регулярный характер в том смысле, как мы его описали выше. И поскольку умлаут гласного под действием *-l* в последующем слоге никак не был обусловлен тем, что *-l* — суффикс множественного числа, мы можем под то же самое общее объяснение подвести и другие случаи, — например, нерегулярные формы сравнительной и превосходной степени прилагательного *elder* 'старший (в семье)' и *eldest* 'самый старший (в семье)' по сравнению с положительной степенью *old* 'старый'.

Конечно, получив объяснение, мы можем, подобно Д^{эм} тям-почемучкам, пойти дальше и сформулировать вопрос на более высоком уровне, попросив объяснить уже само объяснение. Почему произошли такие звуковые изменения, а не иные? Почему сохранились именно эти конкретные формы множественного числа, тогда как другие под воздействием аналогии подчини-

лись сильной модели образования множественного числа на *-s*? Почему собственно, модель на *-s* оказалась настолько более способной к распространению? И так далее, целый град вопросов. Но тем не менее, тот вид исторического повествования, который был приведен в предыдущем параграфе, с полным правом можно считать объяснением, поскольку после него мы уже больше не будем задавать вопрос о конкретном случае *tooth* — *teeth*. Вопрос теперь переместился, на более высокий уровень и относится к целому классу форм, частным случаем которых является пример *tooth* — *teeth*. И здесь, как всегда, объяснение предполагает подведение конкретного события или класса событий под более обширный класс.

Между тем, в описательной лингвистике даже грамматические правила обычного рода являются объяснительными по отношению к конкретным явлениям с тем, однако, отличием, что обобщающие формулировки этого типа относятся исключительно к явлениям, синхронным с *explanandum*, а не содержат ссылок на прошлое. Если, например, человеку, изучающему турецкий язык, скажут, что множественное число от *diş* 'зуб' — *disler*, а такая же форма от *kıç* 'птица' — *kuslar*, он, возможно, спросит, почему первое слово образует форму множественного числа прибавлением суффикса *-kç*, а второе добавляет в этом случае *-lar* ¹. Очевидно, ему сообщат, что всякое слово, в котором последним гласным является *-i*, принимает во множественном числе *-ler*, а всякое слово, в котором конечный гласный *-u*, принимает *-lar*. Это можно считать объяснением, поскольку в дальнейшем вопросы будут уже относиться к классам, имеющим в последнем слоге *-i* или *-u*, а не к конкретным формам *dis* и *kus*. Если Учащийся спросит об этих двух классах слов, ему могут привести ² более общее правило, согласно которому *-l* является лишь одним из членов класса гласных *i*, *e*, *u* и *o*, которые имеют ³общий признак передней артикуляции, и все эти гласные, если

¹ Напомним, что даже «индивидуальные формы», подобные *kıçlar* 'птицы', ² *ми являются классами конкретных реализаций, — иначе говоря, типами, по отношению к которым их конкретные примеры в реально произносимых турецких ³ предложениях являются экземплярами. Отношение *explanans* и *explanandum* — ^{Эт}о Вопрос их относительной обобщенности.

они являются последними гласными слова, обуславливают выбор суффикса *-кз*, а соответственно ряд задних гласных *a, i, u* и *o* обуславливает выбор в качестве суффикса множественного числа *-lar*. Если же учащийся затем спросит, почему передние гласные вызывают *-кз*, а задние *-lar*, ему могут сообщить в ответ еще более обобщенное правило о форматах с чередующимися формами на *a* и на *e*, подобных двум суффиксам будущего времени *-асак* и *-есек*. Продолжая настаивать и задавать вопросы, учащийся наконец, услышит полную формулировку закона сингармонизма гласных в турецком языке, в соответствии с которым под очень небольшое число в высшей степени обобщенных положений относительно звуковых явлений подводится очень большое число вариантов турецких грамматических аффиксов.

Таким образом, в грамматических описаниях встречаются¹ правила различного уровня обобщения и, тем самым, разной объяснительной силы. Рациональная основа традиционного структурализма, практически никогда не прибегавшего к объяснению, вероятно, заключалась в том, что отношения, подразумеваемые в структурных формулировках, — это и есть обобщения высокого, по существу самого высокого уровня, который вообще достижим. Огромным преимуществом современной трансформационной теории является то, что она открыто и достаточно успешно стремится инкорпорировать все обобщения, возможные в грамматике, исходя из единообразной модели, применимой в принципе ко всем языкам.

Однако не все объяснения отвечают дополнительному требованию, характеризующему то, что в дискуссиях о научном методе часто называли *законами*. В данной книге я назвал бы их *общими закономерностями* (*general principles*). Иными словами, не всякое обобщение (потенциальное объяснение) является общей закономерностью. Различие состоит в ограничивающих условиях, в рамках которых обобщение, как утверждается, имеет силу. Такие условия сами могут быть общими (у общих закономерностей) или частными, — включающими, например, собственные имена, которые предполагают, как правило, конкретные пространственные и временные координаты. Традиционные способы объяснения в лингвистике — как исторической, так и описательной -*

следует отнести к последнему классу, — а именно к тем объяснениям, которые не достигают статуса общих закономерностей.

И действительно, единственным видом формулировок в лингвистике, которые обычно называли *законами*, были утверждения исторического характера, такие как закон Гримма и закон Вернера. В принципе, это формулировки регулярных звуковых изменений\совершенно того же типа, что и приведенные выше при объяснении нерегулярных английских форм множественного числа, подобных *teeth* и *mice*. Например, закон Гримма констатирует в частности, что, помимо прочего, древние глухие взрывные согласные индоевропейских языков (*p, t, k* и т. п.) при определенных условиях были заменены соответствующими глухими фрикативными в период раздельного развития, что привело к появлению прагерманского языка. Как обычно указывается в учебниках по исторической лингвистике, такие «законы» имеют силу только для конкретного языка и в определенный период времени. Условия, которые их ограничивают, связаны с собственными именами. Так, бессмысленно было бы задавать вопрос, известны ли языки, являющиеся исключениями из закона Гримма, поскольку закон, по определению, действителен не при условиях, которые можно было бы сформулировать в общем плане, а только, так сказать, если язык является допрагерманским. Задать подобный вопрос осмысленно мы вправе поэтому только применительно к такому языку и только для периода действия этого «закона».

Точно такое же ограничение существует в принципе относительно даже самых обобщенных правил в описаниях конкретных языков. Так, если мы зададимся вопросом, при каких условиях имеют силу точные правила сингармонизма, господствующие в турецком языке, ответом было бы «если это турецкий язык» или, если имеются родственные языки, скажем, узбекский, в котором существуют совершенно аналогичные правила, тогда «ограниченная дизъюнкция частных явлений — если это турецкий язык, или узбекский язык, или...»

Мы не собираемся обсуждать здесь вопрос о том, когда правомерно употреблять термин «закон», а когда термин «общая закономерность». Но между ними действительно существует важное различие, и оно находит отражение в терминологии. Если

условия применения того или иного обобщения включают собственные имена, тогда столкнувшись с ранее не знакомым примером, который в правиле конкретно не упомянут, мы не можем предсказать, применима ли здесь данная закономерность или нет. Описанным выше синхроническим и диахроническим универсалиям, напротив, присуще свойство обобщенности самих ограничивающих условий. Если вдруг будет обнаружен до того не известный язык, можно заранее сказать, что в нем будут ротовые гласные, и что если в нем обнаружатся глухие гласные нижнего подъема, в нем будут и глухие гласные верхнего подъема, а если в нем имеются различия по роду во множественном числе, в нем будут и родовые различия в единственном числе и т.д. Если в этом незнакомом языке обнаружатся носовые гласные, мы можем утверждать, что они возникли из прежних последовательностей, состоявших из ротовых гласных и носовых согласных; новый пример лишь послужит еще одной проверкой нашего тезиса с помощью сравнительного или прямого исторического метода. По сути, наши ограничивающие условия сводятся лишь к тому, что это должен быть язык. На практике это никогда не составляет реальной трудности, но для теоретических целей мы можем сослаться на обсуждение этой проблемы в начале нашей книги — там были названы некоторые определяющие свойства языка, имеющие абсолютно общий характер.

Как мы видели, каждый новый случай не только порождает предсказание, но если ограничивающее условие здесь сохраняет силу, он также служит еще одной проверкой на практике предполагаемой универсалии. Если этот новый случай вступает в противоречие с гипотезой, тогда одна из возможностей заключается в том, что предполагаемая универсалия просто будет признана статистической. Однако там, где это возможно, исключение или исключения следует изучить более тщательно и выяснить, не нужно ли сформулировать ограничивающие условия более сложным, хотя и по-прежнему общим образом. В этом отношении универсалии в принципе не отличаются от более частных обобщений, которые действительно, когда речь идет об именах собственных. Так, одно время считалось, что существует значительное число исключений из закона Гримма, но большинство из них получило объяснение, когда появилась более сложная

формулировка закона, учитывавшая первоначальное музыкальное ударение индоевропейских языков (закон Вернера).

Как мы уже видели, объяснения, независимо от того, являются ли они общими закономерностями или нет, предполагают иерархию уровней. Объяснение более низкого уровня само, в качестве конкретного случая, подпадает под объяснение более широкое. Для общих закономерностей, по крайней мере, в таких формулировках более высоких уровней часто используются термины, не являющиеся собственно лингвистическими, — то есть они не являются частью обычной терминологии лингвистики, но относятся, по-видимому, в такой же мере к определенным аспектам нелингвистических явлений, как и к лингвистическим явлениям. По правде говоря, они обычно переносят нас в несколько призрачные сферы, где обитают такие гибриды, как психолингвистика и социолингвистика. Так, синхроническое объяснение чередования определенных суффиксов в турецком языке исходит из системы сингармонизма, для описания которой используется сугубо лингвистическая терминология. Для объяснения нерегулярных форм множественного числа в английском языке с помощью ссылки на определенные языковые изменения, такие, например, как приобретение гласными более переднего характера под влиянием *-i* в последующем слоге, также, как представляется, достаточно собственно лингвистической терминологии. Однако в этом случае нередко говорят, что древний гласный становится более передним «в предвосхищении» гласной переднего ряда в последующем слоге. Вместе с тем, большинство лингвистов научилось избегать такой явно ненужной терминологии, которая приписывает говорящим некий психологический акт «предвосхищения», не добавляя ничего к смыслу объяснения.

Однако же для некоторых общих закономерностей более высокого уровня такие нелингвистические ссылки становятся практически неизбежными. Например, в высшей степени общая фонологическая закономерность, связанная с сегментацией фонетических непрерывностей, хотя она и установлена на основе собственно языкового материала, имеет, по-видимому, очень широкую применимость к явлениям человеческого восприятия и артикуляторной реализации. Формулирование и проверка этих

общих закономерностей более высокого уровня-йо всей их обобщенности перемещает нас прямо в сферу психоакустики и фД зоологической психологии. Если мы ищем объяснение более высокого уровня тому факту, почему некоторые непрерывности, — например, долгота гласных или лабиализация — являются исключительно полярными и бинарными, тогда как другие непрерывности, — скажем, подъем гласного или уровни высоты основного тона — в большинстве случаев имеют промежуточный средний член, примерно равноудаленный от двух крайних точек, мы неизбежно ставим вопросы, относящиеся по своей сути к тем, которые исследует классический психофизический раздел психологии. Мы сталкиваемся с вопросами о количества перцептивно различаемых позиций на различных непрерывностях и со связанными с ними проблемами о необходимых для их производства моторных приспособлениях.

Там, где речь идет о диахронических, а не синхронических ■ общих закономерностях, соответствующее психологическое исследование может быть посвящено общим условиям динамических изменений в поведении. Мы видели, например, что важной предпосылкой для объяснения того факта, почему число носовых гласных никогда не превышает в языке числа ртовых гласных, является диахроническая гипотеза, согласно которой носовые гласные более склонны сливаться друг с другом, чей соответствующие ртовые гласные. Представляется целесообразным поэтому попытаться найти более широкий контекст для объяснения с помощью ссылки на диахроническую тенденцию, а не на ее предсказуемый в синхронии результат. Это не значит, что диахроническую гипотезу нельзя, в свою очередь, исследовать с позиций статических или динамических. Например, мы можем проанализировать статическое суждение о том, что два носовых гласных, с точки зрения восприятия, более сходны друг с другом, чем их ртовые соответствия, а можем попытаться экспериментальным путем вызвать изменения в языковом поведении. Для целой серии звуковых изменений в языке яркий пример обшей теоретической значимости динамического подхода к изучению изменений возникает из противопоставления стилей *lento* и *allegro*. Здесь в систематическом наблюдении нуждаются послед-,! ствия ускорения речи, и необходимо создать обобщающие теории

для случаев, где допускаются ошибки, с учетом физиологических процессов и процессов более высокого уровня. Не следует, кроме того, забывать, что перцептивный аспект также играет роль в слуховой обратной связи с говорящим, как и в типичных ослышках, которые, по-видимому, наблюдаются тогда, когда слушающий сталкивается с более быстрыми речевыми стилями.

В других случаях более естественным представляется статический подход. Это в особенности справедливо в отношении к неограниченным универсалиям, которые, поскольку они верны без каких-либо условий для всех языков, относятся именно к тем характеристикам языка, которые остаются инвариантными при всех изменениях. Так, оправданно, наверное, сосредоточиться на статических признаках при теоретическом рассмотрении «оптимальных звуковых типов», — то есть тех классов звуков и звуковых оппозиций, которые являются, так сказать, строительными блоками фонологических систем, — например, звонкие ртовые гласные, глухие взрывные согласные, противопоставление гласных и негласных, — и на другом полюсе — звуки, которые, хотя они и возможны с точки зрения физики, либо совсем не встречаются в звуковых системах языков, либо если и встречаются, никогда не выступают как самостоятельные фонемы. Эти два крайних случая должна, по-видимому, охватить одна общая теория, которая создаст таким образом физиологическую и акустическую основу для размещения звуков на некоей шкале эффективности. Но даже здесь иногда существенными могут оказаться диахронические соображения. Например, если какой-то звук встречается редко, но все-таки встречается в человеческой речи, тогда данный факт соотносится с общими диахроническими закономерностями как происхождения, так и дальнейшего развития. Упомянутый звук может возникнуть только при строго ограниченных условиях, и обычно при последующих изменениях он либо заменяется другим звуком, либо полностью утрачивается. Так происходит с глухими гласными. Они встречаются в относительно небольшом числе языков мира и они почти никогда не являются самостоятельными членами фонематической оппозиции с гласными звонкими. Это несомненно связано с тем общим диахроническим фактом, что обычным результатом изменения глухих гласных является нуль, то есть их утрата.

Естественно предположить, что физиологическая и психологическая теория, способная дать адекватное объяснение чисто лингвистических обобщений более высокого уровня, будет столь широкой по объему, что языковые явления окажутся только частным случаем и подпадут под множество гипотез, релевантных также и для неязыкового поведения. На деле это отнюдь не означает подчинения лингвистики психологической или какой-либо другой нелингвистической науке. Напротив, вполне можно себе представить, что именно сочетание сложности и определенности, характерное для явлений языка, послужит стимулом, необходимым для создания более глубоких теорий поведения организмов. Совсем не обязательно, по-видимому, чтобы психология брала на себя целиком тщательное изучение все более и более сложных функций; в действительности работу в этом направлении могут вести лингвисты и психологи в сотрудничестве или самостоятельно.

Особое внимание, которое мы до сих пор уделяли психологии как источнику самых высоких по уровню объяснительных закономерностей для языковых обобщений, было обусловлено просто тем фактом, что наши примеры были взяты из области фонологии. Но дело может обстоять и по-другому. Например, то общее предпочтение непрерывности в противовес разъединенности, которое мы наблюдали в организации терминологических систем родства, должно, по-видимому, проявиться также и в других семантических сферах, и оно образует очевидно фундаментальный принцип «наивной» классификации явлений, относящейся к компетенции антропологов, интересующихся проблемами сравнительной когнитологии. При изучении семантических изменений неизбежно привлекаются нелингвистические факторы культуры, — например, при изучении изменений терминологии в конкретных специальных областях в связи с развитием технологии. Существуют, кроме того, как мы видели, социологические переменные, играющие важную роль при изучении языковых изменений, — например, когда мы исследуем неравномерное распространение языковых явлений в пределах речевого коллектива. Поиски общих закономерностей более высокого уровня, связанные с обращением к другим наукам, кроме лингвистики, несомненно противостоят широко распространенному

об автономности лингвистики. А это мнение, в свою очередь, является отражением в лингвистике более общего понятия о дискретных уровнях явлений, каждый из которых самостоятелен и имеет законы, созданные исходя из самого этого уровня. Нарушение теории уровней, при котором понятия более низкого уровня используются для объяснения понятий более высокого уровня, иногда называют *редукционизмом* (*reductionism*). Как представляется, с известным основанием и не преследуя при этом никаких полемических целей, указанные мнения можно было бы назвать догмами. Под *догмой* здесь понимается любая общий метатеоретический принцип, которым руководствуются в исследовании и построении теории. Принцип такого рода имеет полезную сторону, поскольку он обычно способствует более четкому отграничению того, что является существенным. Вместе с тем, после того, как он выполнил свою полезную и даже необходимую функцию, он зачастую на более поздних этапах развития науки оказывается сдерживающей помехой. Даже тогда, когда этот принцип провозглашается вполне обоснованно, он, тем не менее, настолько глубоко укореняется сначала в образовании, потом в исследованиях специалистов, что его начинают воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Именно поэтому такой принцип необходимо время от времени пересматривать и заново формулировать. В настоящей книге в ходе изложения нам встретились три таких допущения, общепринятых среди лингвистов: автономный характер лингвистики, различие между диахроническими и синхроническими исследованиями и дихотомия *langue — parole*, в ее многочисленных сходных, хотя и не тождественных вариантах (в недавнее время как противопоставление «компетенция — употребление»). Каждое из этих допущений подвергалось так или иначе пересмотру в связи с поисками общих лингвистических закономерностей. Поскольку в каждом случае пересмотра затрагивается один и тот же основной принцип, мы рассмотрим сначала возникающую при этом методологическую проблему, а затем более детально обсудим каждую догму, как с точки зрения ее полезности, так и с точки зрения ее ограниченности.

В первую очередь нас интересует отношение между двумя основными видами теоретической деятельности: созданием концептуальных схем, — то есть рядов логически связанных между

собой понятий, подобных понятиям фонологической бинарной теории, — и формулированием взаимосвязанных между собой законов, или, как мы предпочитаем называть их, общих закономерностей. Если вернуться к нашему обсуждению различия между двумя типами универсалий — категориальным и сентенциальным, то можно первый из них связать с понятием о концептуальной схеме, а второй — с понятием об общих закономерностях. В отношении концептуальной схемы мы анализируем, достаточен ли данный набор понятий для описания изучаемых явлений. Например, в фонетике мы задаем себе вопрос: возможно ли с помощью некоей конкретной системы понятий и их отношений определить все звуки, встречающиеся в языках? Что касается общих закономерностей, то формулируя закономерности универсального объема действия о фонологических аспектах языка, мы используем фонетическую терминологию.

Понятия, следовательно, обращены, так сказать, в две стороны. Во-первых, они вступают в отношения с другими понятиями в общих терминологических системах, относительно которых мы вправе поставить вопрос об адекватности охвата материала, об их непротиворечивости и логической простоте (потому что здесь, как и везде, количество сущностей не следует умножать без надобности). Во-вторых, эти понятия используются при формулировании общих закономерностей — и в этом случае мы не признаем никаких заранее предопределенных границ для свободного изобретения и употребления понятий, если при этом соблюдается одно условие, — а именно, понятия употребляются последовательно.

Существует действительно вполне реальная опасность, заключающаяся в том, что концептуальные схемы, используемые для классификации явлений, могут привести к преждевременному абстрагированию от факторов, которые являются существенными для создания гипотез. Если оказывается, что дело обстоит именно так, мы должны свободно использовать исключенный материал, если он обнаруживает связи с другими фактами и, следовательно, необходим для формулирования некоторой более широкой закономерности. Можно привести пример, связанный с бинарной теорией в фонологии. Общая стратегия этой теории состоит в устранении всех предсказуемых категорий (избыточных

явлений) в описаниях конкретных языков. Это разумная и важная цель, и она согласуется с общенаучным требованием *экономии сущностей*. Если, например, какое-то конкретное явление всегда связано с другим явлением, но обратное неверно, тогда появление второго признака можно предсказать исходя из первого. Иными словами, мы имеем дело с внутриязыковой импликацией. Если, как это наблюдается во многих языках, встречаются только звонкие носовые и никогда не встречаются глухие носовые согласные, в то время как у неносовых согласных существуют как звонкие, так и глухие категории, можно констатировать, что назальность предполагает звонкость, но не наоборот. Это влечет за собой предсказание относительно того, что значением признака звонкости для любого носового сегмента будет предсказуемый плюс. Но поскольку признак звонкости предсказуем, при классификации его можно опустить. Отсюда при определении носовых согласных графа, посвященная звонкости, может быть оставлена без уточнения, потому что звонкость никогда не отличает один носовой от другого. На практике в подобных случаях в соответствующей графе как правило ставится нуль.

Абстрагировавшись таким образом от признака звонкости у носовых согласных, мы устранили фонетическую информацию о том, что носовые сегменты обычно бывают звонкими, а не глухими. Если бы после этого мы обратились к таблицам классификации звуков, из которых были максимально устранены избыточные признаки, и попробовали бы использовать эти таблицы для межъязыкового сравнения, мы бы лишили себя возможности сформулировать важное обобщение, — а именно, что для любого языка наличие фонетически глухих носовых предполагает наличие звонких носовых². Исходя из таких таблиц все языки

²) Рассматриваемое здесь обобщение можно в действительности [^]о^р ^{тыке} тывать, используя терминологию теории бинарных признаков. В лю ^{песгл-} | где имеются сегменты, обладающие признаками глухости и назаль [^] Д₁Я существуют и сегменты, обладающие признаками звонкости и ^{НаV}ьно ^{отК}азы-меня отнюдь не очевидно, что сторонники бинарной теории ^{ооязг} ^{||ыХ} язЫ_ ваются от таких формулировок и ограничиваются описаниями ^{кО} ^{||ыХ} язЫ_ ^{дел} главы X ^{ков}, устраняющими внутриязыковые избыточные явления. Это ^ш ^{аспектов} должен, следовательно, проиллюстрировать, как устранение не [^] [^] ^{тик} может описания отдельного языка, если этот принцип строго проводи

мира распределяются по двум типологическим классам. В языках первого типологического класса, например, в ирландском, — в сегментах с носовым признаком звонкость существенна, поэтому определение *m* будет включать в графе «звонкость» знак плюс тогда как его глухое соответствие *m* будет в этой графе отмечено знаком минус. У другого класса языков, для которых признак звонкости носовых фонологически нерелевантен, в данной графе будет стоять нуль. При этом оказывается опущенной информация о том, что там, где признак звонкости предсказуем, он с фонетической точки зрения выступает как звонкий, а не как глухой, в связи с чем факты, на которых было основано приведенное выше имплицативное обобщение, никак себя не обнаруживают. Более того, первичность звонких носовых относительно глухих носовых представляет собой обобщение, связанное с другими обобщениями, такими как первичность звонких гласных по сравнению с глухими гласными или звонких плавных по сравнению с глухими плавными. Следовательно, это частное обобщение, касающееся носовых звуков, является в целом свидетельством фонетической закономерности очень широкого значения.

Методологический принцип, гласящий, что мы вольны использовать любой понятийный аппарат, необходимый для установления общих закономерностей и их логических взаимосвязей, побуждает нас к нарушению терминологических ограничений, которые иногда накладывались в соответствии с каждой из трех упомянутых выше догм: различие *langue* и *parole*, автономность лингвистики и разделение синхронических и диахронических исследований. Первые две из этих догм связаны между собой, поскольку обе они предполагают определение системы языка (*langue*) в противопоставлении тому, что языком не является. Все они имеют некоторые методологические корреляты, которые обычно остаются не выраженными, но тем не менее оказывают сильное воздействие на практику, а именно: определенные типы предикатов, — например, те, что относятся к *parole*, — не могут использоваться в объяснительных утверждениях, относящихся к языку; диахронические предикаты не должны фигурировать помешать созданию сопоставительно языковых обобщений. Сказанное не следует понимать как критику бинарной теории.

Объяснения более высокого уровня

Ей объяснительных формулировках синхронической лингвистики, и наоборот; нелингвистические термины (например, психологические или социологические) не должны употребляться при объяснении явлений языка.

Что касается проблемы *langue — parole*, то основа для их разграничения в прошлом была неясной и различалась у разных лингвистических школ и в разные периоды времени. Как представляется, особенно тесно их разделение связано с противопоставлением *тип — экземпляр*; это, по-видимому, объясняется тем фактом, что «ОДНО и то же» предложение в разных случаях своего появления характеризуется различиями, которые лингвистически нерелевантны, — то есть не составляют часть кода. Это сопровождается тенденцией рассматривать тип как нечто нормативное и надындивидуальное. Однако, что следует считать лингвистически релевантным в теории или на практике, не всегда ясно, и понимание этого варьирует при разных теоретических подходах. Например, в классической структуралистской фонологической теории варьирование аллофонов рассматривалось как относящееся к уровню, ниже языкового; и аллофоны не признавались частью языковой системы³¹. Если, например, фонема /t/ в английском языке регулярно имеет предсказуемую сильную аспирацию перед ударным гласным, значит, эти и другие аллофонические варианты фонемы /t/ не являются частью «структуры» английского языка. Мы явно имеем здесь дело с двумя конфликтующими интерпретациями понятия «лингвистически релевантный», которое лежит в основе различия *langue — parole*. Согласно одной из этих интерпретаций, поскольку придыхательность в известных пределах всегда наблюдается перед ударными гласными, это является одной из констант во всех предложениях с взрывным перед ударными гласными и, следовательно, принадлежит типу, каким бы многообразным ни было воплощение аспирации

³¹ Примером может служить утверждение Генри Глисона: * Употребление правильных аллофонов более важно в социальном плане, чем в лингвистическом. Хотя из практических соображений аллофоны, несомненно, представляют интерес для лингвиста, они находятся на периферии области его исследования и во многом являются внешними по отношению к языку*. *Gleason H. An Introduction to Descriptive Linguistics*, rev. ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961. P. 265.

в реально встречающихся экземплярах. В соответствии с другим толкованием, *лингвистически релевантный* означает «способный отличать одно предложение от другого»; и поскольку аспирация предсказуема, очевидно, что ни ее наличие, ни ее отсутствие не может служить различению предложений.

Другой возможный источник разногласий связан с вопросом частотности. Исходя из различия тип — экземпляр, частотность в тексте (что равнозначно частотности отдельных экземпляров) не есть часть структуры языка. Вместе с тем, некоторые аспекты текстовой частотности оказываются характерными для языка — они обнаруживают статистически несущественную вариативность от текста к тексту или же они варьируют в определенных^ пределах и тем не менее остаются значимо связанными со «стилями», — например, ученым, небрежным и т. п.⁴¹ Кроме того, существуют известные аспекты реализации, имеющие постоянный характер, которые тем не менее — как в случае аллофонов — не служат для различения сообщений. Приведем пример из области пауз, связанных с задержками речи, в английском языке. В таких предложных сочетаниях, как *in the house* 'в доме', наблюдается тенденция произносить быстро вместе *in* и *the* и делать паузу перед именным членом, особенно если он представляет собой относительно незнакомое слово, — например, имя собственное. В моей собственной речи в быстром разговорном стиле я действительно произношу *in the* как сокращенную форму *in d*. Такое деление сочетания *in the house* противоречит общепринятому грамматическому членению, согласно которому фраза делится I на предлог *in* + имя с артиклем *the house*. При грамматическом анализе такое понятие, как именная группа, примером которой является *the house*, — это поистине необходимый конструкт, основанный на отношениях между предложениями. Модель именной группы с незначительными видоизменениями встречается, сохраняя основные черты своей структуры, R многообразных позициях

⁴¹Так, статистические подсчеты для русского языка, осуществленные Джосельсоном и содержащие отдельные данные для разговорных текстов в отличии от повествовательных, свидетельствуют в некоторых случаях о существенных различиях в частотности грамматических категорий в этих двух стилях (*Josselson Юпу И. The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian. Detroit: Wayne University Press, 1953*).

в различных классах предложений, — например, в качестве субъекта в *The house is burning* 'Дом горит' или в качестве объекта / *build the house* 'Я строю дом'. Однако при употреблении могут взять верх другие отношения. В этом случае можно как воздействующий фактор рассматривать соотношение частотностей (*transitional frequency*). При наличии *in* частотность *the* в качестве следующего за ним слова очень высока, тогда как если дано *the*, то частотность любого конкретного существительного, прилагательного или другого возможного кандидата для соседней после *the* позиции в пределах именного сочетания является низкой.

В этих и аналогичных случаях первостепенную важность имеет не столько вопрос, что есть *langue* и что есть *parole*, но можно ли в объяснительных гипотезах использовать те аспекты языка, которые при том или ином подходе были исключены из системы языка. Для каждого типа случая, упомянутого здесь, были приведены примеры, в которых данный тип фигурирует при объяснении фактов, с любой точки зрения принадлежащих языковой структуре. Так, фонологические лингвистические универсалии, такие как предпочтительность сочетаний носовой + звонкий взрывной того же места образования перед всеми другими последовательностями, в которых за носовым следует согласный, действительно независимо от того, является ли варьирование носовых аллофоническим или фонематическим. Возьмем более частный случай — ни в одном языке не встречается такая последовательность, как *nB*, в которой носовой и следующий за ним взрывной согласный имеют разное место образования, если только в этом языке не встречаются также последовательности, в которых такие звуки имеют одинаковое место образования (например, *mB*). Но в отдельных случаях при фонематическом анализе некоторых языков, поскольку место образования носового заведомо является тем же, что и у последующего согласного, оно становится фонематически несущественным, и если мы хотим ограничить себя рассмотрением только фонематических единиц и их существенных признаков, указанные факты нельзя использовать для целей сравнения.

Важное значение постоянных отношений в частотности между определенными грамматическими категориями было показано выше как часть широко распространенной сети регу-

лярных отношений между категориями, которые называют терминами «маркированные» и «немаркированные», — например, отношение между единственным числом — категорией немаркированной и более частотной, и множественным числом — категорией маркированной и менее частотной.

Отношение между предлогом и именной фразой, которое было здесь описано применительно к американскому варианту английского языка, существует очевидно и в некоторых романских и германских языках, поскольку там тоже встречаются сокращенные формы, — например, во французском языке форма мужского рода единственного числа *au* вместо *a !e* (предлог *a* -+- опред. артикль м. р. ед. ч. *!e*) или немецкая форма датива мужского рода единственного числа *im* вместо *in detn* (предлог *in* + опред. артикль в форме дат. падежа м.р.ед.ч. *dem*).

Разграничение синхронии и диахронии, необходимость которого впервые четко сформулировал де Соссюр в своих новаторских трудах, выполнило ряд в высшей степени полезных функций. Можно считать, что в какой-то части это было преобразованием, способствовавшим большей ясности изложения. Особое внимание, которое в XIX веке уделялось более древним состояниям языка, и их использование для объяснения более поздних состояний того же языка зачастую приводили при изложении к такому смешению синхронических фактов и диахронических объяснений, что хронологическое место самих фактов на временной оси совершенно затемнялось и различие между гипотетическими объяснениями и наблюдаемыми фактами утрачивалось. Еще одной важной гранью этой проблемы было подчеркивание логической взаимосвязанности явлений в синхронической организации языка и возможности ее изучения как полноправного самостоятельного объекта, абстрагируясь от диахронических факторов, продуктом которых она является. Сосредоточенность на историческом объяснении и здесь нередко приводила к искаженному представлению об упорядоченной структуре языка на более поздних стадиях, поскольку она описывалась исходя из категорий, заимствованных из ранее существовавшей языковой структуры. Успехи современного структурального направления были столь несомненны, что приоритет, некритически отдаваемый

историческим объяснениям, и неспособность описывать языковые структуры исходя из их синхронной организации вряд ли представляют сейчас какую-либо опасность. Вместе с тем, отдавая должное достижениям, связанным с большей концептуальной ясностью и с пониманием того, что в языках существуют взаимосвязи между элементами в плане одновременности, отметим, тем не менее, что необходимо также, и это нисколько не преуменьшает указанные успехи, интенсивно изучать взаимозависимости между диахроническими и синхроническими явлениями. Именно такой подход был намечен в общих чертах в предыдущих главах настоящей книги^{5*}.

Так же как догма о дихотомии *langue* — *parole*, догма об автономности языка, опирающаяся на различие в дефиниционных свойствах языка и неязыка, сыграла важную роль в науке. Именно первостепенное значение человеческого языка и его центральное положение среди других систем коммуникации, а также многообразие точек зрения, с которых можно изучать язык людей, — например, с точки зрения литературоведения, психологии, философии, социальных наук и т. п. — все это побудило лингвистов в прошлом попытаться отграничить лингвистику от других наук исходя из того, что ее интересует язык сам по себе, в качестве цели, а не средства для достижения других целей (что характерно для других наук), какими бы важными эти цели ни были. Как и в случае *langue* и *parole*, попытки отграничить язык от неязыковых явлений шли в разных направлениях. Так, отношение *зна-*

^{5*}Современная трансформационная теория, однако, показывает, что, когда описание языка производится исходя из последовательных правил, эти правила могут соответствовать реальным или вероятным историческим изменениям. Поэтому то, что в прошлом было физическими событиями — процессами, становится абстрактными «конструктами», служащими для объяснения современных физических событий. Таким образом, понятие внутренней реконструкции (см.: Chafe Wallace L. Internal Reconstruction in Seneca // Language, № 35. July-September 1959. P.477-495; и ссылки в этой статье на более раннюю литературу), которое раньше рассматривалось как выведение заключений о прошлом языке из синхронических данных (в основном морфонетических чередований), оказывается включенным в описание. Однако здесь нет возможности смешения между конструктами более высокого уровня, которые известным образом корреспондируют с прошлыми изменениями, и современными физическими реализациями, которые были порождены правилами самого низкого уровня.

нения, в частности в случае лексического обозначения, — например, когда говорят, что английское слово *table* означает 'стол', — по мнению некоторых, не входит в компетенцию лингвистики, поскольку оно предполагает соотнесенность с экстралингвистическими явлениями. На этом основании некоторые исключали семантику из лингвистики, и язык рассматривался как исчисление, имеющее дело с правилами допустимых сочетаний абстрактных элементов, оторванных от их связи со значением. Другие лингвисты, также называвшие себя структуралистами, не исключали значение из лингвистики. Совершенно аналогичным образом и со стороны фонологии мог быть выдвинут аргумент о том, что лингвистика, как наука, занимается только структурными отношениями между единицами, абстрагированными от их фонического содержания. Подобно тому, как семантика требует отсылки к неязыковым явлениям в форме экстралингвистических десигнатов как части отношения значения, так и фонетика связана с артикуляторными явлениями, которые относятся к физиологии, и с акустическими фактами, относящимися к акустическому разделу физики. Исключая из своего состава конкретный материал семантики и физиологии, лингвистика превращается в науку о чисто формальных отношениях, абстрагированных от содержания. Хотя такая точка зрения и была влиятельной, она никогда не получала в лингвистике доминирующего положения. И снова подчеркнем — больше не существует причин, которые некогда побудили лингвистов искать автономный и самостоятельный объект изучения. В наши дни лингвистика бесспорно занимает свое законное место среди других наук и у нее есть четко определенный объект и методология. Ей больше не нужно бояться, что она может продать свое лингвистическое право первородства за психологическую, социологическую или любую другую чужую чечевичную похлебку. Догма автономности лингвистики выполнила свою полезную функцию, направив внимание лингвистов на поиски лингвистических переменных, в первую очередь, для объяснения языковых явлений, с тем чтобы избежать простого перифразирования лингвистических результатов в терминологию других наук. Но поиски дедуктивных объяснений с помощью универсалий, которые сами были установлены на основе широких наблюдений над фактами языка и в контек-

сте взаимосвязей с другими лингвистическими переменными, — это совсем другое дело. Здесь, как и в отношении других разграничений, имеющих тенденцию превращаться в догмы, важно сохранять необходимую степень свободы маневрирования и обращаться к любым переменным, независимо от их источника, если они понадобятся для объяснительной теории.

Недавняя революция в лингвистике заставила вновь вернуться ко многим проблемам и создала атмосферу, благоприятную для переформулирования старых вопросов и постановки новых. Она также подчеркнула универсальные свойства, присущие всякому организованному языковому поведению. Хотелось бы надеяться, что пути исследования, намеченные в данной книге, окажутся плодотворными в создании подлинно дедуктивного здания общих закономерностей, охватывающих как статические, так и динамические аспекты языка, а также связи между языком и социальной, психологической и природной системой, в недрах которой язык извечно функционирует.

^писок условных_обозначений

> ϕ)	Указывает отрицание
~(a)	Назализация Глухость
(b)	Придыхательность
$^c (k^c) =$	Отсутствие отступа
(k [̄])	Знак долготы; так, s' является звуком более долгим, чем s
(5*)	Конъюнкция
■ (ϕ ■ ϕ) k : g)	Указывает пропорциональное отношение. Например, t так относится к d, как k к g
: (t: d —	Изменение типа языка в любом направлении
	Имплицуруется
	Имплицурует
	Дает начало, становится
	Возникло из
	Заключает фонематическую транскрипцию
	Заключает фонетическую транскрипцию
	Заключает морфему, минимальный значимый грамматический элемент
{	Указывает на гипотетический характер формы; это форма, прошлое существование которой только предполагается, или теоретический конструкт, созданный для объяснения существующей формы, но сам реально не встречающийся

Именной указатель

Блок Б. - *Block B.* 185-187
 Блумфилд Л. — *Bloomfield L.* 71, 82
 Боас Ф. — *Boas F.* 71, 74

Вайнрайх У. — *Weinreich U.* 62
 Валдман А. — *Valdman A.* 160
 Вернер К. А. — *Verner A.* 197, 199
 Виндельбанд В. — *Windelband W.* 168

Галилей Галилео 13
 Глисон Г. - *Gleason H. A.* 108, 207
 Гримм Я. — *Grimm J.* 197, 198
 Гринберг Дж. — *Gracenberg J. H.* 140, 150, 159, 172

Джоссельсон Х. — *Josselson H. H.* 208

Карпентер С. Р. — *Carpenter C. R.* 13, 14
 Катц Дж. - *Katz J. J.* 62
 Кёлер Б. - *Kohler W.* 9
 Конфуций 31
 Кун К. С. - *Coon C. S.* 13

Олбрайт У. — *Albright W.* 91

Платон 31

Риккерт Г. — *Rickert H.* 168

Сапорта С. — *Saporta S.* 19
 Себеок Т. — *Sebeok T. A.* 62
 Сепир Э. - *Sapir E.* 31, 71, 140, 143
 Соссюр Ф. — *Saussure F. de* 36, 37, 71, 169, 210

Софокл 32

Тводелл У. Ф. — *Twadell W. F.* 74

Фант Г. - *Fant C, G. M.* 104
 Фергусон Ч.А. — *Ferguson C. A.* 159, 172, 173

Фодор Дж.А. — *Fodor J. A.* 62
 Фриз Ч. К. — *Fries C. C.* 79
 Фриш К. фон — *Frisch K. von*

16, 17

Харрис З. — *Harris Z.* 80

Чейф У. - *Chafe W. L.* 1 W

Шекспир У. — *Shakespeare W.* 32

Якобсон Р. — *Jakobson Я.* 104

Предметный указатель

- Абстрагирование от фонического содержания — *abstraction from phonic content* 98, 100, 102, 212
- автономность лингвистики — *the autonomy of linguistics* 202, 203, 206, 212
- азбука Морзе — *Morse code* 23
- алломорф — *allomorph* 76-78, 81, 82, 122, 188
- аллофон — *allophone* 75, 76, 97, 108-110, 173, **174**, 179, 207, 208
- аллофон и чes кое **варьирование** (чередование) — *allophonic variation (alternation)* 179, 207, 209
- алфавитное (буквенное) письмо — *alphabetic writing* 16, 88, 91, 92
- американская разновидность структурализма (дескриптивная лингвистика) — *American structuralism (descriptive linguistics)* 70, 72, 81
- анализ по непосредственно составляющим (НС) — *immediate constituent analysis* 80, 84
- аналитический язык — *analytic language* 139, 140
- аналогическая пропорция — *analogical proportion* 120-122
- аналогия — *analogy* **121**, 175, 189, 191~
- морфологическая — *morphological analogy* 120
- антропология — *anthropology* 37, 70, 71, 94 ареальная группа — *area/ group* 133, 134~ классификация языков — *area! classification* 133-135
- артикуляционная база — *basis of articulation* 57
- аспирация (придыхание) — *aspiration* 92, 103, 207, 208
- ассимиляция — *assimilation* 119
- Базовый класс — *base class* 178
- бесконечность сообщений (человеческого языка) — *infinity of messages (of human language)* 19, 21, 42, 150
- бесписьменные языки — *unwritten languages* 27, 31, 33, 38, 70
- бинарные различительные признаки в фонологии — *binary distinctive features in phonology* 149, 164, 204-206
- бихевиоризм — *behaviorism* 72, 84, 94
- Взаимопонятность — *mutual intelligibility* 42, 111
- внешние родственные формы — *external cognates* 135, 136
- внутриязыковая импликация — *in-language implication* 205
- внутриязыковые (внутренние) родственные формы — *internal cognates* 113, 114, 116, 120, 124, 126, 127, 174
- высота гласных — *vowel height* 164
- ~ основного тона — *pitch* 104, 106, 137, 155, 183, 200
- Генеративный подход (грамматика) — *generative approach (grammar)* 85, 126
- генетическая (генеалогическая) группа языков (генетически родственная группа) — *genetic group of languages* 132-135, 190
- ~ классификация языков — *genetic classification* 63, 131-135, 141
- гештальтпсихология — *gestalt psychology* 9, 70, 94
- гласные глухие /звонкие — *voiceless / voiced vowels* 181-187, 201
- ' долгие / краткие — *long / short vowels* 180
- ' ртовые / носовые — *oral / nasal vowels* 157-161, 170, 172, 198
- глоттализация — *glottalization* 180
- грамматика / словарь — *grammar / lexicon* 41, 60-62, 66
- грамматическая категория — *grammatical category* 208, 209
- ~ структура — *grammatical structure* 14, 15, 17, 21, 57, 75, 80
- грамматическое значение — *grammatical meaning* 60, 76
- Двойное членение языка — *duality of language* 16, 18, 22, 23, 56
- двойственное число — *dual* **123**, **151-153**, 156
- дефиниционные характеристики языка — *definitional characteristics of language* 211
- диаграмма «состояние-процесс» — *state-process diagram* 171
- диалект — *dialect* 27, 30-32, 35, 43, 44, 46, 49, **131**, 145
- диалектологический атлас — *dialectological atlas* 45, 90
- диссимилиация — *dissimilation* 122
- дистрибутивная теория (подход) — *distributional theory (approach)* 84, 95, 98, 102
- дистрибуция — *distribution* 50, 76, 78, 81, 83, 96-100, 154, 184
- дифтонги — *diphthongs* 90, 105, 136
- догма — *dogma* 203, 206, 211, 212
- долгота гласных — *vowel length* 129, 134, 179-182, 200
- дополнительная дистрибуция — *complementary distribution* 97-100
- дрейф — *drift* **143**
- Заимствование — *borrowing* 128, 129, 133, 147
- закон - *taw* 192, 196, 197 ~ Вернера — *Verner's law* 197, 199 ~ Гримма — *Grimm's law* 197, 198
- звонкость / глухость — *voicing / voicelessness* 205, 206
- звуковые законы — *sound laws* 114, 117, 118 "-'
- (фонетические) изменения — *sound (phonetic) change* 28,

- 47, 48, 109, 115-117, 119, 121, 122, 124, 126, 129, 136, 174, 184, 188, 200 знаки-иконы — *icons* 20, 21 знаки-символы — *symbols* 20, 21 значение (семантика) — *meaning (semantics)* 14, 95, 212
- Идеографическая система письма — *ideographic system of writing* 23
- идиолект — *idiolect* 43, 44
- изменение лексического значения — *semantic change* 127
- изменения по аналогии — *analogical change* 120-122, 184, 190, 194
- импlicative универсалия (импликация) — *implicational universal (implication)* 143, 151-153, 158, 159, 173
- историческая лингвистика — *historical linguistics* 111, 116, 117, 194, 197 исчисление — *calculus* 212
- Категориальные универсалии (обобщения) — *categorizing generalization* 149, 204
- категория рода — *gender* 198
- ~ числа — *category of number* 151, 156, 162, 164, 165
- класс морфем — *morpheme class* 78, 79, 81
- ~ слов — *word class* 54, 58
- код — *code* 25, 207
- коммуникация гиббонов — *gibbon communication* 13-15
- ~ пчел — *bee communication* 16-20, 22
- компетенция / употребление — *competence / performance* 55, 203 контаминация —
- contamination*
- 122 корпус — *corpus* 26, 42, 50-55, 83, 84, 181
- креольские языки — *Creoles* 146
- культура — *culture* 8, 10
- культурный ареал — *culture area* 27, 37, 134
- Лексема — *lexeme* 65-68
- лексикография — *lexicography* 62, 63
- лексикология — *lexicology* 59
- лексикон (словарь) — *lexicon* 57, 59, 60, 62, 65, 76, 81 лексическое значение — *lexical meaning* 49, 60, 61, 66, 76, 127
- лингвистика (лингвистическая наука) — *linguistics (linguistic science)* 25, 27, 31, 35, 36, 192, 212
- <v общая / частная — *general / specific (particularistic) linguistics* 169
- ~ описательная / историческая — *descriptive / historical linguistics* 54, 71, 111, 116 лингвистическая теория — *linguistic theory* 26, 62, 71, 72, 87
- лингвистически релевантный — *linguistically relevant* 207, 208
- литературный язык — *literary language* 64, 69, 145
- Маркированные / немаркированные явления (катего-

- ри) — *marked / unmarked features* 161-163, 178, 179, 181, 187, 189, 190, 210 ментализм — *mentalism* 73, 94 метаязык — *metalanguage* 21, 126
- минимальные пары — *minimal pairs* 93, 95-97 много-модальность — *multimodality* 16, 22
- модель «единица-аранжировка» — *item-and-arrangement* 71, 72, 77, 81 ~ «единица-процесс» — *item-and-process* 82, 85
- ~ «парадигма слова» — *word paradigm* 63, 65
- морфема — *morpheme* 76-80, 120
- ~ / слово (отношение) — *morpheme-word ratio* 140
- морфологическое изменение — *morphological change* 122, 124
- морфология — *morphology* 65-67
- морфофонемика — *morphophonemics* 11
- Навыки артикуляции — *habits of articulation* 28, 57
- ~ восприятия — *habits of perception* 51, 14
- назализация — *nasalization* 91, 104, 173, 177, 179, 180, 214
- назальность — *nasality* 102, 104, 157, 176-178, 205
- научное объяснение — *scientific explanation* 192, 193
- независимая сегментная форма маркированного явления — *independent segmental form* 178
- неизбежная универсалия — *inevitable universal* 156
- неограниченные универсалии — *unrestricted universals* 142, 151, 152, 158, 201
- непосредственно составляющие (анализ по НС) — *immediate constituents (analysis)* 80, 84, 85 непротиворечивый принцип — *consistency* 204
- новообразование — *coinage* 129
- норма — *norm* 30, 33, 34, 42, 44
- нуль (нулевой элемент, понятие нуля) — *zero* 82, 125, 163, 188-191
- Обобщение (о языке) — *generalization* 6, 85-87, 111, 112, 114, 142, 149
- обусловленная универсалия — *conditioned universal* 151
- обусловленное / необусловленное звуковое изменение — *conditioned / unconditioned sound change* 109, 115-117, 119, 120
- общая закономерность / закон — *general principle / law* 192, 196
- объяснение — *explanation* 193-195
- огубление (лабиализация) — *lip rounding (labialization)* 117, 164, 200
- окружение (фонемы) — *environment* 15, 96, 176, 186
- описательный / предписывающий подход к языку — *descriptive / prescriptive approach* 30
- опущение (трансформационная операция) — *deletion transformation* 125

- Падежи прямые / косвенные — *direct case / oblique case* 187
 палатализация — *palatalization* 89, 178
 панхронические исследования — *panchronic studies* 40
 парадигматический ряд — *paradigm set* 65, 66
 пиджин — *Pidgin language* 145, 146
 письменный язык (форма языка) — *written language* 22, 23, 26-29, 38
 поглощение — *coalescence* 177
 пограничный сигнал (фонематика) — *juncture* 107
 полисемия / омонимия — *polysemy / homonymy* 66
 полисинтетический язык — *polysynthetic language* 140
 полноты принцип — *completeness* 55
 порядок слов — *word order* 58, 125, 136, 141, 157
 Пражская лингвистическая школа — *Prague School of linguistics* 72, 75, 101-103, 107, 161
 праязык (протоязык) — *protolanguage* 131, 132, 135-137
 предложение — *sentence* 51, 78-84
 продуктивность (языка) — *productivity* 18
 происхождение (языка) — *language origin* 11, 12
 простоты принцип — *simplicity* 55
 процесс (как класс изменений) — *process* 109, 112, 117, 118, 128-130, 168
 прямого исторического исследования метод — *direct historical comparison* 130, 133, 168
 психолингвистика — *psycholinguistics* 33, 199
 психология — *psychology* 119, 200, 202
 Различительные фонетические признаки — *distinctive sound features* 103
 регулярные обусловленные звуковые изменения — *regular conditioned sound change* 116-122, 126, 127
 редукционизм — *reductionism* 203
 реконструкция праязыка — *reconstruction of ancestral language (proto/language)* 63, 132
 род (категория) — *gender* 138, 198
 родства термины — *kinship terminology* 165
 родственные по происхождению формы — *cognate forms* 113
 ~ языки — *related languages* 113, 131, 132, 136, 137, 143, 171, 197
 родство языков — *relations/vp* 132
 Свободное варьирование — *free variation* 49, 97, 98, 109, ПО, 170, 184, 186
 свободные варианты — *free variants* 49, 50, МО
 семантика — *semantics* 73, 86, 94, 95, 212
 ~ описательная — *descriptive semantics* 127
 семантическая категория — *semantic category* 123

- ~ универсальность (человеческого языка) — *semantic universality* 20, 22, 23
 семантический процесс (изменение) — *semantic process (changes)* 122, 123, 125, 128, 202
 семантическое поле — *field'* 128
 ~ расширение — *semantic extension* 125, 147
 ~ сужение — *semantic narrowing* 128
 сентенциальные универсалии — *sentential universals* 150, 151
 сингармонизм гласных — *vowel harmony* 196, 197, 199
 синтаксис — *syntax* 65, 67, 68, 72, 83, 84, 127
 синтаксическое изменение — *syntactic change* 125, 126
 синтетический язык — *synthetic language* 139, 140
 синхроническая / диахроническая лингвистика — *synchronic / diachronic linguistics* 39, 169, 170
 синхронические / диахронические универсалии — *synchronic / diachronic universals* 112, 156, 166, 174-176, 179, 184, 198
 синхрония / диахрония — *synchronic / diachronic* 85, 167, 170, 210
 слияние (звуков) — *merger* 176, 177
 словарный состав (лексикон) — *lexicon (vocabulary)* 47, 50, 57, 60, 76
 слово — *word* 54, 60, 65, 67, 80
 словоизменение — *inflexion* 65-67, 70
 словоизменительная категория — *inflectional category* 66-68, 151, 156
 словообразование (деривация) — *word building (derivation)* 61, 65, 67, 68, 147
 словосочетание — *phrase* 79
 сложение (словосложение) — *compounding* 61, 65, 68, 147
 согласные глоттализированные / неглоттализированные — *globalized / nonglottalized consonants* 160, 161
 ^ носовые — *nasal consonants* 153, 172, 173, 175, 176, 178
 согласование — *agreement* 66
 сообщение — *message* 10, 15, 17-19, 25, 53, 150, 208
 составляющая — *constituent* 80
 социолингвистика — *sociolinguistics* 33, 45, 46, 199
 социология — *sociology* 33, 70
 спорадический процесс — *sporadic process* 117-119, 121
 сравнительная когнитология — *comparative cognition* 202
 сравнительно-исторический метод (в лингвистике) — *comparative-historical method (linguistics)* 36-38, 71, 132, 143, 171, 172
 сравнительные исследования — *comparative studies* 38, 41, 111, 130, 190
 стандартный язык — *standard language* 27, 90, 131
 статистические универсалии (почти-универсалии) — *statistical universals (near-universals)* 153, 154, 183., 198

- стилистика — *stylistics* 44
 стиль — *style* 208
 ^ аллегро — *allegro style* 44, 48, 185-187, 200
 ~ ленто — *lento style* 44, 48, 185--187, 200
 структурализм (структуральная лингвистика) — *structuralism (structural linguistics)* 36, 63, 70, 72, 83, 85, 88, 94, 167, 169, 196, 210
 субституция (подстановка) — *substitution* 80, 83
 сужение значения — *narrowing* 128
- Теория бинарных фонетических признаков — *binary features theory* 104, 105
 ~ лингвистического описания — *theory of linguistic description* 53-55
 ~ моногенеза человеческого языка — *the monogenetic theory of language origin* 138 ~ соотносительного происхождения носовых гласных — *theory of relative origin MIMA*
 ~ функциональной нагрузки — *theory of functional yield* 177 ~ языка — *theory of language* 86 тип-экземпляр (отношение) — *type-token (relationship)* 51, 54, 195, 207, 208 типологическая классификация (языков) — *typological classification* 135, 137, 138, 140-145, 148, 151, 152, 154, 165, 170, 181
- типологический класс — *typological class* 137-139, 142, 144, 152, 206
 тоновые / нетоновые языки — *tonal / nontonal languages* 137, 138
 транзитивное отношение — *transitive relation* 99
 трансформационный подход (теория, грамматика, лингвистика) — *transformational approach [theory, grammar, linguistics]* 62, 63, 84, 86, 110, 125, 196, 211
- Универсалия — *universal* 40, 112, 142-144, 148, 150, 169, 198, 212 универсальная грамматика — *grammaire ge'ne'rale* 149
 управление — *government* 66
 уровни анализа — *levels of analysis* 94, 103 устный язык (форма языка) — *spoken language* 22, 23, 26, 27, 29
- Философия науки — *philosophy of science* 25, 192
 фонема — *phoneme* 15, 16, 23, 54, 74-77, 81, 88, 94, 95, 98, 100-102, 106-109, 137, 155, 174, 178
 фонетика — *phonetics* 70, 74, 90, 92, 103, 106, 127, 149, 204
 фонетическая система письма — *phonetic system of writing* 23 ~ транскрипция МФА — *transcription of International Phonetics Association* 77, 92

- фонетические изменения (как процессы) — *phonological changes (processes)* 112
 ~ признаки — *phonetic features* 101, 103, 105, 107, 110, 115
 фонетическое сходство — *phonetics similarity* 100, 110, 135
 фонология — *phonology* 57, 58, 67, 69, 72, 75, 76, 78, 81, 83, 86-88, 110, 112, 164, 212
 фонемы — *phones* 98-101
 функционализм — *functionalism* 70
- Части речи — *parts of speech* 68-70, 73, 79, 149
 частотностей распределение — *frequency distribution* 155
 частотность — *frequency* 48-50, 54, 95, 155, 159, 160, 175, 179, 208
- человеческая коммуникация / коммуникация животных — *human communication / animal communication* 20
 человеческий язык — *human language* 11-13, 15, 16, 20
 членение непрерывности (сегментация) — *division of continuum* 164-166, 199, 200
 членораздельность речи — *articulate basis of speech* 15
- Экономия (принцип экономии, экономия сущностей) — *economy* 82, 105, 107, 149, 205
 эксплицитность — *explicitness* 62, 86
 эмиические элементы — *emic elements* 74
 этические элементы — *etic elements* 74
- Язык - *language* 10, 41, 88, 89, 111, 130
 ~ / культура — *language / culture* 10, 41, 48
 <*> / математика — *language / mathematics* 13
 ~ / музыка — *language / music* 13, 51, 52
 ~ / речь — *language / speech* 25, 26, 28, 37
 ~ как разновидность коммуникативных систем — *language as one species of a genus of communication* 12
 языковое состояние — *language state* 37, 41, 42, 167, 210
 языковые изменения — *language change* 28, 47, 55, 86, 111, 127, 129, 144, 168, 199, 202
 ~ контакты — *language contacts* 133